

CONNECTIONS

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ CONNECTIONS

КОНСОРЦИУМ
«ПАРТНЕРСТВО РАДИ МИРА»
ВОЕННЫХ АКАДЕМИЙ И
ИНСТИТУТОВ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ
БЕЗОПАСНОСТИ

Весна 2022

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ СИЛОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

РЕДАКТОРЫ: ПИТЕР ДОБИАС,
ДЖОН НЕЛЬСОН

**Консорциум военных академий
и институтов изучения проблем безопасности
программы «Партнерство ради мира»**

Редколлегия Консорциума ПрМ

Шон Костиган	Главный редактор
Эд Кларк	Ответственный редактор
Аида Алымбаева	Институт анализа и развития инициативы, Бишкек
Пал Дунай	Центр Джорджа Маршалла, Гармиш-Партенкирхен
Филипп Флури	Урсулинский университет Вэньцзао (WZU), Гаосюн, Тайвань
Пётр Гавличек	Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша
Динос Кэриган-Киру	Университет Абертей, Ирландия
Дэвид Массингтон	Правительство США
Крис Палларис	i-intelligence GmbH, Цюрих
Тамара Патарая	Кавказский институт мира, демократии и развития
Тодор Тагарев	Болгарская академия наук, София
Энекен Тикк	Институт киберполитики, Ювяскюля, Финляндия

Взгляды и статьи во всех публикациях *Connections* принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «ПрМ», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Издание выходит при поддержке правительства США. Серия публикаций Консорциума доступна бесплатно по адресу <http://www.connections-qj.org>. Если вы хотите заказать для своей библиотеки печатные экземпляры или у вас есть вопросы касательно публикаций Консорциума, просим обращаться в Консорциум «Партнерства ради мира», PfPCpublications2@marshallcenter.org.

Весенний (2022 г.) выпуск *Connections: The Quarterly Journal* в связи с задержкой публикации вышел в августе 2023 г. Он может содержать информацию и касаться событий, более поздних, чем указанная на обложке дата.

Д-р Рафаэль Перл
Исполнительный директор

Шон Костиган
Главный редактор Редколлегии

ISSN 1812-1101, e-ISSN 1812-2973

CONNECTIONS

THE QUARTERLY JOURNAL

том 21, № 2, весна 2022

Содержание

Том 21, № 2, весна 2022

Редакционная статья

- Гибридная война и необходимость промежуточных силовых возможностей 5
Питер Добиас

Рецензированные статьи

- Угрозы XXI века требуют сдерживания XXI века 11
Джим Дерлет, Джефф Пиклер
- Об «Экономическом НАТО» 25
Рон Мэтьюз
- «Серая зона» и гибридные действия 42
Питер Добиас, Кайл Кристенсен
- Нелетальное оружие и промежуточные силовые возможности: Необходимое дополнение летальных средств 56
Сьюзен Левин
- Разработка концепции промежуточных силовых возможностей НАТО 68
Джон Нельсон

Как оценить воздействие нелетального оружия <i>Криста Ромита Грохольски, Скотт Савиц</i>	89
Военные игры с промежуточными силовыми возможностями: Стратегические последствия тактических решений <i>Питер Добиас, Кайл Кристенсен, Вильям Фрид</i>	101
Вброс нарративов в информационное поле боя <i>Сьюзен Уолдмен, Шон Гавел</i>	115
НАТО и промежуточные силовые возможности: Почему важен человеческий фактор <i>Шэннон Фоли, Кейтлин Джексон, Сьюзен Арос, Анне Мари Бейлуни</i>	128

Гибридная война и необходимость промежуточных силовых возможностей

Питер Добиас

Управление НИОКР МО Канады,

<https://www.canada.ca/en/defence-research-development.html>

Аннотация: НАТО сталкивается с актами агрессии со стороны противников, преднамеренно совершаемыми ниже порога применения летальной силы или направленными на то, чтобы спровоцировать летальный ответ НАТО и создать издержки для Альянса в виде нежелательной эскалации, риска сопутствующего ущерба с гражданскими жертвами или потери репутации. Примеры таких действий варьируют от опасных сближений в воздухе и на море, подстрекательства беспорядков и использования беженцев в качестве оружия до применения силы, но не летальной, чтобы запугать противника. В настоящее время реакция НАТО часто ограничивается двумя крайностями – простое присутствие или применение летальной силы, что даёт инициативу противнику. Этот выпуск содержит ряд статей, исследующих промежуточные силовые возможности (среди которых – нелетальное оружие, кибернетические, информационные операции, радиоэлектронная борьба, и стратегические возможности, такие, как полицейское патрулирование для поддержания порядка и применение сил специальных операций) и их способность решить нынешние дилеммы НАТО ниже порога применения летальной силы.

Ключевые слова: промежуточные силовые возможности, гибридная война, нелетальное оружие, последствия для людей.

При анализе международной безопасности сейчас всё больше внимания уделяют так называемой серой зоне.¹ RAND, исследуя вызовы гибридной войны/серой зоны, определяет эту часть конкурентного континуума как

¹ Frank G. Hoffman, "Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges," *PRISM* 7, no. 4 (November 2018): 31-47, https://ndupress.ndu.edu/Portals/96/Documents/prism/prism7_4/181204_Hoffman_PDF.pdf.

«оперативное пространство между миром и войной, с применением мер принуждения для изменения статус-кво ниже порога, который в большинстве случаев вызывает конвенциональную военную реакцию, часто – путём размывания границы между военными и невоенными действиями и усложнения определения ответственности за события».²

Одна из проблем, вызванных сложностью действий в таких условиях безопасности, заключается в том, что наши противники, зная о пороге применения летальной силы НАТО, часто могут действовать безнаказанно ниже уровня вооружённого конфликта:

Противники предпринимают акты агрессии, преднамеренно остающиеся ниже летального порога применения летальной силы или гарантирующие, что летальная реакция НАТО принесёт издержки — нежелательную эскалацию, риски сопутствующего ущерба с гражданскими жертвами, потерю репутации и другие неблагоприятные стратегические или политические последствия – для Альянса.³

Примеры таких действий варьируют от опасных сближений в воздухе и на море, подстрекательства беспорядков и использования беженцев в качестве оружия до применения силы, но не летальной, чтобы запугать соперников. Реакция НАТО часто ограничивается двумя крайностями – простое присутствие или применение летальной силы, уступая инициативу и нарратив противникам.

Эту проблему иллюстрируют действия Китая по отношению к Филиппинам в последнее время. Как писал журнал *Time*,

От подсветки филиппинских кораблей лазерами в феврале до обстрела их водомётами на прошлых выходных, Китай продолжает испытывать пределы агрессии – взводя пружину, но осторожно воздерживаясь от прямого акта войны – в спорных водах, наподобие Южно-Китайского моря. ... делая всё, кроме вооружённого нападения, ..., Китай может «подорвать» и «постепенно ослабить способность» Филиппин и других стран «реагировать своевременно и в течение длительного времени».⁴

Такие шаги побуждают страны НАТО иметь возможность противодействия враждебным действиям по всему спектру применения силы, не только летальной. В противном случае противники воспользуются тем, что Кан назвал «эскалационное доминирование – способность стороны, имею-

² Lyle J. Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War* (Santa Monica, CA: RAND, 2019), 8, <https://doi.org/10.7249/RR2942>.

³ NATO Intermediate Force Capability Concept, Fourth Draft, Submitted to NATO Supreme Allied Command Transformation in December 2021.

⁴ Chad de Guzman, *China Is Testing How Hard It Can Push in the South China Sea Before Someone Pushes Back*, *Time*, August 8, 2023, по состоянию на 15 августа 2023, <https://time.com/6302515/china-philippines-south-china-sea-aggression/>.

щей его, при прочих равных условиях получить явное преимущество на данном отрезке лестницы эскалации».⁵ Иными словами, они могут запугивать страны НАТО и их партнеров, чтобы достичь своих целей, не прибегая к летальной силе; если НАТО клюнет на наживку и пойдет на эскалацию, её можно будет представить агрессором.

В 1999 г. НАТО выработала политику в отношении нелетального оружия,⁶ направленную на расширение спектра военных вариантов выполнения задач при минимизации гражданских жертв и ущерба для гражданской инфраструктуры и имущества. Но нелетальное оружие – лишь часть средств, способных решить эту задачу. В ответ на изменения условий безопасности в НАТО решили разработать более широкую концепцию применения силы в промежутке между простым присутствием и использованием летальной силы. В итоге в проекте концепции НАТО промежуточные силовые возможности⁷ (Intermediate Force Capabilities, IFC) определяются как

Активные средства ниже порога летальности, временно ослабляющие, поражающие, замедляющие или нейтрализующие цели во всех средах и на всех этапах противостояния и конфликта.⁸

IFC включают традиционные нелетальные средства (кинетические, направленной энергии и проч.), а также кибернетические, информационные, РЭБ и даже стратегические возможности, такие как полицейское патрулирование для поддержания порядка и применение сил специальных операций ниже летального порога.

В статьях этого выпуска с разных точек зрения рассматривается гибридная война и потребность в IFC. В первой статье Джим Дерлет и Джефф Пиклер обсуждают расширение применения нерегулярной тактики крупными соперничающими государствами в последние десятилетия и утверждают, что сдерживания при помощи конвенциональных и ядерных сил уже недостаточно. Они делают вывод, что сдерживание нужно адаптировать к угрозам XXI века. Далее Рон Мэтьюз рассматривает необходимость для либеральных демократий реагировать на усиление экономического запугивания, принуждения, «дипломатии канонерок» и геоэкономического давления

⁵ Herman Kahn, *On Escalation: Metaphors and Scenarios*, 1st ed. (New Brunswick, NJ: Routledge, October 15, 2009).

⁶ NATO, “NATO Policy on Non-lethal Weapons,” October 13, 1999, по состоянию на 15 августа 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27417.htm.

⁷ Этот термин, не будучи доктринальным, приобретает популярность у военных США и НАТО. См., например, Susan LeVine, “Beyond Bean Bags and Rubber Bullets: Intermediate Force Capabilities Across the Competition Continuum,” *Joint Forces Quarterly* 100 (1st Quarter 2021): 19-24, https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-100/jfq-100_20-25_Levine.pdf.

⁸ NATO ACT IFC Concept Development Workshop endorsed the definition in October 2021; также в NATO Research Task Group SAS-151, Intermediate Force Capabilities (IFC) Concept Development and Experimentation to Counter Adversary Aggression, NATO STO TR-SAS-151, December 2022.

России и Китая. В статье сделан вывод о том, что расширение мер принуждения со стороны России и Китая несёт угрозу свободному миру и требует более самодостаточной долгосрочной стратегической, экономической, оборонной и дипломатической позиции Запада, вместе с экономической поддержкой более бедных, но стратегически важных стран. В третьей статье авторства Питера Добиаса и Кайла Кристенсена рассмотрены угрозы военных операций в серой зоне, особенно провал сдерживания ниже летального порога, где соперники НАТО часто действуют безнаказанно. В статье утверждается, что IFC – именно тот инструмент, который обеспечит эффективные средства реагирования ниже летального порога и сможет повлиять на обстановку в разных сферах вплоть до стратегического уровня.

Затем фокус статей смещается к IFC. В статье Сьюзан Левин отмечена важность нелетального оружия для Стратегии национальной обороны США 2022 г. и Стратегической концепции НАТО 2022 г. Она убедительно показывает, что IFC могут усилить сдерживание, обеспечить активные или оборонительные меры для противодействия агрессии ниже уровня вооружённого конфликта и дать возможность проводить военные операции среди гражданского населения в городских условиях. В статье Джона Нельсона обсуждается процесс разработки проекта концепции IFC НАТО посредством серии военных игр и семинаров. Он делает вывод о том, что НАТО необходимо развивать, приобретать и эффективно использовать IFC во всем континууме, чтобы выиграть противостояние как ниже, так и выше порога вооруженного конфликта, создать издержки для противников и добиться информационной победы. Криста Ромита Грохольски и Скотт Савиц описывают подход RAND к оценке стратегических последствий применения нелетального оружия на основе логической модели. Они утверждают, что для лучшего описания и демонстрации воздействия нелетального оружия и действий на тактическом и оперативном уровне в привязке к стратегическим целям можно использовать всеобъемлющую логическую модель. Затем Питер Добиас, Кайл Кристенсен и Вильям Фрид завершают эту часть дискуссии, представляя новый подход к военным играм, объединяющий разные типы военных игр на тактическом, оперативном и стратегическом уровне для проверки возможностей, действие которых охватывает несколько сфер, со стратегическими и оперативными результатами, не соизмеримыми или прямо не связанными с тактическим воздействием.

Далее обсуждение переходит к рассмотрению человеческого фактора. В первой части этого раздела Сьюзен Уолдмен и Шон Гавел анализируют войну нарративов и её влияние на итоги на реальном поле боя. Они приходят к выводу, что военным жизненно важно уяснить, как применение силы в целом подаётся в информационном поле. Командиры, планирующие операции, должны понимать, что рассказ об их действиях повлияет на гораздо большее число людей, чем их оружие. Наконец, Шэннон Фоли, Кейтлин Джексон, Сьюзен Арос и Анне Мари Бейлуни освещают изменения в области безопасности, делая вывод, что хотя летальные средства абсолютно

необходимы для НАТО, их уже не достаточно для типичных военных операций. Они обсуждают, как IFC можно сделать эффективными инструментами нужных изменений в поведении людей, и приходят к выводу, что НАТО абсолютно необходимо признать важность промежуточных силовых возможностей как дополнения к летальной силе, сделав их обязательным элементом планирования и подготовки НАТО.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Д-р Питер Добиас – руководитель отдела сухопутных и оперативных командований Центра оперативных исследований и анализа Управления научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Министерства обороны Канады (DRDC CORA) в Оттаве. Отвечает за оперативные исследования и стратегический анализ силами пяти групп, входящих в состав оперативных командований Вооружённых сил и Сухопутных войск Канады. Ранее возглавлял ряд групп в DRDC CORA и Центральном командовании ВС США. Его научный опыт включает анализ сложных адаптивных и самоорганизующихся систем, сдерживание и оценку угроз, военные игры и конструктивное моделирование, а также оценку стратегических и оперативных задач.
Электронная почта: Peter.Dobias@forces.gc.ca

Дж. Дерлет, Дж. Пиклер, *Connections QJ* 21, № 2 (2022): 11-24
<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.2.01>

Рецензированная статья

Угрозы XXI века требуют сдерживания XXI века

Джим Дерлет, Джефф Пиклер

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, <https://www.marshallcenter.org/en>

Аннотация: В условиях соперничества США и Советского Союза (СССР) после Второй мировой войны сдерживание стало основой стратегии безопасности Соединённых Штатов. Ранее США уделяли первоочередное внимание сдерживанию обычных и ядерных угроз. Это помогло избежать прямого военного конфликта между двумя сверхдержавами, но не остановило их политическое соперничество, а лишь переместило его в сферы, снижающие риск открытого военного конфликта. Во время Холодной войны и США, и СССР прибегали к тактике нерегулярных действий для достижения своих стратегических целей в «серой зоне» ниже порога «применения силы», или «вооружённого нападения», согласно Уставу ООН. Техника ограничивала эффективность тактики нерегулярных действий, не считавшихся серьёзной угрозой национальной безопасности. Сегодня глобальная, взаимосвязанная и всепроникающая информационная среда даёт противникам множество возможностей достичь стратегических целей, не переступая стратегический порог, который в прошлом провоцировал военный ответ.

Рост числа нападений с применением нерегулярных сил показывает, что хотя сдерживание и далее позволяет избежать крупномасштабного военного конфликта между великими державами, оно не препятствует агрессии в серой зоне. От Балтики до Кавказа, Россия постоянно демонстрирует, как тактика нерегулярных действий позволяет достичь стратегических целей, не боясь неприемлемого противодействия. Тенденции мощи государств, взаимозависимость и технологии позволяют предположить, что Россия и другие противники будут и далее наращивать возможности использовать уязвимые места серой зоны. Политики сдерживания лишь обычными и ядерными силами уже недостаточно. Чтобы сдерживать тактику нерегулярных действий,

США должны выработать стратегию сдерживания XXI века. Такая необходимость только вырастет с попытками России компенсировать свои военные неудачи в Украине. С ослаблением российских неядерных сил Россия всё больше будет применять тактику нерегулярных действий для ударов по противникам. В этом исследовании рассмотрено снижение актуальности традиционных стратегий ядерного и неядерного сдерживания и показано, что сдерживание пора изменить для противодействия угрозам XXI века.

Ключевые слова: сдерживание, Россия, гибридные угрозы, нерегулярные боевые действия, серая зона, национальная безопасность.

Вступление

Вскоре после поражения Германии во Второй мировой войне США и СССР втянулись в глобальную борьбу за власть и влияние. В отличие от предыдущих споров великих держав, часто приводивших к вооружённым конфликтам, ядерное оружие изменило калькуляции риска для обеих сторон. Это имело четыре важных последствия. Во-первых, чтобы снизить вероятность конфликта и эскалации, США и СССР прибегали к тактике нерегулярных действий.¹ Во-вторых, это перенесло соперничество в серую зону ниже уровня традиционного межгосударственного конфликта.² В-третьих, поскольку боевые действия между ядерными противниками могут привести к их взаимному уничтожению, военную силу могли применять преимущественно для «принуждения, запугивания и сдерживания».³ В-четвёртых, как показал Вьетнам и Афганистан, это перенесло вооружённый конфликт на уровень марионеток соперников.

В результате в США была принята политика сдерживания. Её принятие серьёзно изменило вооружённые силы. Ядерный стратег Бернард Броди писал: «до сих пор главной целью нашего военного ведомства была победа в войне, теперь его главной целью должно стать её предотвращение».⁴ Есть

¹ В тактике нерегулярных действий используются классические принципы стратегии – победа без войны, довоенные меры и «тактика салями». Современные примеры включают дезинформацию, кибератаки, экономическое принуждение, юридическое крючкотворство и использование марионеток.

² Kathleen H. Hicks, “Russia in the Grey Zone,” *Commentary* (Washington: Center for Strategic & International Studies, July 25, 2019), <https://www.csis.org/analysis/russia-gray-zone>.

³ Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (New Haven, CT: Yale University Press, 2008), 34. Цель сдерживания – предотвратить потенциальные действия агрессора, убедив его в том, что издержки или последствия его действий перевешивают любые потенциальные выгоды. Это определение основано на классических взглядах на теорию и практику сдерживания.

⁴ Andrew F. Krepinevich Jr., “The Eroding Balance of Terror: The Decline of Deterrence,” *Foreign Affairs* (January/February 2019), <https://www.foreignaffairs.com/eroding-balance-terror>.

два традиционных вида сдерживания: сдерживание недопущением и сдерживание возмездием. Сдерживание недопущением основано на способности удержать от действий, сделав их успех маловероятным. Сдерживание возмездием – это угроза создать издержки: экономические, военные, политические, или все вместе, превосходящие возможные выгоды агрессии. Эффективное сдерживание недопущением или возмездием обусловлено чёткой формулировкой национальных интересов («красных линий»), способностью осуществить свои угрозы, верой в готовность реализовать их и связью с противником, чтобы тот понимал соотношение издержек и выгод своих действий.⁵ Обычное и ядерное сдерживание стало основой безопасности США на последующие 50 лет – Соединённые Штаты старались достичь своих стратегических целей, в то же время избегая полномасштабной войны.

Нерегулярные угрозы и сдерживание

Сдерживание времён Холодной войны было эффективным, потому что внешняя политика США удерживала стратегическое соперничество ниже порога войны между государствами. Но ядерное сдерживание долго приводило к тому, что Гленн Снайдер назвал парадоксом стабильности-нестабильности. «Это означает, что чем стабильнее ядерный баланс, тем охотнее державы будут вступать в конфликты ниже порога войны».⁶ Так было во время Холодной войны, так это и сегодня. В докладе Госдепартамента 1981 г. отмечены иррегулярные действия Советского Союза, включая «контроль прессы в зарубежных странах; открытую или частичную подделку документов; слухи, инсинуации, передёргивание фактов и ложь; использование подставных международных и местных организаций; тайную работу радиостанций; привлечение к сотрудничеству научных, политических, эконо-

⁵ Если раскрыть эти три ключевых аспекта сдерживания, способность – это возможность влиять на поведение. Для эффективного сдерживания нужен ряд возможностей, гарантирующих, что любой вид агрессии не достигнет цели и/или будет сопряжён с реальным риском неприемлемых последствий для противника. Вера основана на поддержке уверенности в том, что заявленные меры сдерживания действительно будут реализованы. Вера требует наличия возможности реализовать множество вариантов и готовности их использовать. Связь означает донесение нужного сообщения до противника, которого требуется сдерживать. Эффективная связь требует решимости не допустить никаких выгод и/или создать издержки при любых агрессивных действиях.

⁶ Glenn Snyder, *The Balance of Power and the Balance of Terror*, quoted in Michael Kofman, “Raiding and International Brigandry: Russia’s Strategy for Great Power Competition,” *War on the Rocks*, June 14, 2018, <https://warontherocks.com/2018/06/raiding-and-international-brigandry-russias-strategy-for-great-power-competition/>.

мических и медийных деятелей страны для влияния на политику государства». ⁷ Эти усилия не дали существенного стратегического эффекта из-за ограничений информационных технологий и биполярной геополитической ситуации того времени. Сегодня из-за изменений в глобальном балансе сил, возникновения многополярной системы, технологий, позволяющих государствам напрямую использовать уязвимость и взаимозависимость общества, государства гораздо более уязвимы к тактике нерегулярных действий. Вмешательство России в президентские выборы в США в 2016 г. и утечка данных SolarWinds в 2020 г. показывают, что наши противники могут достичь своих стратегических целей с низкими затратами и ограниченным риском установления виновных или эскалации.

Несмотря на эти изменения, подход США к сдерживанию остается в целом таким же, как и во время Холодной войны. Основное внимание уделяется использованию обычных и ядерных сил для сдерживания и, при необходимости, поражения равного противника на поле боя. В текущих усилиях по модернизации армии, США отдают приоритет летальности на поле боя, вкладывая миллиарды долларов в высокоточные средства поражения большой дальности, боевые машины следующего поколения, будущие платформы вертикального взлёта, модернизацию армейских сетевых технологий, систем ПВО и ПРО, а также увеличение возможностей индивидуального вооружения солдат. Обучение и учения по-прежнему сосредоточены на сближении с равным противником и его уничтожении при помощи точного огня и манёвра. Хотя мощные и обученные обычные и современные ядерные силы обеспечивают сдерживание, последние 15 лет показали, что они не могут сдерживать кибератаки, использование марионеток, дезинформацию и другую тактику нерегулярных действий, доминирующую в современном стратегическом противоборстве. Наши же противники учли изменения стратегической ситуации в своей военной стратегии. Так, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Герасимов отмечал, что «правила войны» изменились: «Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия». ⁸

Как отмечал в своей книге *The Weaponisation of Everything* Марк Галеотти, «мир сейчас более сложен и, главное, теснее взаимосвязан, чем когда-

⁷ “Soviet ‘Active Measures’: Forgery, Disinformation, Political Operations,” Special Report No. 88 (Washington, DC: U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs, October 1981), <http://insidethecoldwar.org/sites/default/files/documents/Soviet%20Active%20Measures%20Forgery,%20Disinformation,%20Political%20Operations%20October%201981.pdf>.

⁸ Валерий Герасимов, «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий», *Военное обозрение* (январь-февраль 2016): 30-38, 24, <https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

либо прежде... Войны без войны, невоенные конфликты, в которых используются все прочие средства, от подрывной деятельности до санкций, от мемов до убийств, могут стать новой нормой». ⁹ Эта новая стратегическая ситуация подрывает нашу нынешнюю стратегию сдерживания. «...развитие событий ведёт к неизбежному и тревожному выводу: главной стратегической проблемой нынешней эпохи является не возобновление соперничества великих держав и не распространение передовых вооружений. Это упадок сдерживания». ¹⁰ Эта ситуация имеет далеко идущие последствия для национальной безопасности. Главное – она подрывает обычное и ядерное сдерживание и позволяет противникам действовать безнаказанно. ¹¹ Чтобы изменить ситуацию, нам нужно изменить расчёт издержек и выгод для России и других противников. Иными словами, мы должны создать стратегию сдерживания нерегулярных угроз.

Комплексное сдерживание

Противники применяют летальную и нелетальную тактику нерегулярных действий для достижения своих целей. Примеры включают использование марионеток, угрозы критически важной инфраструктуре, гражданам (убийства, преследования, похищения людей и т.д.), вмешательство в демократические и управленческие функции. Поэтому для национальной безопасности США важна способность сдерживать нерегулярные угрозы. Во временных стратегических директивах по национальной безопасности на 2021 г. президент Байден пообещал «развивать возможности для лучшего противостояния и сдерживания в серой зоне». ¹² После назначения на пост министра обороны США Остин заметил, что Соединенным Штатам нужен новый подход к сдерживанию, который бы «при необходимости создавал издержки, используя при этом все наши инструменты для снижения риска эскалации с противниками и реагирования на вызовы ниже уровня вооруженного конфликта». Эту новую политику назвали «комплексным сдерживанием». ¹³

⁹ Mark Galeotti, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022), 18.

¹⁰ Krepinevich Jr., “The Eroding Balance of Terror.”

¹¹ Sean Monaghan, “Deterring Hybrid Threats: Towards a Fifth Wave of Deterrence Theory and Practice,” Hybrid CoE Paper 12 (Helsinki, Finland: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, March 31, 2022), 17, <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-paper-12-deterring-hybrid-threats-towards-a-fifth-wave-of-deterrence-theory-and-practice/>.

¹² President of the United States, “Interim National Security Strategic Guidance” (Washington, D.C.: The White House, March 2021), <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.

¹³ Lloyd Austin, “Message to the Force” (Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, March 4, 2021), <https://media.defense.gov/2021/Mar/04/2002593656/-1/-1/0/SECRETARY-LLOYD-J-AUSTIN-III-MESSAGE-TO-THE-FORCE.PDF>.

Заместитель министра обороны по вопросам политики Колин Каль охарактеризовал комплексное сдерживание как осведомлённость «почти обо всем, что мы делаем... интегрированная во всех сферах – обычной, ядерной, кибер, космической, информационной, на всех театрах военных действий и потенциальных конфликтов, интегрированная во всем спектре конфликта, от войны высокой интенсивности до серой зоны». Комплексное сдерживание также предусматривает объединение всех элементов власти государства. Каль отметил, что хотя сдерживание служит основой стратегии США со времен Холодной войны, оно имеет другое значение, как часть комплексного сдерживания: «нам нужно думать о сдерживании по-другому, учитывая существующую обстановку в области безопасности и возможные сценарии конфликта, который мы пытаемся предотвратить... Министерство обороны должно иметь возможности и концепции, чтобы не дать свершиться сценариям, которые, как мы знаем, замышляют потенциальные противники».¹⁴

Хотя компоненты комплексного сдерживания еще полностью не отработаны, стратегия сдерживания нерегулярных угроз должна включать возможность как «наказать» государство-агрессор, использующее тактику нерегулярных действий, так и «лишить» его возможности существенно повлиять на государство, подвергшееся нападению.¹⁵ Как и традиционное сдерживание, комплексное сдерживание предусматривает определение и доведение до противника «красных линий». Эти красные линии должны определяться тем, что страна не может сдерживать все нерегулярные нападения. Вместо этого следует сосредоточиться на наиболее опасных из них, понимая, что это также может быть приглашением к использованию уязвимых мест. После выявления угроз государства должны иметь возможность наказать противника. При этом следует исходить из того, чего не желает противник. Иными словами, подвергшиеся нападению государства должны иметь возможность поразить уязвимые места или основные интересы противника. Важно отметить, что контрмеры могут быть либо аналогичными (ответ на кибератаки кабератаками), либо ответ может быть дан вне сферы, в ко-

¹⁴ Cited in Jim Garamone, “Concept of Integrated Deterrence Will Be Key to National Defense Strategy, DOD Official Says,” *U.S. Department of Defense News*, December 8, 2021, www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2866963/concept-of-integrated-deterrence-will-be-key-to-national-defense-strategy-dod-o/.

¹⁵ Есть две устоявшиеся теории сдерживания нерегулярных угроз: одна – сдерживание возмездием, другая основана на сдерживании недопущением. См. Dorthe Bach Nyemann and Heine Sørensen, “Going Beyond Resilience: A Revitalized Approach to Counter Hybrid Threats,” *Hybrid CoE Strategic Analysis 13* (Helsinki, Finland: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, January 2019), <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-strategic-analysis-13-going-beyond-resilience-a-revitalised-approach-to-countering-hybrid-threats/>, и Monaghan, “Deterring Hybrid Threats.” В работе утверждается, что эффективная стратегия сдерживания нерегулярных угроз должна включать элементы обеих.

торой совершена акция. Примером может служить угроза финансовых санкций в случае кибератаки.¹⁶ Для меньшего государства возможно коллективное возмездие агрессору со стороны альянса (ЕС, НАТО), членом которого оно является.

Второй компонент комплексной стратегии сдерживания – способность подвергшихся нападению государств не дать противнику воспользоваться преимуществами нерегулярного удара. Это можно сделать, повышая стойкость общества.¹⁷ В Евросоюзе стойкость определяют как «способность противостоять давлению и восстанавливаться, усиливаясь после сложностей».¹⁸ Меры стойкости обычно недороги и вписываются в распространённые парадигмы «управления рисками» национальной безопасности.¹⁹ Поскольку характер нерегулярных угроз (неопределённость, сложность выявления и атрибуции) усложняет сдерживание через возмездие, важно, чтобы государства сами становились менее уязвимыми к ним. Элемент недопущения комплексной стратегии сдерживания на основе стойкости позволяет государствам лучше использовать ограниченные ресурсы, выявляя и усиливая слабые места общества. Стойкость также укрепляет основы стратегии сдерживания (связь, способность, веру). В целом, комплексная стратегия

¹⁶ Vytautas Keršanskas, “Deterrence: Proposing a More Strategic Approach to Countering Hybrid Threats,” Hybrid CoE Paper 2 (Helsinki, Finland: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, March 2020), 12, https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Deterrence_public.pdf.

¹⁷ Tim Prior, “Resilience: The ‘Fifth Wave’ in the Evolution of Deterrence,” Chapter 4 in *Strategic Trends 2018*, ed. Oliver Thranert and Martin Zapfe (Zurich: Center for Security Studies, 2018), <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/ST2018-06-TP.pdf>); Lyle J. Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War*, Research Report RR-2942-OSD (Santa Monica, CA: RAND, 2019), https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2942.html; и Elizabeth Braw, *The Defender’s Dilemma: Identifying and Deterring Gray-Zone Aggression* (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 2021), <https://www.aei.org/the-defenders-dilemma/>.

¹⁸ European Commission, “Joint Framework on Countering Hybrid Threats: a European Union Response,” Joint Communication to the European Parliament and the Council (Brussels, April 6, 2016), <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016JCO018&from=EN>. Хотя стойкость сама уже стала популярной стратегией и применяется для рационализации различных вариантов политики, повышение стойкости должно основываться на оценке секторов общества, наиболее уязвимых для нерегулярных угроз. В зависимости от выявленной уязвимости, повышение устойчивости может включать усиление кибербезопасности, совершенствование инфраструктуры, обучение противодействию дезинформации, диверсификацию ресурсов, антикоррупционные программы и т. д.

¹⁹ Albin Aronsson, “The State of Current Counter-Hybrid Warfare Policy,” Information note, Multinational Capability Development Campaign (MCDC), MCDC Countering Hybrid Warfare Project, March 2019, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/803970/20190519-MCDC_CHW_Info_note_10-State_of_current_policy.pdf.

сдерживания должна быть нацелена на то, чтобы помешать враждебным государствам использовать тактику нерегулярных действий, одновременно смягчая последствия их возможного применения. Эта стратегия должна ограничить оперативный простор для нерегулярных действий и отбить охоту к ним.²⁰

Разработка стратегии, удерживающей потенциальных противников от применения тактики нерегулярных действий путём возмездия и недопущения, станет важным элементом стратегии сдерживания XXI века. Во всё более туманном промежутке между войной и миром государства должны быть способны чётко донести до потенциального агрессора, что его обычные, ядерные и нерегулярные угрозы не принесут успеха. В сдерживание будут верить, только если у США и их союзников будет возможность и воля чётко донести свою готовность наказать и воспрепятствовать нерегулярным действиям противника. В настоящее время тут имеется пробел в американской политике сдерживания, который нужно восполнить. В следующем разделе рассматриваются мероприятия союзников и партнёров, направленные на повышение их способности сдерживать нерегулярные угрозы.

Военный компонент комплексного сдерживания

Из-за характера нерегулярных угроз, комплексная стратегия сдерживания требует участия всего общества, координирующего гражданские²¹ и военные элементы власти государства в разных сферах. Всё больше стран включают в свою стратегию национальной безопасности концепцию «тотальной

²⁰ Nyemann and Sørensen, "Going Beyond Resilience: A Revitalized Approach to Counter Hybrid Threats."

²¹ В дополнение к традиционным гражданским структурам национальной безопасности, таким, как министерства иностранных и внутренних дел, службы разведки и безопасности и т.д., крайне важно привлечь науку, неправительственные организации, бизнес, средства массовой информации и отдельных граждан. Последние часто обладают знаниями, возможностями и способностями по противодействию незаконным угрозам, которых нет у правительственных учреждений.

обороны»²² для снижения нерегулярных угроз.²³ Финляндия, Швеция, страны Балтии считают стратегию тотальной обороны наилучшим методом сдерживания широкого спектра угроз.

Признавая, что для снижения нерегулярных угроз необходимо участие всего общества, мы сосредоточимся на роли военных. В частности, на действиях, предпринимаемых вооруженными силами союзников и партнёров для обучения своих граждан, развития новых возможностей, создания соответствующих оргструктур и организации учений, точно отражающих реальные угрозы и предоставляющих возможность общественным организациям и отдельным лицам участвовать своими силами и возможностями в противодействии нерегулярным угрозам.

Чтобы гражданское общество могло эффективно участвовать в тотальной обороне, оно должно понимать свою роль в ней. Финские военные проводят ежегодный «Курс национальной обороны», где участников знакомят с угрозами, политикой безопасности и обороны, а также их ролью в укреплении национальной безопасности. Курс также помогает наладить сотрудничество и связи между руководителями бизнеса, правительства и общества.²⁴ В поддержку стратегии тотальной обороны литовские военные помогли развернуть кампанию по разоблачению российской дезинформации. Силами Командования стратегических коммуникаций в Литве создана общая платформа для выявления дезинформации, её изобличения фактами и доведения этой информации до общества. Эта программа играет важную роль в просвещении общества и отражении дезинформационных атак, способствуя обмену информацией между заслуживающими доверия медиаплатформами.²⁵

²² Тотальная оборона – это участие всего общества в обеспечении национальной безопасности. Его цель – сдержать потенциального противника путём повышения издержек агрессии и снижения шансов на её успех. Тотальная оборона мобилизует все гражданские и военные ресурсы государства, чтобы противник столкнулся с национальным сопротивлением в случае нападения или с неуправляемой страной при оккупации. Концепция тотальной обороны не нова. Такой была политика безопасности некоторых неприсоединившихся стран во время Холодной войны. Её главная черта – организованное взаимодействие государственных органов, гражданских организаций, частного сектора и широкой общественности. Поскольку нынешние нерегулярные угрозы включают как военные, так и невоенные вызовы, а грань между войной и миром размыта, важен комплексный подход. Тотальную оборону отличает от традиционного сдерживания и обороны прямое участие гражданского общества.

²³ Tom Rostoks, “The Evolution of Deterrence from the Cold War to Hybrid War,” in *Detering Russia in Europe: Defence Strategies for Neighbouring States*, ed. Nora Vanaga and Toms Rostoks (London: Routledge, 2018), <https://doi.org/10.4324/9781351250641>.

²⁴ Braw, *The Defender’s Dilemma*, 179.

²⁵ Benas Gerdziunas, “Lithuania: The War on Disinformation,” *Deutsche Welle*, September 27, 2018, www.dw.com/en/lithuania-hits-back-at-russian-disinformation/a-45644080.

Что касается новых возможностей, то Эстония использует для усиления киберзащиты призыв. Набирая в вооруженные силы киберспециалистов с высшим образованием, Эстония существенно повышает военные кибервозможности и укрепляет киберинфраструктуру после возвращения призывников к гражданской жизни.²⁶ Это также даст Эстонии подготовленный и опытный киберрезерв, обученный реагировать на чрезвычайные кибер-ситуации. Вооруженные силы Эстонии также спонсируют добровольческое подразделение киберзащиты (CDU). Оно проверяет и даёт допуск членам, обеспечивая тем самым дополнительные возможности защиты от киберугроз.²⁷ Обе эти программы дают экспертные знания, улучшающие сдерживание кибератак.

Сдерживание нерегулярных угроз также требует соответствующих бюрократических структур. Комитет безопасности Министерства обороны Финляндии объединяет правительственные учреждения и неправительственные организации, чтобы обойти типичные бюрократические проблемы, быстро обмениваться информацией, координировать ответные меры и информировать население Финляндии о нерегулярных угрозах и нападениях.²⁸ Комитет безопасности включает примерно 30 специалистов, представляющих всё финское общество, и занимается обучением государственных служащих и журналистов тактике дезинформации на семинарах и тренингах. Комитет собирается не реже раза в месяц, чтобы «гарантировать, что жизненно важная информация не будет ограничена правительственными учреждениями или частным сектором».²⁹ Когда российские СМИ обвинили финское правительство в похищении детей русского происхождения в борьбе за опеку между финнами и русскими, комитет сотрудничал с правительственными чиновниками, чтобы развеять эту ложь. Такая бюрократическая структура помогает отражать информационные атаки, повышая способность правительства выявлять, а населения – игнорировать их.

Эти примеры показывают, как стратегия тотальной обороны может улучшить защиту от нерегулярных угроз, но её эффективность можно определить только на учениях. В отличие от опыта США, союзники и партнёры имеют обширный опыт привлечения гражданских структур (бизнеса, НПО и

²⁶ Adi Gaskell, "How Estonia Is Using Military Service to Bolster Cybersecurity Skills," *Cybernews*, September 28, 2021, <https://cybernews.com/security/how-estonia-is-using-military-service-to-bolster-cybersecurity-skills/>.

²⁷ "Cyber Security in Estonia 2020" (Tallinn: Information System Authority, 2020), accessed December 21, 2021, https://www.ria.ee/sites/default/files/cyber_aastaraam_at_eng_web_2020.pdf.

²⁸ Mackenzie Weinger, "What Finland Can Teach the West About Countering Russia's Hybrid Threats," *World Politics Review*, February 13, 2018, <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/24178/what-finland-can-teach-the-west-about-countering-russia-s-hybrid-threats>.

²⁹ Weinger, "What Finland Can Teach the West About Countering Russia's Hybrid Threats."

т.д.) к противодействию нерегулярным угрозам. Так, литовские военные регулярно проводят учения для всего общества, что позволяет различным группам подготовиться к нерегулярным угрозам и реагировать на них. В этих учениях участвовали представители транспорта, связи, энергетики, инфраструктуры, правоохранительных органов и вооруженных сил. Примечательно, что некоторые учения требуют координации в условиях отсутствия сотовой связи, когда и военные, и гражданские системы связи не работают.³⁰ В шведских учениях «Total Defense 2020» приняли участие более 60 государственных ведомств и неправительственных организаций. Эти учения включали множество сценариев угроз и предоставили гражданским организациям и государственным чиновникам на местном, региональном и национальном уровне возможность отработать реакцию на разные типы нерегулярных атак – от кибератак до прокси-вторжения.³¹ Подобные учения улучшают сдерживание недопущением, демонстрируя противнику, что атаки будут неэффективными.

EUCOM и комплексное сдерживание

Учась у союзников и партнёров, которые годами сталкиваются с нерегулярными угрозами, Европейское командование США (EUCOM) должно включить аналогичные действия в комплексную, скоординированную и интегрированную стратегию сдерживания нерегулярных атак. Как отмечалось выше, этот тип стратегии требует интеграции всех компонентов государственной власти. В этом разделе рассмотрены методы обучения EUCOM своего персонала, поиска и интеграции новых возможностей, создания соответствующих структур и организации учений по улучшению защиты от двух, вероятно, наиболее распространенных нерегулярных угроз: дезинформации и киберугроз. Эти рекомендации можно быстро реализовать с минимальными изменениями в оргструктуре EUCOM. Главное – они будут способствовать субконвенциональному сдерживанию, устраняя конкретные уязвимости, которые Россия продолжает атаковать практически безнаказанно.

В настоящее время EUCOM отрабатывает оперативные планы на стратегических круглых столах, посвящённых России, под руководством боевого командира. Командующий EUCOM отметил, что эти круглые столы «играют важную роль в обеспечении стратегической и оперативной синхронизации между высшими военными руководителями нашей страны по ключевым вопросам, связанным с глобальными кампаниями и соперничеством». Од-

³⁰ BNS, “Drills Will Allow Better Preparation for Hybrid Threats – Transport Minister,” *The Lithuania Tribune*, February 28, 2018, <https://lithuaniatribune.com/drills-will-allow-better-preparation-for-hybrid-threats-transport-minister/>.

³¹ Swedish Armed Forces, “Total Defence Exercise 2020,” September 17, 2021, www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/total-defence-exercise-2020/.

нако, ограничивая участие высокопоставленными представителями Министерства обороны, эти стратегические круглые столы не включают важных представителей промышленности и других правительственных и неправительственных организаций Европы. Подобно Комитету по безопасности Министерства обороны Финляндии, на эти круглые столы следует приглашать ключевых региональных невоенных заинтересованных участников, давая участникам более полное понимание российской дезинформации и киберугроз, а также выявляя возможности и потенциал общества для смягчения их последствий. Превращение посвящённого России стратегического круглого стола в образовательное мероприятие для заинтересованных сторон принесет в группу уникальные мнения и опыт, которые в противном случае не были бы включены во встречу одних только военных.

Что касается возможностей, то в США киберсдерживание осуществляет почти исключительно Киберкомандование США. Развертывание их «киберотрядов» в Литве для «киберзащиты» от агрессии России улучшает киберсдерживание, но одновременно демонстрирует ограниченные кибервозможности EUCOM.³² Инициатива, аналогичная эстонскому подразделению киберзащиты, помогла бы EUCOM усилить возможности киберсдерживания за счет привлечения гражданских специалистов по кибербезопасности. EUCOM мог бы проводить проверки и выдавать допуски для усиления возможностей борьбы с киберугрозами. Это не только улучшит киберсдерживание EUCOM, но и поможет включать кибероперации в планирование и оперативную деятельность, предоставив командующему больше возможностей для противодействия многочисленным угрозам в киберсфере.

Усиленные возможности дадут ограниченный сдерживающий эффект, если они не интегрированы в планирование и операции. Печаль об отсутствии эффективной структуры для интеграции информационных операций, директор Объединенного штаба США по командованию, управлению, связи и компьютерным/кибертехнологиям недавно отметил, что «боевые командиры слишком часто думают об информационных операциях в последнюю очередь. Мы очень хорошо понимаем активные операции. В культурном отношении мы не доверяем некоторым методам проведения информационных операций (ИО). Идея заключается в том, чтобы «добавить немного ИО». Командиры должны проводить информационные операции – как и активные операции – для подготовки поля боя».³³ Для более эффективной интеграции информационной работы в военные операции необходимо создать объединенную ячейку информационной войны, где будут работать граж-

³² Colin Demarest, "US Cyber Squad Boosts Lithuanian Defenses amid Russian Threat," *C4ISRNET*, May 5, 2022, <https://www.c4isrnet.com/cyber/2022/05/05/us-cyber-squad-boosts-lithuanian-defenses-amid-russian-threat/>.

³³ Stew Magnuson, "U.S. Still Playing Catchup in Information Operations," *National Defense Magazine*, February 11, 2022, www.nationaldefensemagazine.org/articles/2022/2/11/still-playing-catch-up-in-information-operations.

данские и военные специалисты. Эта ячейка могла бы выявлять дезинформацию и противодействовать ей. Сейчас информационные эксперты Командования ВС США в Европе рассредоточены по штабам в зависимости от их специализации, спрятаны в секретных комнатах, в бункерах или похоронены в особом отделе штаба. Поскольку информация является объектом нерегулярных атак, опыт информационной войны не может храниться в нескольких кабинетах и быть скрыт грифом секретности. Объединенная ячейка позволит EUCOM более эффективно выявлять и сдерживать информационные угрозы России.

Совершенствование подготовки, возможностей и структур будет иметь ограниченный эффект без проверки на учениях. EUCOM и подчиненные командования ежегодно проводят около 30 учений, уделяя особое внимание взаимодействию США, союзников и партнёров. Эти учения способствуют обычному и ядерному сдерживанию, демонстрируя военную мощь США и их приверженность союзническим обязательствам и партнёрству. Однако они мало помогают сдерживанию нерегулярной агрессии. Дело в том, что нынешние учения ориентированы на летальные операции, не учитывают нерегулярные угрозы и не обеспечивают эффективного участия других правительственных учреждений, частного бизнеса или неправительственных организаций. Командованию ВС США в Европе следует включать нерегулярные угрозы в сценарии учений и привлекать широкий круг участников для оценки нашей способности отражать нерегулярные атаки, особенно кибернетические и информационные. Учения такого типа ясно показали бы нашу силу и продемонстрировали нашу способность выявлять и ослаблять российскую тактику нерегулярных действий, тем самым помогая сдерживанию.

Перемены – это всегда вызов, и военные структуры и организации особенно противятся им. Тем не менее перемены необходимы, чтобы помочь сдерживанию в XXI веке. Хотя из-за вторжения России в Украину возобновилось обсуждение боевых действий с применением обычного и ядерного оружия, эта точка зрения недальновидна. Российская армия подвергается уничтожению, и аналитики считают, что пройдут годы, прежде чем она станет смертельной угрозой для НАТО. Однако российские стратегические интересы не изменятся, и Россия продолжит использовать тактику нерегулярных действий против Соединенных Штатов, их союзников и партнёров по мере восстановления своего военного потенциала. Пока русские глубоко увязли в Украине, у Командования ВС США в Европе есть уникальная возможность улучшить сдерживание нерегулярной агрессии.

Заключение

Ядерная триада, сильная система альянсов и технологически развитые вооруженные силы продолжают сдерживать обычное и ядерное нападение России на Соединенные Штаты. Тем не менее продолжающийся рост числа

нерегулярных нападений показывает, что нынешняя стратегия сдерживания США не смогла их предотвратить. В отличие от Холодной войны, тактика нерегулярных действий напрямую угрожает национальной безопасности, подрывая сдерживание и дестабилизируя общество. Поэтому политика сдерживания, ориентированная исключительно на обычные и ядерные силы, уже не достаточна.

Размышляя о сдерживании, бывший заместитель генерального секретаря НАТО Вершбоу отметил, что сдерживание «требует эффективных, устойчивых возможностей и чёткой позиции, которая не оставит противнику сомнений в том, что он потеряет больше, чем выиграет от агрессии, будь то внезапное обычное нападение, первое применение ядерного оружия для деэскалации обычного конфликта, кибератака на критическую инфраструктуру или нерегулярная кампания по дестабилизации обществ союзников». Наша нынешняя политика сдерживания не полностью учитывает изменения оперативной обстановки. Для укрепления национальной безопасности Соединенным Штатам нужна стратегия сдерживания XXI века, чтобы сдерживать угрозы XXI века.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Д-р **Джим Дерлет** – преподаватель нерегулярных боевых действий и директор курсов семинара по нерегулярным боевым действиям/ гибридным угрозам в Европейском центре исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла.

Электронная почта: James.Derleth@marshallcenter.org

Полковник **Джефф Пиклер** – штатный преподаватель Европейского центра исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла.

Электронная почта: Jeffrey.Pickler@marshallcenter.org

Об «Экономическом НАТО»

Рон Мэтьюз

Академия Рабдана, Абу-Даби, <https://ra.ac.ae/>

Аннотация: В статье рассмотрено, как либеральные демократии должны реагировать на усиление экономического запугивания, принуждения, «дипломатии канонерок» и геоэкономического давления России и Китая. Политические призывы к созданию международной экономической организации наподобие НАТО стали громче после вторжения России в Украину и связанных с этим ограничений на поставки продовольствия и энергоносителей, а также запугивания Китаем маленькой страны НАТО и ЕС – Литвы. В статье приводятся примеры экономических санкций России и Китая и воздействия геоэкономической дипломатии Китая, а затем описана и пояснена реальная и потенциальная политическая реакция Запада, при особом внимании к созданию Экономического НАТО.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, экономическое принуждение, геоэкономика, экономическое НАТО, Россия, Китай, геоэкономические угрозы.

Вступление

Российско-украинская война – это прежде всего военная катастрофа, но она принесла и тектонические экономические сдвиги с глобальными последствиями. Кроме огромной стоимости войны, оцениваемой суммой до US \$600 млрд. дол. для одной лишь Украины,¹ есть и непрямые последствия, такие, как рост цен на энергоносители, топливо и продовольствие в результате разрыва мировых цепочек поставок. Поэтому если система меж-

¹ Madeline Halpert, "Russia's Invasion Has Cost Ukraine Up to \$600 Billion, Study Suggests," *Forbes*, May 4, 2022, <https://www.forbes.com/sites/madelinehalpert/2022/05/04/russias-invasion-has-cost-ukraine-up-to-600-billion-study-suggests/>.

дународной торговли на основе правил рухнет, «священный грааль» глобализации либеральных экономик окажется под угрозой. Невозможность беспрепятственного функционирования рынков из-за протекционизма и национализма вернет мировую экономику к политике разорения соседей 1930-х гг. На начало этой опасной тенденции указывает националистическая политика развивающихся стран, включая Аргентину, Египет, Индию, Индонезию, Тунис и Турцию, которые приняли меры по ограничению и даже запрету экспорта, соответственно, макаронных изделий, растительного масла, пшеницы, пальмового масла, овощей и говядины, что усилило мировое инфляционное давление.² На уровне корпораций повышение устойчивости внутренних цепочек поставок является рациональным методом минимизации рисков, когда международные поставки нестабильны, но ограниченные национальные рамки еще больше подстегнут цены. Развивающиеся страны, страдающие от роста цен на энергоносители и прекращения экспорта зерна из Украины, больше всего пострадают от этих экономических потрясений. Бедные государства, всё менее способные принимать участие в многосторонних торговых режимах, будут идти на двусторонние торгово-финансовые сделки с такими странами, как Россия и Китай, что усугубит геоэкономическое разделение.

Конечно, современная международная экономика далеко ушла от классической парадигмы теории Адама Смита. Реальностью, вместо «идеальных» рынков, стали торговые барьеры, дифференциация продукции и несовершенная структура рынков. Кроме того, существуют и более скрытые угрозы свободной и открытой торговле со стороны противостоящих Западу режимов, прежде всего – России и Китая. США пытались сохранить основанный на правилах международный порядок путём неудачного обсуждения соглашения о свободной торговле между США и ЕС и крайне важного Трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП). Однако усилия Вашингтона подрывает его нежелание открыть американские рынки финансовых услуг и государственных закупок. Шанс был упущен, потому что в ТТИП увидели зародыш экономического НАТО, что позволило бы Западу и далее устанавливать правила глобальной экономической игры, чему всё больше угрожают противостоящие Западу страны.³ В частности, эти международные усилия критикует Китай, утверждающий, что они цементируют доминирование Запада в международной торговле.

² Rajendra Jadhar, Maximilian Heath, and Nigel Hunt, “Food Export Bans, from India to Argentina, Risk Fueling Inflation,” *Reuters*, June 27, 2022, <https://www.reuters.com/markets/commodities/food-export-bans-india-argentina-risk-fueling-inflation-2022-06-27/>.

³ Simon Nixon, “To Ensure Security and Prosperity of the West, We Need an Economic NATO,” *The Times*, June 30, 2022, <https://www.thetimes.co.uk/article/to-ensure-security-and-prosperity-of-the-west-we-need-an-economic-nato-87vqd565j>.

Движение к сближению регуляторных норм также подрывают недавние попытки России и Китая использовать энергетику, продовольствие и сырьевые товары в качестве оружия для достижения своих военных, экономических и идеологических целей. Этот процесс несёт геоэкономические угрозы интересам Запада, вместе с риском потенциального или реального военного конфликта. В ответ на эти угрозы министр финансов США Джанет Еллен предложила размещать цепочки поставок «у дружественных берегов»,⁴ а бывший генсек НАТО Андерс Фог Рамуссен⁵ и министр иностранных дел Великобритании Лиз Трасс пошли еще дальше, возобновив призывы создать «Экономическое НАТО».⁶ Слова последней особенно поучительны. Она заявила, что

предположение, что экономическая интеграция ведёт к политическим переменам, не сработало ... Сейчас нам нужен новый подход, который объединит силовую безопасность с экономической, создаст более мощные мировые союзы, где свободные страны будут более активны и уверены в своих силах, который признает возврат к геополитике.

Таким образом признаётся, что мировой порядок на основе правил рушится, угрожая экономической безопасности и благополучию Запада. Отличительной чертой этой системы является то, что все страны получают доступ к ресурсам на общемировом рынке, защищенном международным правом. НАТО выполнила свою задачу как оборонный союз, но является ли она подходящей организацией для борьбы с параллельными угрозами государственного запугивания, торговых барьеров и экономической дипломатии? Вероятно, это означает отход от её главной задачи коллективной обороны, выраженной в Статье 5. Поэтому предметом обсуждения является дополнительная торговая организация наподобие НАТО с «экономической» статьёй 5 и более широким географическим охватом стран-участниц, разделяющих схожие демократические ценности. Хотя Лиз Трасс утверждает, что геополитика вернулась, именно геоэкономика характеризует дипломатию и государственное управление XXI века. Поэтому цель данной статьи – выявить и оценить характер геоэкономических угроз России и Китая свободному миру. Далее идёт оценка разных вариантов политики и оргструктур для борьбы с экономическим принуждением и деструктивной дипломатией.

⁴ Janet Yellen, “Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen at the Brussels Economic Forum,” *US Department of the Treasury*, May 17, 2022, <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0788>.

⁵ James Politi, “Former NATO Chief Calls for an Economic Version of Article 5 Defence Pledge,” *Financial Times*, June 10, 2022, <https://www.ft.com/content/1831d0f6-8ce0-47e2-9730-e73c0afe6e73>.

⁶ Rt Hon. Elizabeth Truss, “The Return of Geopolitics: Foreign Secretary’s Mansion House Speech at the Lord Mayor’s 2022 Easter Banquet,” *Foreign, Commonwealth & Development Office*, April 27, 2022, <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics>.

Геоэкономические угрозы

Экономическое принуждение концептуально существует давно, но реально вошло в лексикон международных отношений лишь в XXI веке. Оно может принимать разные формы, включая дипломатическое «запугивание». Пекин, в частности, выработал практику такого принуждения, начиная с 2010 г., когда он запретил импорт норвежского лосося после присуждения Нобелевской премии китайскому диссиденту Лю Сяобо.⁷ Китай вновь прибег к запугиванию в недавнем (2020 г.) споре Давида с Голиафом – Литвы с Китаем. Литва, небольшое балтийское государство с населением всего 2,8 млн. человек, ранее пребывала в советской сфере влияния. Пережив репрессии, она выступает за либерализм и права человека. Поэтому новое правительство критиковало подход Пекина к правам человека в Гонконге и Тибете и выражало поддержку «борцам за свободу» на Тайване. В частности, в ноябре 2021 г. правительству Тайваня было разрешено открыть представительство в столице Литвы Вильнюсе. На табличке представительства был провокационно указан Тайвань, а не Тайбэй, как пишут в других странах, чтобы не раздражать Китай. Это стало красной линией для Пекина, и его реакция была быстрой и жёсткой. В связи с ростом дипломатической напряжённости между двумя странами Китай остановил работу прямых грузовых поездов Китай-Литва и закрыл кредитные линии для литовских компаний, продающих товары в Китай. Уровень китайского посольства в Вильнюсе был понижен до поверенного в делах, и Литва вынуждена была принимать ответные меры по отношению к Китаю. В декабре 2021 г. Китай заблокировал импорт из Литвы, исключив её из списка стран происхождения, что фактически запретило растаможку. В результате поставки из Литвы в Китай упали на 90 % по сравнению с декабрём 2020 г.⁸ Далее Пекин ввёл вторичные, или непрямые экономические санкции, вынудив международные компании, участвующие в глобальных цепочках поставок в Литву, остановить поставку товаров этому балтийскому государству. В ответ Тайвань и США предложили масштабные торгово-кредитные соглашения, а Еврокомиссия издала Акт против принуждения Китая, что позволило ввести ответные меры. Однако реакция Европы была непоследовательной – особенно пострадали немецкие поставщики, убеждавшие Литву пересмотреть свою позицию.⁹

⁷ Bill Hayton, “NATO Knows Asia Is Vital to Protecting Global Security,” Report, *Chatham House*, June 28, 2022, <https://www.chathamhouse.org/2022/06/nato-knows-asia-vital-protecting-global-security>.

⁸ Dominique Patton and Andrius Sytas, “China Suspends Lithuanian Beef, Dairy, Beer Imports as Taiwan Row Grows,” *Reuters*, February 10, 2022, www.reuters.com/world/china/china-suspends-lithuanian-beef-imports-taiwan-row-grows-2022-02-10.

⁹ Judy Dempsey, “China’s Bullying of Lithuania Spurs European Unity,” *Carnegie Europe*, January 18, 2022, <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/86208>.

Россия тоже недавно прибегла к экономическому принуждению, которое в данном случае можно назвать «дипломатией канонерок». Этот инструмент государственного управления использовался в конфликтах XIX века для блокады вражеских портов, лишая противника продовольствия и военного снабжения, чтобы вынудить его сдаться. Морская блокада Россией Одессы и других украинских портов на Черном море направлена на то, чтобы не дать зерну покинуть мировую «житницу», тем самым отрезав основной источник доходов для поддержки слабой экономики Украины. Москва владеет серьёзным рычагом, поскольку совокупный экспорт зерновых культур Украины и России составляет почти треть мировой пшеницы и ячменя и более 70 % подсолнечного масла.¹⁰ Полученное от Путина согласие открыть «безопасные коридоры» для этого экспорта, вероятно, было вызвано сильным давлением международных организаций и стран-клиентов в Африке и на Ближнем Востоке, страдающих от голода и потенциальной политической нестабильности из-за нехватки в мире пшеницы и связанного с ней инфляционного давления. По оценкам, около 400 миллионов человек, в основном в развивающихся странах, зависят от поставок украинского продовольствия.¹¹

Ещё один вариант экономического принуждения – ответный контроль торговли. Он получил распространение в последние десятилетия и широко используется Западом против режимов-изгоев, таких, как Иран, Мьянма и Северная Корея. Нынешние санкции против России беспрецедентны и позволяют предположить, что торговый контроль быстро превращается в важный метод государственной политики, направленный на сдерживание неприемлемого распространения оружия, нарушений прав человека и военных авантур. Но санкции могут работать в обе стороны. Так, в связи с российско-украинской войной Москва, похоже, отвечает на западные санкции, ограничивая поток газа в Германию по трубопроводу «Северный поток-1». Техническое обслуживание трубопровода протяженностью 759 миль проводится ежегодно, но в 2022 году его проводили в июле, а затем снова в начале августа.¹² Поток газа сократился примерно на 40 %, и есть угроза, что с наступлением зимы Россия вообще прекратит поставки газа.¹³ Её уникальная позиция позволяет создать Западу проблемы с разными энергоресурсами.

¹⁰ Kelvin Chan and Paul Wiseman, “How the Russia-Ukraine War Triggered a Food Crisis,” *National Observer*, June 20, 2022, <https://www.nationalobserver.com/2022/06/18/news/how-russia-ukraine-war-triggered-food-crisis>.

¹¹ Chan and Wiseman, “How the Russia-Ukraine War Triggered a Food Crisis.”

¹² Kate Connolly, “Germany Braces for ‘Nightmare’ of Russia Turning off Gas for Good,” *The Guardian*, July 10, 2022, <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/10/germany-russia-gas-flow-permanent-halt-nord-stream-1-maintenance>; “Nord Stream 1 Pipeline to Shut Briefly in Latest Fuel Blow to Europe,” *VOA News*, August 19, 2022, <https://www.voanews.com/a/nord-stream-1-pipeline-to-shut-briefly-in-latest-fuel-blow-to-europe/6709144.html>.

¹³ Connolly, “Germany Braces for ‘Nightmare’ of Russia.”

Россия – не только крупнейший в мире экспортёр природного газа, обеспечивающий 34 % поставок СПГ в Европу; её экспорт угля составляет 16 % мирового, её 5 млн. баррелей сырой нефти в день – это 12 % мировой торговли, а её 2,85 млн. баррелей в день нефтепродуктов – 15 % мировой торговли.¹⁴

Китай тоже старался удержать демократические страны от критики и в целом от противодействия своим интересам, вводя ответные санкции. На это в самых жёстких выражениях указал представитель Пекина в 2021 г., заявив, что «если [демократии] посмеют вредить суверенитету, безопасности и интересам развития Китая, они должны знать, что лишатся глаз и ослепнут».¹⁵ Как недавно показала политико-экономическая ссора с Канадой, Китай уже не «терпила». На задержание в Канаде в 2018 г. гражданки Китая Мэн Ваньжюу Китай ответил задержанием двух граждан Канады через несколько дней. Кроме ареста и суда над этими двумя канадскими бизнесменами, в Китае бойкотировали товары таких западных компаний, как H&M, Zara, Burberry и Nike.¹⁶ Затем, в августе 2022 г., Китай резко отреагировал на визит на Тайвань спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси. Заголовки СМИ в основном смаковали военную угрозу Китая, особенно многочисленные пуски ракет в акваторию к северо-востоку и юго-западу от Тайваня, включая даже пуски баллистических ракет над главным островом. Кроме того, до 66 китайских истребителей и 14 военных кораблей, по сообщениям, провокационно пересекли стратегически важную среднюю линию Тайваньского пролива.¹⁷ Меньше писали о приостановке Китаем импорта 2 000 товаров с Тайваня, прежде всего продуктов питания – цитрусовых, рыбы и пищевого масла.¹⁸

Вырисовывается схема ответных торговых мер Китая. Запрет Китаем импорта австралийских товаров в 2020-21 гг. вызвал неудовольствие госсекретаря США Энтони Блинкена, которые привел «грубое экономическое при-

¹⁴ Anne-Sophie Corbeau, “The Russian Invasion of Ukraine and the Global Energy Market Crisis,” *Center on Global Energy Policy*, Columbia University, March 24, 2022, <https://www.energypolicy.columbia.edu/research/qa/qa-russian-invasion-ukraine-and-global-energy-market-crisis>.

¹⁵ Jonas Parello-Plesner, “An ‘Economic Article 5’ to Counter China,” *Wall Street Journal*, February 11, 2021, <https://www.wsj.com/articles/an-economic-article-5-to-counter-china-11613084046>.

¹⁶ Vanessa Friedman and Elizabeth Paton, “What Is Going on with China, Cotton and All of These Clothing Brands?” *The New York Times*, March 29, 2021, www.nytimes.com/2021/03/29/style/china-cotton-uyghur-hm-nike.html.

¹⁷ Joanna Walters, Martin Belam, and Samantha Lock, “Taiwan Says China Used 66 Planes and 14 Warships in Sunday’s Drills – as It Happened,” *The Guardian*, August 7, 2022, <https://www.theguardian.com/world/live/2022/aug/07/china-taiwan-news-white-house-calls-chinese-drills-provocative-and-irresponsible-live>.

¹⁸ “China Suspends 2,000 Food Products from Taiwan as Nancy Pelosi Visits,” *Financial Times*, August 2, 2022, <https://www.ft.com/content/ff15198f-cdc2-48fa-bed5-4a59beb01a>.

нуждение Австралии» Китаем как пример реальных угроз для демократических стран мира со стороны всё более агрессивных авторитарных режимов.¹⁹ Канберра довела Пекин не только призывом к международному расследованию причин пандемии коронавируса, но и критикой жестокого обращения Пекина с уйгурами и ограничений демократии в Гонконге. Затем это переросло в серию обвинений в шпионаже, включая заявления о вмешательстве Китая в деятельность австралийских университетских кампусов и встречные заявления Пекина о том, что австралийские университеты дискриминируют китайских студентов. Однако за политической риторикой видны экономические рычаги, которые может применить Китай. Усилились торговые споры между двумя странами, включая решение Пекина прекратить или строго ограничить экспорт из Австралии, в частности, угля, говядины, вина, ячменя, древесины, винограда и морепродуктов. Ведь Китай – крупнейший торговый партнёр Австралии, на него приходится почти 33 % её экспорта.²⁰ В частности, добыча железной руды в Австралии во многом зависит от большого внутреннего спроса на стальную продукцию в Китае. Канберра, конечно, тоже признает, что региональные стратегические соображения влияют на её экономическую безопасность и благополучие. Поэтому она с растущей тревогой наблюдает за попытками Китая распространить свое влияние на «заднем дворе» Австралии, вплоть до Антарктиды. Так, Пекин недавно объявил о планах построить большой всепогодный аэропорт в 17 милях от ледовой исследовательской станции Чжуншань на востоке Антарктиды, на тех 42 % территории континента, на которые претендует Австралия.²¹ Несомненно, решающий фактор здесь – вероятное наличие крупных энергетических и минеральных ресурсов.

Китай также ввёл ответный запрет на экспорт редкоземельных металлов, которые он считает «стратегическим сырьём». Эти металлы нужны для создания мощных магнитов в двигателях электромобилей, а также выполняют важные функции в военных системах, таких, как БПЛА и ракеты. Влияние Китая на рынок огромно, не в последнюю очередь потому, что он владеет около 85 % мировых мощностей по переработке редкоземельных руд,

¹⁹ Matthew Knott, “China’s ‘Blatant Coercion’ of Australia Is a Lesson for the World, Says Antony Blinken,” *The Sydney Morning Herald*, March 25, 2021, www.smh.com.au/world/north-america/china-s-blatant-coercion-of-australia-is-a-lesson-for-the-world-says-antony-blinken-20210325-p57duc.html.

²⁰ Tony Makin, “Whither Australia-China Trade?” *Australian Outlook*, *Australia Institute of International Affairs*, June 16, 2020, www.internationalaffairs.org.au/australian-outlook/whither-australia-china-trade/.

²¹ Barnard Lagan, “Beijing Challenges Australia for Slice of Antarctic Runways,” *The Times*, May 6, 2021, <https://www.thetimes.co.uk/article/cold-war-race-between-australia-and-china-for-all-year-antarctic-runways-s6kbcn8mx>.

а США получают из Китая 80 % импорта редкоземельных металлов.²² Отсюда легко понять, почему у Пекина может возникнуть соблазн использовать эти металлы в качестве оружия, если в этом будет потребность. Фактически это произошло в 2010 г., когда возникла напряженность вокруг подконтрольных Японии островов Сэнкаку, которые в Китае называют островами Дяюйдао, в результате чего Пекин ввёл торговый запрет на экспорт редкоземельных металлов в Японию. Аналогичным образом Китай пригрозил приостановить экспорт редкоземельных металлов в США в 2018 г., когда американский оборонный подрядчик Lockheed Martin выиграл контракт на модернизацию тайваньских систем ПВО, а при обострении торговой войны между Вашингтоном и Пекином в 2019 г. прозвучали новые угрозы. Еще больше угроз стало в 2022 г., после решения Вашингтона по соображениям национальной безопасности ужесточить торговый запрет на Huawei и примерно 70 её дочерних компаний. Но сейчас китайцы стремятся запретить не только торговлю редкоземельными металлами, но и технологиями очистки и переработки сырья, для роста цен на них. Китай имеет сильные позиции для этого, поскольку он контролирует около 50-60 % рынка горнодобывающей промышленности и примерно 90 % промежуточной переработки.²³ В Пекине приняли новый Закон об экспортном контроле, призванный усилить государственный контроль за перемещением стратегических материалов. Параллельно было объявлено о создании нового государственного предприятия «Китайская редкоземельная группа» (China Rare Earth Group). Эта недавно созданная «мегафирма» теперь контролирует 60-70 % китайского производства редкоземельных металлов, что составляет 30-40 % мировых поставок.²⁴ В ответ на такую консолидацию в промышленности представитель Минобороны США заявил, что сектор критически важных материалов представляет собой «микрокосм геополитических и геоконкурентных сил, определяющий облик 21 века».²⁵

Принуждение через дипломатию

Хотя экономическая дипломатия является приемлемым инструментом государственной политики, её воплощение в начале реализации пекинской

²² Reuters Staff, "U.S. Dependence on China's Rare Earth: Trade War Vulnerability," *Reuters*, June 28, 2019, <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-rare-earth-explainer-idUSKCN1TS3AQ>.

²³ Shunsuke Tabeta, "China Tightens Rare-Earth Regulations, Policing Entire Supply Chain," *Nikkei Asia*, January 16, 2021, <https://asia.nikkei.com/Business/Markets/Commodities/China-tightens-rare-earth-regulations-policing-entire-supply-chain>.

²⁴ Kristin Vekasi, "Chinese Rare Earth Consolidation a Cause for Concern," *EastAsia-Forum*, March 30, 2022, <https://www.eastasiaforum.org/2022/03/30/chinese-rare-earth-consolidation-a-cause-for-concern/>.

²⁵ Vekasi, "Chinese Rare Earth Consolidation a Cause for Concern."

инициативы «Один пояс – один путь» (BRI)²⁶ в 2013 г. стало политико-финансовым рычагом, пугающе похожим на экономическое принуждение. BRI – это реинкарнация древнекитайского «шёлкового пути» на азиатские и западные рынки. Однако современная версия имеет более широкий глобальный охват, включая цифровые и другие информационные (5G) технологии, а также морские щупальца. Геоэкономическая дипломатия Китая представляет собой форму международной государственной политики, направленной на достижение долгосрочных торговых, внешнеполитических и стратегических целей. Стратегическая цель – завоевать сердца и умы международного сообщества посредством политико-экономического покровительства и стратегического влияния. Однако BRI часто называют дипломатией чековой книжки в смысле предоставления неконцессионных финансовых стимулов для поддержки целей развития страны-заемщика. Это не разовый случай, а часть Большой стратегии, призванной усилить его региональное и мировое влияние. В основе этой государственной политики лежит невмешательство во внутренние дела стран-получателей, что явно касается сомнительных в демократическом и дипломатическом отношении режимов. Экономическая дипломатия Китая особо нацелена на инвестиции в инфраструктуру, в частности, порты и доки, имеющие стратегическое значение.

Хотя геоэкономическая стратегия Китая признана в литературе,²⁷ аналитики обращают внимание исключительно на инвестиционные и финансовые аспекты, игнорируя стратегическую сторону BRI. Модель геоэкономической дипломатии Китая может оказаться эффективнее, чем долгосрочные нематериальные выгоды мягкой силы Ная или разрушительность жёсткой силы – кибератак, квазивоенных операций дестабилизации, «дипломатии канонерок» и, в конечном счёте, угрозы или фактического применения военной силы. Эту перспективу отмечал Дэвид Шембо, который писал, что «Китай строит архитектуру, альтернативную послевоенному западному порядку».²⁸ Модель геоэкономической дипломатии Пекина более адресна и проработана, чем широкий подход «мягкой силы», более долговечна, чем контингенты миротворцев ООН или военные корабли в миротворческих операциях в Персидском заливе, и более практична по своему влиянию,

²⁶ Danielle Miller, “North American Critical Minerals Days: Rare Earths Day,” *Adamas Intelligence*, October 19, 2021, <https://www.adamasintel.com/north-american-rare-earths-day-2021-recordings/>.

²⁷ Christian Dargnat, “China’s Shifting Geo-economic Strategy,” *Survival* 58, no. 3 (May 2016): 63-76, <https://doi.org/10.1080/00396338.2016.1186980>; Nicholas Kitchen, ed., *China’s Geoeconomic Strategy*, IDEAS Reports – Special Report SR012 (London: London School of Economics and Political Science, June 2012), www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Chinas-Geo-economic-Strategy.pdf.

²⁸ David Shambaugh, “China’s Soft-Power Push: The Search for Respect,” *Foreign Affairs* 94, no. 4 (July/August 2015): 99-107, 100, <http://www.jstor.org/stable/24483821>. *Sunday Times* пишет, что правительство Китая в ближайшие 10 лет планирует потратить на зарубежные проекты 1 триллион долларов, *Sunday Times* (April 2017).

чем Центры Конфуция. Похоже, происходит исторический тектонический геостратегический сдвиг – Китай намерен заменить Америку в роли ведущей дипломатической силы мира. Президент Си Цзиньпин намекнул на это в Давосе в начале 2017 г., выступив с речью, в которой была изложена целостная стратегия реализации китайской идеи будущего глобального экономического порядка на фоне замкнутости США в себе.²⁹

Цель BRI – строительство автомобильных и железных дорог, портов и другой стратегической инфраструктуры. Масштаб инвестиций в развивающиеся страны впечатляет. Например, Китай принимает участие в финансировании, строительстве и работе 46 африканских портов.³⁰ На середину 2017 г. в Африке действовали более 10 000 китайских компаний.³¹ В глобальной перспективе, BRI в 2022 г. при помощи инвестиций в виде долгосрочных займов охватывала 147 стран,³² 50 % населения мира и четверть его ВВП.³³ Прогнозируют, что до 2027 г. расходы на BRI достигнут \$1,3 триллиона, а стоимость более чем 2600 проектов в разных странах мира оценивается в \$3,7 триллиона.³⁴

В Азии Китай убеждает Таиланд согласиться на постройку 100 км канала Кра, масштаба Панамского, который соединил бы Южнокитайское море с Бенгальским заливом, обойдя перегруженный Малаккский пролив. Для Запада канал Кра иллюстрирует общую опасность BRI как средства приобретения Пекином зарубежной инфраструктуры, что способствует расширению и усилению стратегического влияния Китая. Кроме того, приобретение активов Китаем сопряжено с опасностью «долговых ловушек». Например, Пекин построил новый порт в Кьяукпью, Мьянма, и получил 70 % контрольный пакет акций после того, как принимающая страна объявила дефолт.³⁵ Таким образом Китай потенциально приобрёл военно-морскую базу в Индийском

²⁹ Lawrence Summers, “The US Must Work on Its Economic Relationship with China: Global Cooperation Matters More than Short-Term Gain,” *Financial Times*, April 9, 2017, <https://www.ft.com/content/abbeb10a-1b85-11e7-a266-12672483791a>.

³⁰ Judd Devermont, Catherine Chiang, and Amelia Cheatham, “Assessing the Risks of Chinese Investments in Sub-Saharan African Ports,” *CSIS*, June 5, 2019, <https://reconasia.csis.org/assessing-risks-chinese-investments-sub-saharan-african-ports/>.

³¹ Frank Umbach, “How China’s Belt and Road Initiative Is Faring,” Report, *GIS*, April 8, 2022, <https://www.gisreportsonline.com/r/belt-road-initiative/>.

³² Christoph Nedopil Wang, “Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022,” *Green Finance and Development Center*, July 24, 2022, <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-h1-2022/>.

³³ Lily Kuo and Niko Kommenda, “What Is China’s Belt and Road Initiative?” *The Guardian*, July 30, 2018, <https://www.theguardian.com/cities/ng-interactive/2018/jul/30/what-china-belt-road-initiative-silk-road-explainer>.

³⁴ Umbach, “How China’s Belt and Road Initiative Is Faring.”

³⁵ Yimou Lee and Thu Thu Aung, “China to Take 70 Percent Stake in Strategic Port in Myanmar – Official,” *Reuters*, October 17, 2017, <https://www.reuters.com/article/china-silkroad-myanmar-port-idUSL4N1MS3UB>.

океане рядом с перегруженным Малаккским проливом и военное присутствие в Бенгальском заливе.

Страны-должники видят в китайских кредитах возможность получить высокий доход от инвестиций, но часто происходит иначе. Проект порта Хамбантота в Шри-Ланке привлек огромные китайские инвестиции, но дал мало поступлений. В сочетании с высокими процентными ставками Китая Шри-Ланка закономерно оказалась в опасной долговой ловушке. К 2017 г. займы оказались слишком дорогими для выплат, и произошел дефолт по кредитам, в результате чего Пекин потребовал погашения долга в 1,4 млрд. долларов США.³⁶ Не имея козырей, правительство Шри-Ланки подписало концессионное соглашение о совместном предприятии между единственной государственной портовой компанией Китая China Merchants Port Holdings Company Limited (CMPort) и портом Хамбантота. Соглашение требует от правительства Шри-Ланки обслуживания долга путём сдачи портовой инфраструктуры в аренду китайцам на 99 лет. Коломбо уступил 70 % порта в пользу CMPort, остальное досталось Управлению портов Шри-Ланки.³⁷

Политический ответ

Усиление геэкономического влияния Китая в Мьянме и Шри-Ланке — всего лишь фрагмент более широкой тенденции в азиатском регионе. Массовый приток китайских средств произошел из-за стратегического вакуума, вызванного неопределённой дипломатией Запада. Однако в последнее время либеральные демократии начали реагировать, выдвигая важные политические инициативы. Во-первых, развивается «Четырехсторонний диалог по безопасности» с участием Австралии, Индии, Японии и США. Это неформальный союз в области безопасности, созданный в 2007 г. в ответ на растущую мощь Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Хотя изначально «четверка» не смогла сгенерировать дипломатический импульс, он усилился на саммите АСЕАН в 2017 г., где четыре страны вновь обязались усилить противодействие Китаю в сфере безопасности. Интересно, что второй саммит «четверки» в Токио в мае 2022 г. подтвердил, что хотя безопасность на море жизненно важна, экономическая безопасность Азии связана с обороноспособностью.³⁸ Вторая политическая инициатива была запущена в

³⁶ Anjana Pasricha, "As Crisis-Hit Sri Lanka Counts Cost of Chinese Projects, India Moves to Recover Influence," *VOA News*, June 10, 2022, <https://www.voanews.com/a/as-crisis-hit-sri-lanka-counts-cost-of-chinese-projects-india-moves-to-recover-influence/6611703.html>.

³⁷ Lu Hai Liang, "Sri Lanka Hands over Port to China to Pay off Debt," *The National*, September 11, 2018, <https://www.thenationalnews.com/world/asia/sri-lanka-hands-over-port-to-china-to-pay-off-debt-1.684606>.

³⁸ "The 'Quad': Security Cooperation Among the United States, Japan, India, and Australia," *US Congressional Research Service*, updated July 25, 2022, <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11678/6>.

2016 г. с созданием структуры безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона и НАТО. Вместе с Австралией, Республикой Корея, Японией и Новой Зеландией, НАТО объявила о партнёрстве для защиты международного порядка, основанного на правилах, как предусмотрено Повесткой дня НАТО до 2030 г.³⁹ Все азиатские партнёры (А-4) – устоявшиеся демократии с общими ценностями и имеют союзные договора со США, кроме Новой Зеландии, у которой с Вашингтоном тесное партнёрство. Совет НАТО теперь проводит регулярные дискуссии с партнёрами А-4. В апреле 2022 г. представители Финляндии, Грузии, Швеции, Украины и ЕС встретились с министрами иностранных дел четырёх стран азиатско-тихоокеанского региона для обсуждения глобальных последствий российского вторжения в Украину.⁴⁰ Третья инициатива стартовала в 2017 г., когда Япония и Индия запустили программу, прямо конкурирующую с BRI – Коридор роста Азии и Африки.⁴¹ Затем, в 2021 г., пытаясь воспользоваться вызванными Covid задержками, влияющими на китайскую программу BRI,⁴² США и Япония развернули программу цифровой инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе. Это масштабная инициатива инвестиций в инфраструктуру 5G под эгидой США, являющаяся частью более широкой амбициозной альтернативы китайскому BRI, с более чем 2000 проектов на разных континентах.⁴³

Пекин нервно реагировал на усиление военно-экономического потенциала Запада в Азии, включая возможное расширение и активизацию инициатив «азиатского НАТО», проявляющихся в оборонном соглашении «Пятёрки» (Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Великобритания), «Четвёрки» (экономическое соглашение США, Индии, Японии, Новой Зеландии), договорённости о подводных лодках «Тройки» AUKUS (Австралия, Великобритания, США) и двух двусторонних союзах (США-Южная Корея, США-Япония).⁴⁴ Скоординированный ответ Запада на Большую стратегию Китая

³⁹ “Relations with Asia-Pacific Partners,” *NATO*, July 12, 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_183254.htm.

⁴⁰ “Opening Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Meeting of the North Atlantic Council in Foreign Ministers Session, with the Participation of Partners,” *NATO*, April 7, 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_194328.htm.

⁴¹ Avinash Nair, “To Counter OBOR, India and Japan Propose Asia-Africa Sea Corridor,” *The Indian Express*, May 31, 2017, <https://indianexpress.com/article/explained/to-counter-obor-india-and-japan-propose-asia-africa-sea-corridor-4681749/>.

⁴² “China Says One-Fifth of Belt and Road Projects ‘Seriously Affected’ by Pandemic,” *Reuters*, June 19, 2020, <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-silkroad-idUSKBN23Q011>.

⁴³ Richard Javad Heydarian, “US-Japan Roll out Digital Counter to China’s BRI,” *Asia Times*, April 20, 2021, <https://asiatimes.com/2021/04/us-japan-roll-out-digital-counter-to-chinas-bri/>.

⁴⁴ Pierre Haroche and Martin Quencez, “NATO Facing China: Responses and Adaptions,” *Survival* 64, no. 3 (May 2022): 73-86, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2078047>; “US Trying to Create Asian NATO with Blocs to ‘Suppress’ China: FM Wang Yi,” *Business Standard*, March 7, 2022, <https://www.business-standard.com/article/international/us-trying-to-create-asian-nato-with-blocs-to-suppress-china-fm-wang-yi->

в Азии впечатляет. Он предполагает достижение консенсуса на глобальном уровне, при котором подобный НАТО орган может взять на себя ответственность за противодействие принуждению и дипломатии России и Китая.

Первое упоминание об Экономическом НАТО датируется 1956 г. Тогда в научной статье была отмечена важность экономической войны и актуальность статьи II учредительного договора НАТО, обязывающей участников «стремиться к устранению противоречий в своей международной экономической политике и способствовать развитию экономического сотрудничества между любыми из них и между собой в целом».⁴⁵ Но первое осязаемое проявление этого обязательства пришло не от НАТО, а от Европейского Союза, который принял в 2021 г. Акт против принуждения. Этот новый инструмент направлен на противодействие экономическому принуждению со стороны третьих стран при помощи специальных пропорциональных экономических мер.⁴⁶ Далее, в 2022 г. в докладе Рамуссена (в соавторстве с Иво Далдером), представленном на июньском саммите НАТО в Испании, была сделана попытка реанимировать идею Экономического НАТО.⁴⁷ В Докладе подняты три важных момента: НАТО – подходящая международная организация для обеспечения «экономических гарантий»; инструменты в её экономическом арсенале должны включать весь спектр вариантов, включая прямые санкции, вторичные санкции, импортные тарифы и, хоть и не будучи упомянутыми, также банковские, финансовые услуги и бизнес-инвестиции; и хотя такие санкции могут привести к негативным последствиям для вводящих их стран, положительным моментом является то, что они могут способствовать укреплению цепочек поставок в демократических странах. В этом смысле доклад Рамуссена показывает, что геостратегические интересы доминируют над экономическими, предвещая отступление от глобализации, хотя в более широком смысле эти две тенденции неизбежно взаимосвязаны.

Появилось множество различных предложений по созданию специального транснационального органа противодействия принуждению, включая «Торговое НАТО»,⁴⁸ Клуб демократий D-10 (страны Большой семёрки плюс

122030701343_1.html; Gerry Doyle, “Southeast Asian Defence Pact Can Help Region Manage Tensions, Members Say,” *Reuters*, June 11, 2022, <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/southeast-asian-defence-pact-can-help-region-manage-tensions-members-say-2022-06-11/>.

⁴⁵ Lincoln Gordon, “Economic Aspects of Economic Diplomacy – The NATO Experience,” *International Organization* 10, no. 4 (November 1956): 529-543, 541.

⁴⁶ “EU Strengthens Protection Against Economic Coercion,” *European Commission*, December 8, 2021, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6642.

⁴⁷ Alireza Ahmadi, “Against Russia and China, an ‘Economic NATO’ Is Not Enough,” *The National Interest*, June 10, 2022, <https://nationalinterest.org/feature/against-russia-and-china-%E2%80%98economic-nato%E2%80%99-not-enough-202874>.

⁴⁸ Ahmadi, “Against Russia and China, an ‘Economic NATO’ is Not Enough.”

Австралия, Индия и Южная Корея)⁴⁹ и немецкое предложение «Альянса демократий», куда должны войти ведущие демократии Северной Америки, Европы и Индо-Тихоокеанского региона. На эти регионы приходится примерно 3/4 мирового ВВП, трансатлантическое партнёрство обеспечивает почти 80 % официальной помощи в целях развития во всем мире, и все 20 стран с самым высоким показателем влияния «мягкой силы» являются демократическими. Их подтверждённые социально-экономические возможности дают Западу серьёзные рычаги воздействия на решение глобальных проблем. Но, возможно, самым эффективным и рациональным путём вперед являются, как утверждает Лиз Трасс, действия «Большой семёрки»,⁵⁰ которая представляет половину мира, включая весь ЕС, как «участника без номера»,⁵¹ и уже может коллективно защитить благополучие Запада. Конечно, существует потребность в экономическом эквиваленте статьи 5, и «Большая семёрка» – хорошее начало на пути к этой цели. Однако необходимо тщательно продумать следующие три фактора: характер враждебных действий, вызывающих коллективный ответ; будут ли полномочия по реагированию включать неэкономические соображения, такие, как права человека; и, наконец, необходимость предварительного соглашения о мерах реагирования на эскалацию.⁵² В настоящее время «Большая семёрка» и НАТО работают в тандеме, и, возможно, это логичный краткосрочный подход, когда две организации координируют и представляют широкую «коалицию желающих» решать глобальные экономические и военные проблемы. Что же касается долгосрочной перспективы, вполне вероятно, что институциональная архитектура будет развиваться, особенно учитывая то, что президент Байден сейчас стремится создать амбициозную глобальную коалицию, которая выйдет далеко за рамки «Большой семёрки» и НАТО.⁵³

НАТО – не единственная международная организация, способная следить за экономической «серой зоной» Китая и его гибридной деятельно-

⁴⁹ Patrick Wintour, “UK Plans Early G7 Virtual Meeting and Presses Ahead with Switch to D10,” *The Guardian*, January 15, 2021, www.theguardian.com/world/2021/jan/15/uk-plans-early-g7-virtual-meeting-and-presses-ahead-with-switch-to-d10.

⁵⁰ Truss, “The Return of Geopolitics.”

⁵¹ Bruce Stokes, “The World Needs an Economic NATO,” *Foreign Policy*, May 17, 2022, <https://foreignpolicy.com/2022/05/17/ukraine-war-russia-sanctions-economic-nato-g7/>.

⁵² Stokes, “The World Needs an Economic NATO.”

⁵³ “US Working Towards Global Coalition Far Beyond G7, NATO: White House,” *Business Standard*, June 10, 2022, https://www.business-standard.com/article/international/us-working-towards-global-coalition-far-beyond-g7-nato-white-house-122031500092_1.html.

стью по принуждению, и при этом также усиливающая западное сдерживание благодаря стойкости, запретам и наказаниям.⁵⁴ Другими возможными кандидатами являются иные многосторонние органы, такие, как Всемирная торговая организация и ООН, но их членство очень широко и включает Россию, Китай и их сателлитов, что блокирует решительную политику. Кроме того, если цель западных санкций состоит в том, чтобы предотвратить или остановить агрессивные военные действия, предпочтительна более сконцентрированная реакция. Эту роль могла бы сыграть так называемая «экономическая рука» НАТО, Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Control, CoCOM),⁵⁵ созданный в 1949 г. США и их ключевыми союзниками, чтобы лишить СССР и страны Варшавского договора доступа к стратегическим военным компонентам и технологиям двойного предназначения. Аналогичная организация под названием Китайский комитет (ChinCom) была создана в 1952 г., чтобы точно так же лишить доступа к стратегическим технологиям Китай. После распада Советского Союза и окончания Холодной войны CoCOM в 1995 г. заменили Вассенаарские договоренности, но их действенность ослабляют два фактора. Во-первых, после Холодной войны приоритетом стала торговля, а экономические санкции мешают ей. Кроме того, цель Вассенаарских договоренностей сложнее, чем у CoCOM: содействовать ответственной торговле, а не мешать ей. Вторая проблема состоит в том, что Россия является участником Вассенаарских договоренностей.

Российско-украинская война катализировала усилия по замене CoCOM. Интересно, что в апреле 2022 г. США старались усилить существующую глобальную коалицию экспортного контроля демократических стран, включающую все страны ЕС и других важных игроков, таких, как Великобритания, Австралия и Канада, путём введения жестких ограничений на экспорт технологий и программного обеспечения для оборонного, аэрокосмического и морского секторов России и Беларуси.⁵⁶ За этим в мае 2022 г. последовал Совет США-ЕС по торговле и технологиям, созданный для согласования политики ограничения экспорта технологий в Россию и, таким образом, сдерживания агрессивных военных намерений. Вслед за этой политикой возникла необходимость мобилизовать и консолидировать будущие усилия, а

⁵⁴ Fergus Hunter et al., "Countering China's Coercive Diplomacy: Prioritising Economic Security, Sovereignty and the Rules-based Order," Policy Brief Report No. 68 (Australia Strategic Policy Institute, February 22, 2023), <https://www.aspi.org.au/report/countering-chinas-coercive-diplomacy>.

⁵⁵ Richard T. Cupitt and Suzette R. Grillot, "COCOM Is Dead, Long Live COCOM: Persistence and Change in Multilateral Security Institutions," *British Journal of Political Science* 27, no. 3 (July 1997): 361-389, <https://doi.org/10.1017/S0007123497000185>.

⁵⁶ "Commerce Announces Addition of Iceland, Liechtenstein, Norway, and Switzerland to Global Export Controls Coalition," *US Department of Commerce*, April 8, 2022, <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2022/04/commerce-announces-addition-iceland-liechtenstein-norway-and>.

объединённый орган «Большой семёрки» и НАТО снова может стать единым организационным механизмом координации стратегического экспортного контроля, который будет воздействовать как на Россию, так и на Китай.⁵⁷ Срочно необходим строгий контроль стратегических военных технологий и технологий двойного назначения, учитывая, что российская военная машина крайне зависит от военных систем, получаемых из стран Запада. Недавний доклад лондонского аналитического центра RUSI ярко иллюстрирует это. Оказалось, что 317 из 450 уникальных микроэлектронных компонентов в российской военной технике, применяемой в Украине, произведены в США, а остальные поставлены из стран Европы и Восточной Азии.⁵⁸

Заключение

Усиление принуждения со стороны России и Китая представляет угрозу свободному миру. Проблему пребывания ограниченных ресурсов в руках государств, враждебных либеральным демократиям, нужно решать путём создания соответствующего международного института. Как предлагается в основной части этой статьи, крайне необходимо заложить экономическую основу, аналогичную статье 5, которая обеспечит коллективный скоординированный ответ на деструктивную политику России и Китая. Понадобится подобный НАТО экономический орган, в виде новой глобальной экономической структуры или формального механизма координации политики существующих организаций G7 и НАТО. Этому органу придется решать две отдельные, но взаимосвязанные задачи, стоящие перед Западом. Во-первых, нужно укрепить экономическую безопасность посредством политики, направленной на противодействие торговым ограничениям России и Китая на продукты питания, энергоресурсы, инвестиции и редкоземельные ископаемые. Во-вторых, среди демократических стран наблюдается запоздалое признание наличия соответствующих геоэкономических и стратегических структур для эффективного противодействия китайской экономической дипломатии в эпоху конкуренции великих держав. В последние годы рефлексивной реакцией западных столиц было просто увеличение военных ресурсов, но при этом теряется суть. Нужна более самостоятельная и долгосрочная стратегическая, экономическая, дипломатическая и оборонная позиция Запада. Бедные, но стратегически важные страны мира уделяют развитию и процветанию столько же внимания, сколько обороне и независимости. Сами по себе военные корабли и истребители не достигнут этой цели, по-

⁵⁷ Chiara Albanese, "EU Analysis Suggests China May Send Tech Hardware to Help Putin," *Bloomberg*, March 25, 2022, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-25/eu-analysis-suggests-china-may-send-tech-hardware-to-help-putin>.

⁵⁸ Andrew Macaskill, "Exclusive: Russian Weapons in Ukraine Powered by Hundreds of Western Parts, Report Says," *Reuters*, August 8, 2022, <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/exclusive-russian-weapons-ukraine-powered-by-hundreds-western-parts-rusi-2022-08-08/>.

этому необходима дипломатическая перезагрузка. Но любой новый подход, ставящий во главу угла экономические принципы, потребует дипломатических обязательств и экономических вливаний. Это будет непросто в мире, в котором всё больше проявляются популистские политические настроения и внимание отвлекает жупел международной рецессии.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Рон Мэтьюз – заведующий кафедрой обороноспособности и безопасности Академии Рабдана, Абу-Даби. Внештатный профессор военной экономики Университета Крэнфилда Военной академии Великобритании. Бывший заведующий кафедрой военной экономики Школы международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS), Наньянский технологический университет, Сингапур.

Электронная почта: rmatthews@ra.ac.ae

«Серая зона» и гибридные действия

Питер Добиас, Кайл Кристенсен

Управление НИОКР МО Канады, Центр оперативных исследований и анализа, Оттава, Онтарио, <http://www.drdc-rddc.gc.ca>

Аннотация: Военные операции в серой зоне (определяемой здесь как промежуток между миром и войной, где государства действуют в конкурентном континууме) представляют особую сложность для военных стратегов. Потенциальные противники, хорошо знакомые с обычными летальными возможностями НАТО, безнаказанно используют область ниже летального порога конфликта для достижения своих целей. Чтобы вернуться к эффективному сдерживанию, НАТО должна выработать способность не дать противникам возможности беспрепятственно действовать в этой зоне ниже неядерного конфликта. Для этого нужно создать издержки для противника, действующего ниже летального порога открытого конфликта, в разных сферах, на тактическом, оперативном и стратегическом уровне. Промежуточные силовые возможности (Intermediate Force Capabilities, IFC) – тот инструмент, который обеспечивает эффективные средства тактического и оперативного реагирования ниже летального порога и может эффективно формировать условия во всех сферах, вплоть до стратегического уровня.

Ключевые слова: серая зона, гибридные угрозы, некинетический, нелетальный, изоляция района боевых действий, ограничение и воспрепятствование доступа и манёвра, конкурентный континуум, порог, неядерный конфликт, промежуточные силовые возможности.

Вступление

Международная безопасность сегодня: гибридные угрозы и серая зона

При исследованиях международной безопасности в последние годы всё больше внимания обращают на так называемые гибридные угрозы и серую

зону.¹ В недавнем исследовании RAND серая зона определяется как «оперативное пространство между миром и войной, с применением мер принуждения для изменения статус-кво ниже порога, который в большинстве случаев вызывает конвенциональную военную реакцию, часто – путём размывания границы между военными и невоенными действиями и усложнения определения ответственности».²

По большинству признаков «принудительные действия», в которых сочетаются военные и невоенные акции, характеризуют как гибридные угрозы. Фрэнк Хоффман определяет гибридные угрозы так:

полный спектр разных видов ведения боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования, теракты, в том числе – неизбирательное насилие и принуждение, и криминальный хаос. Гибридные войны могут вести как государства, так и разные негосударственные субъекты. Такие разнообразные действия могут вести разные подразделения или одно и то же подразделение, но обычно они оперативно и тактически направляются и координируются на театре боевых действий для достижения синергии в физическом и психологическом аспектах конфликта.³

Определение Хоффмана получило признание, потому что в нём учтены не только действия, несущие гибридную угрозу, но и потенциальные игроки и их намерения. Оно также согласуется с определением серой зоны, так как включает все элементы государственной власти, действия, намеренно остающиеся ниже уровня применения силы государством, обычно организованно синхронизируемые и координируемые по задачам.⁴

¹ Также используют термины «иррегулярный», «асимметричный», «неконвенциональный», «неограниченный», «нелинейный», «нетрадиционный», «нового поколения», «следующего поколения», «полного спектра», «политическая война», «юридическая война», «во всех сферах».

² Lyle J. Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019), 8, www.rand.org/pubs/research_reports/RR2942.html.

³ Frank G. Hoffman, *Conflict in the 21st Century: Hybrid Wars* (Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007), 8, https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf; и Frank G. Hoffman, “Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges,” *PRISM* 7, no. 4 (2018): 30-47, <https://www.jstor.org/stable/26542705>.

⁴ Frank G. Hoffman, “The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War,” in *2016 Index of U.S. Military Strength: Assessing America’s Ability to Provide for the Common Defense*, ed. Dakota L. Wood (Washington, DC: The Heritage Foundation, 2016), по состоянию на 10 сентября 2020, https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-10/2016_IndexOfUSMilitaryStrength_The%20Contemporary%20Spectrum%20of%20Conflict_Protracted%20Gray%20Zone%20Ambiguous%20and%20Hybrid%20Modes%20of%20War.pdf; U.S. Department of Defense, *Quadrennial Defense Review Report* (February 2010), https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf; и Hal Brands, “Paradoxes of the Gray Zone,” *E-NOTES* (Foreign Policy

В конечном счёте намеренное применение гибридной тактики, приёмов и возможностей призвано создать стратегические, оперативные и/или тактические дилеммы для противника. Цель состоит не столько в том, чтобы бросить вызов противнику в прямой конфронтации,⁵ сколько в том, чтобы ограничить доступные ему варианты, тем самым расширяя оперативную свободу своих действий между миром и войной. Поскольку эти действия не достигают порога вооружённого конфликта, они ставят оппонентов в тупик (военные, дипломатические, политические «руки» государства связаны), вынуждая их либо принять новый статус-кво, либо применить силу для разрешения этой дилеммы. Пребывание ниже порога применения силы и избегание прямой конфронтации с противником позволяет более слабым государствам противостоять более сильным, потому что им уже не нужно бороться с превосходящим противником при прямой конфронтации.⁶

Использование гибридных угроз предусматривает применение всех элементов государственной власти и управление их вертикальной и горизонтальной эскалацией (деэскалацией).⁷ Наиболее наглядными примерами таких подходов сейчас являются Россия, Китай и Иран.⁸ Россия, Китай и Иран понимают отношения между государствами как «континуум конфликта», или «конкурентный континуум», в котором промежуток между миром и войной – это просто область конфликта другими средствами. Россия и Китай сочетают разные элементы государственной власти (экономическое принуждение, политическое влияние, специальные методы ведения войны, информационные и кибероперации) для продвижения своих интересов так,

Research Institute, February 5, 2016), по состоянию на 27 сентября 2020, <https://www.fpri.org/article/2016/02/paradoxes-gray-zone/>.

⁵ Andrew Krepinevich, Barry Watts, and Robert Work, *Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge* (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003), <https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf>.

⁶ Institute of Defence and Strategic Studies, “Countering Anti-Access/Area Denial Challenges: Strategies and Capabilities,” Event Report (Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, December 1, 2017), https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/04/ER180424_Counter-Access.pdf.

⁷ Erik Reichborn-Kjennerud and Patrick Cullen, “What Is Hybrid Warfare?” *Policy Brief* (Oslo: Norwegian Institute for International Affairs, January 2016).

⁸ Reichborn-Kjennerud and Cullen, “What Is Hybrid Warfare?”; Peter Hunter, “Political Warfare and the Grey Zone,” in *Projecting National Power: Reconciling Australian Air Power Strategy for an Age of High Contest*, Special Report 142 (Barton, Australia: Australian Strategic Policy Institute, August 2019), <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-08/SR%20142%20Projecting%20national%20power.pdf>; и James K. Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare,” *Connections: The Quarterly Journal* 15, no. 2 (2016): 73-87, <http://dx.doi.org/10.11610/Connections.15.2.06>.

что у противника нет действенного ответа.⁹ Подход Ирана больше сосредоточен на военно-технических аспектах, но его конечная стратегическая цель всё та же: сдержать, воспретить, усложнить доступ противника к геостратегически важным районам. Несмотря на явное сходство действий России, Китая и Ирана в серой зоне, есть и очевидные отличия.¹⁰

Стратегические соперники и вызовы в серой зоне

Россия – «Стратегия ограниченных действий»

Поход России к серой зоне иногда упрощенно называют «доктриной Герасимова».¹¹ В своей статье 2013 г. «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий» начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал Валерий Герасимов отметил, что сами «правила войны» изменились: «Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия».¹² Акцент конфликта смещается «... в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер ... с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций».¹³ К открытому применению силы, обычно под видом миротворческой деятельности, переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте.¹⁴

Много спорят о том, существует ли доктрина Герасимова на самом деле. Ряд учёных, включая Майкла Кофмана, Роджера Макдермотта и Марка Галеотти, сомневаются, что статья генерала Герасимова – это доктрина с планом действий российских военных в Украине и постоянного соперничества с Западом.¹⁵ В худшем случае, по мнению Галеотти, цепляние за неточное

⁹ Sydney J. Freedberg Jr., "Cyber Warfare in the Grey Zone: Wake up, Washington," *Breaking Defense*, April 9, 2019, <https://breakingdefense.com/2019/04/cyber-warfare-in-the-grey-zone-wake-up-washington/>.

¹⁰ Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone*.

¹¹ Ofer Fridman, "On the 'Gerasimov Doctrine': Why the West Fails to Beat Russia to the Punch," *PRISM* 8, no. 2 (2019), по состоянию на 5 декабря 2021, https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/prism/prism_8-2/PRISM_8-2_Fridman.pdf.

¹² Валерий Герасимов, «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий», <https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

¹³ Герасимов, «Ценность науки в предвидении».

¹⁴ Герасимов, «Ценность науки в предвидении».

¹⁵ M. Kofman, "Russia's armed forces under Gerasimov, the man without a doctrine," *RIDDLE Russia* (4 January 2020), по состоянию на 10 сентября 2021, www.ridl.io/

применение доктрины Герасимова «ограничивает и уводит нас в сторону при попытках понять и, соответственно, бороться» с нынешним русским военным мышлением и планированием.¹⁶ Но невзирая на миф о включении доктрины Герасимова в российскую военную стратегию и оперативное планирование, в статье освещаются важные концептуальные глобальные тенденции современного военно-стратегического мышления.

Например, концепции и подходы, изложенные в статье, показывают, что современный «конфликт» развивается путём сочетания элементов государственной власти для достижения политических целей без необходимости прибегать к использованию открытой военной силы (хотя использование тайных и полувоенных формирований допустимо), что включает использование и манипулирование информационными и техническими средствами.¹⁷ Как сказал Верховный главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами НАТО (ВГК ОВС НАТО) в Европе генерал Филип Бридлав, российская кампания в Украине была «...самым удивительным информационным блицкригом, который мы когда-либо видели в истории информационных войн».¹⁸

Таким образом, России не обязательно соперничать с превосходящим её в военном отношении Западом. Ей нужно эффективно действовать лишь в определенных сферах или областях и сохранять присутствие в районах, считающихся геостратегически важными.¹⁹ Сочетая разные элементы мощи государства, Россия может контролировать подготовку конкурентного континуума (ранее говорили – «обеспечивать поле боя»), применять избранную тактику эскалации и деэскалации и использовать разные сферы зоны конфликта для достижения преимущества.²⁰

Китай – Активная оборона

Китайскую стратегию противоборства в серой зоне можно описать понятием «активная оборона». Эта концепция впервые была сформулирована высшим военным руководством в конце 1930-х гг. и стала основой военной

en/russia-s-armed-forces-under-gerasimov-the-man-without-a-doctrine; R.N. McDermott, “Does Russia have a Gerasimov Doctrine?” *Parameters* Spring 2016; 46(1): 97-105.; и M. Galeotti, “I’m sorry for creating the ‘Gerasimov Doctrine’,” *Foreign Policy* (5 March 2018), по состоянию на 28 марта 2021, <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/>.

¹⁶ Galeotti, “I’m sorry for creating the ‘Gerasimov Doctrine’.”

¹⁷ Герасимов, «Ценность науки в предвидении»; Arthur N. Tulak, “Hybrid warfare and new challenges in the information environment,” 5th Annual Information Operations Symposium, Honolulu, Hawaii, 20-22 October 2015.

¹⁸ Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare,” 77.

¹⁹ Institute of Defence and Strategic Studies, “Countering Anti-Access/Area Denial Challenges.”

²⁰ Kathleen H. Hicks, “Russia in the Gray Zone,” *Commentary* (Center for Strategic and International Studies, July 25, 2019), <https://www.csis.org/analysis/russia-gray-zone>.

стратегии Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г.²¹ Согласно ежегодному докладу Министерства обороны (МО) США Конгрессу об обороне и безопасности КНР, активная оборона основана на принципах стратегической обороны в сочетании с наступательными действиями на оперативном и тактическом уровне. Она исходит из принципа избегать начала вооружённого конфликта, но дать силовой отпор в случае вызова, или придерживаться позиции «мы не нападаем, пока на нас не нападут, но обязательно контратакуем, если нас атакуют».²²

Хотя взгляды Китая на активную оборону в целом неизменны с 1949 г., после холодной войны Коммунистическая партия Китая (КПК) стала чаще пересматривать принципы военной стратегии. Так, в 1993 г. Цзян Цзэминь поручил Народно-освободительной армии Китая (НОАК) готовиться побеждать в «локальных войнах» в «условиях высоких технологий».²³ Цзян Цзэминь пересмотрел принципы военной стратегии НОАК, увидев полное доминирование США в войне в Персидском заливе 1991 г., к которой, по признанию НОАК, она совершенна не была готова.²⁴

В 2004 г. Ху Цзиньтао ориентировал военных учиться побеждать в «локальных войнах в условиях информатизации», а в 2014 г. Си Цзиньпин обратил внимание на ведение и выигрыш «информатизованных локальных войн».²⁵ Эти изменения вновь стали ответом на растущую роль и значение информационных операций (ИО) в таких странах, как Ирак, Афганистан, Сирия, Украина и т.д. Аналогично взглядам на современную войну в России, военно-политическое руководство Китая признало, что сама война фундаментально изменилась. По сути, Пекину пришлось принять такой подход к ведению войны, при котором более слабая страна (то есть Китай) может противостоять и даже защитить себя в высокотехнологическом конфликте со США.²⁶

²¹ M. Taylor Fravel, *Active Defense: China's Military Strategy since 1949*, Book 2 (Princeton University Press, April 2019).

²² Fravel, *Active Defense: China's Military Strategy since 1949*.

²³ Gurmeet Kanwal, *China's New War Concepts for 21st Century Battlefields* (Institute of Peace and Conflict Studies, July 1, 2007), по состоянию на 5 декабря 2021, www.ipcs.org/issue_briefs/issue_brief_pdf/1577903632IPCS-IssueBrief-No48.pdf.

²⁴ Qiao Liang and Wang Xiangsui, *Unrestricted Warfare* (Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, February 1999), <https://www.c4i.org/unrestricted.pdf>.

²⁵ M. Taylor Fravel, "China's New Military Strategy: 'Winning Informationized Local Wars'," *China Brief* 15, no. 13 (Jamestown Foundation, July 2015), по состоянию на 7 декабря 2021, <https://jamestown.org/program/chinas-new-military-strategy-winning-informationized-local-wars/>.

²⁶ Чтобы подчеркнуть этот момент, в последнем докладе МО Конгрессу об обороне и безопасности КНР указано: «Новые возможности и концепции НОАК ещё больше усиливают способность КНР «вести и выигрывать войны» против «сильного врага» [вероятно, имея в виду США]». Office of the Secretary of Defense, *Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2021* (U.S. Department of Defense, November 2, 2021),

Для решения этой задачи Пекин продолжает модернизацию армии, развитие и качественное и количественное наращивание традиционных военных возможностей, нужных не только чтобы «вести и выигрывать» современные «информатизованные» войны, но и для поддержки действий Китая в серой зоне. Поэтому обычная военная мощь важна для сдерживания других государств от вмешательства во внутренние дела (и особенно в жизненные интересы) Китая и сохранения его способности угрожать эскалацией применения обычных вооружённых сил.²⁷

Одновременно в командовании НОАК подчёркивали необходимость применения угроз и (или) насилия ниже уровня вооружённого конфликта против государств и других субъектов для защиты суверенитета и национальных интересов Китая.²⁸ Пекин стремится достигать национальных целей политическими манёврами (дипломатическим давлением, дезинформацией, беспокоящими действиями) и угрозами, а не участием в рискованной и дорогой прямой физической конфронтации. Соответственно, стратегия предусматривает использование различных средств, как военных, так и не военных, для нанесения удара по врагу до и во время конфликта,²⁹ включая хакерство, подрыв банковских систем, рынков, валютные манипуляции (финансовую войну), дезинформацию в СМИ, городские бои и даже терроризм.³⁰

Самое главное, что именно взаимодействие – или смешение – нетрадиционной и традиционной военной тактики вместе с угрозами (скрытыми или явными) использования обычных вооружённых сил делает опасным китайский подход к серой зоне. Особенно яркий пример такого подхода можно увидеть в Южно-Китайском море, где Пекин неоднократно эффективно сочетал традиционные и нетрадиционные силы (военные, правоохранительные и военизированные формирования) и тактику (размывая различие между военной и полицейской деятельностью) для достижения синергетического эффекта.³¹

Китай использует «иррегулярные морские силы», в данном случае – поощряемых государством рыбаков-ополченцев, которые не относятся ни к

<https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF>; и Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*.

²⁷ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*; и *China's National Defense in the New Era* (The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019), http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

²⁸ Office of the Secretary of Defense, *Annual Report to Congress 2021*.

²⁹ Alessio Patalano, "When Strategy Is 'Hybrid' and not 'Grey': Reviewing Chinese Military and Constabulary Coercion at Sea," *Pacific Review* 31, no. 6 (2019): 811-839, <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513546>.

³⁰ Wither, "Making Sense of Hybrid Warfare"; Fravel, "China's New Military Strategy."

³¹ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*; Patalano, "When Strategy Is 'Hybrid' and not 'Grey'."

торговому флоту, ни к обычным рыбакам. Эндру Эриксон и Конор Кеннеди называют эти иррегулярные силы «морским ополчением».³² Эти военизированные формирования действуют с заранее спланированными ролями, в тесной координации с другими морскими силами Китая (Береговая охрана, Управление по безопасности мореплавания и (или) ВМФ НОАК).³³ Использование на море ополчения под видом рыбаков требует развёртывания военно-морских сил (т.е. угрозы применения силы), в данном случае – ВМФ НОАК, для их поддержки. Китай неизменно демонстрировал готовность угрожать и применять силу, пусть ограниченно, в поддержку своего морского ополчения для отпугивания гражданских и военных судов.³⁴ Такое использование военных и военизированных формирований в серой зоне затрудняет реагирование и/или противодействие флотов и береговой охраны стран региона действиям Китая в регионе.³⁵

Иран: ограничение и воспреещение доступа и манёвра, войны чужими руками

Использование Ираном серой зоны предусматривает применение стратегии ограничения и воспреещения доступа и манёвра (A2/AD) при прямой конфронтации и использование марионеток и иррегулярных средств (кибер, терроризм) для достижения целей, отрицая своё участие.³⁶ A2 означает недопущение или ограничение возможности переброски вооружённых сил на ТВД. AD означает недопущение или лишение свободы действий сил, уже размещённых на театре, при использовании баз (постоянных, морских, мобильных и т.д.) для ведения операций.³⁷ Цель стратегии A2 – не дать войскам попасть на ТВД, а AD – лишить их свободы действий, необходимой для ведения операций там.

³² Andrew S. Erickson and Conor M. Kennedy, “Tanmen Militia: China’s ‘Maritime Rights Protection’ Vanguard,” *The National Interest*, May 6, 2015, <https://nationalinterest.org/feature/tanmen-militia-china-s-maritime-rights-protection-vanguard-12816>; Andrew S. Erickson and Conor M. Kennedy, “Irregular Forces at Sea: Not ‘Merely Fishermen’ – Shedding Light on China’s Maritime Militia,” *Center for International Maritime Security*, November 2, 2015, accessed April 29, 2020, <http://cimsec.org/new-cimsecseries-on-irregular-forces-at-sea-not-merely-fishermen-shedding-light-on-chinas-maritime-militia/19624>.

³³ Erickson and Kennedy, “Irregular Forces at Sea: Not ‘Merely Fishermen’.”

³⁴ ABS-CBN News, “PH Verifying Reported Chinese Harassment of Local Fishers,” April 20, 2017, <https://news.abs-cbn.com/news/04/20/17/ph-verifying-reported-chinese-harassment-of-local-fishers>; и “South China Sea Incident Tracker,” *CSIS iDeas Lab* (Center for Strategic and International Studies), по состоянию на 27 сентября 2020, <https://csis-ilab.github.io/cpower-viz/csis-china-sea/>.

³⁵ Erickson and Kennedy, “Tanmen Militia.”

³⁶ Ariane M. Tabatabai and Colin P. Clarke, “Iran’s Proxies Are More Powerful Than Ever,” Commentary, *TheRANDblog*, October 16, 2019, по состоянию на 5 декабря 2021, www.rand.org/blog/2019/10/irans-proxies-are-more-powerful-than-ever.html.

³⁷ Andrew F. Krepinevich, “Why AirSea Battle?” (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010), <https://csbaonline.org/uploads/documents/20>

В рамках этой стратегии Иран использует свои военно-морские, военно-воздушные и ракетные силы, а также военизированные и другие тайные формирования, чтобы либо контролировать самому либо лишить других доступа к Ормузскому проливу. Иран разработал/разрабатывает различные системы вооружения, включая быстроходные катера, ударные/ракетные корабли, подводные лодки, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) малой дальности, «умные мины», ракетные системы большой дальности, высокоточные боеприпасы, береговые противокорабельные ракеты (ПКР) и крылатые ракеты (КР), системы загоризонтного наведения, ударную авиацию большой дальности, береговую артиллерию, зенитно-ракетные комплексы и даже баллистические ракеты, чтобы концентрировать силы, беспокоить, пресекать, контролировать, блокировать и атаковать военные и гражданские суда в регионе. Последние данные показывают, что для реализации своей стратегии A2/AD Иран может использовать передовые технологии, в частности, спутниковые, глушение глобальной системы позиционирования (GPS) и кибератаки.³⁸

В отличие от доктрины Герасимова и активной обороны, использование серой зоны Ираном в плане военно-технических решений определяется уже, но комплексная угроза от этих многоуровневых систем может затруднить проход Ормузского пролива и проведение морских операций военно-морских сил.³⁹ То есть, аналогично доктрине Герасимова и активной обороне, Иран не должен быть самым сильным участником конфронтации – он просто должен быть достаточно силён, чтобы не дать противнику получить доступ к театру военных действий и/или вести операции в регионе.⁴⁰

Важным аспектом иранской стратегии A2/AD является то, что она сочетает традиционные элементы (скоростные катера и ПКР) с высокотехнологическими (глушение GPS), скрытыми, тайными (грузовые суда/машины для пуска противокорабельных КР, использование марионеточных сил). Иран будет придерживаться этого подхода, сочетающего передовые технологии, тактику «морских партизан» и традиционную войну на море, чтобы препятствовать, контролировать и угрожать проходу через Ормузский пролив.⁴¹

10.02.19-Why-AirSea-Battle.pdf; и Krepinevich, Watts, and Work, *Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge*.

³⁸ Ian W. Gray, “Cyber Threats to Navy and Merchant Shipping in the Persian Gulf,” *The Diplomat*, May 5, 2016, <https://thediplomat.com/2016/05/cyber-threats-to-navy-and-merchant-shipping-in-the-persian-gulf/>.

³⁹ Defense Intelligence Agency, *Iran Military Power*.

⁴⁰ Anthony H. Cordesman and Aaron Lin, *The Iranian Sea-Air-Missile Threat to Gulf Shipping* (Centre for Strategic and International Studies, February 2015), https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/150219_Cordesman_IranAirSeaMissileThreat_Web.pdf.

⁴¹ United States Institute of Peace, “Timeline: US-Iran Naval Encounters,” *The Iran Primer*, August 29, 2016, updated January 22, 2018, <https://iranprimer.usip.org/blog/2016/aug/29/timeline-us-iran-naval-encounters>; International Crisis Group, “Strait of Hormuz,” *Flashpoint*, April 23, 2020, по состоянию на 10 сентября 2020,

Вторым важным аспектом подхода Ирана к гибридным атакам в серой зоне является использование марионеток. В недавнем исследовании Центра стратегических и международных исследований отмечено, что:

Тегеран имеет влияние на Ближнем Востоке за счет использования негосударственных партнёров, несмотря на возобновление американских санкций против Ирана и выход США из ядерной сделки. Экономические проблемы Ирана не помогли снизить активность в регионе, по крайней мере, пока. Во всяком случае, иранские лидеры, похоже, всё так же хотели бы действовать на Ближнем Востоке нестандартными методами.⁴²

Численность сил иранских марионеток, обученных, оснащенных и координируемых Ираном, составляет от 140 000 до 190 000. Хотя они активно продвигают стратегические цели Ирана, Тегеран не контролирует их полностью – так задумано. Иран никогда не пытался поставить их в полную зависимость. Вместо этого Иран старался помочь этим группировкам стать более самостоятельными, позволив им интегрироваться в политические и экономические процессы своих стран и даже создать собственную военную промышленность, что уменьшает их зависимость от поставок из Ирана.⁴³ Тем не менее Иран очень эффективно использовал этих марионеток в борьбе за влияние на Ближнем Востоке как с Израилем, так и с Саудовской Аравией.⁴⁴

Общий обзор нынешней ситуации в области безопасности

Хотя использование серой зоны (т.е. пространства ниже порога вооружённого конфликта) и деятельность A2/AD сами по себе не новы,⁴⁵ их широкое применение Россией, Китаем и Ираном во всех сферах и всеми средствами в последние годы ставит уникальные задачи перед стратегами. Анализ подходов России и Китая к действиям в серой зоне показывает, что Россия в целом больше внимания обращает на информационно-пропагандистские

<https://www.crisisgroup.org/trigger-list/iran-us-trigger-list/flashpoints/hormuz>; Mark Gunzinger and Christopher Dougherty, *Outside-In: Operating from Range to Defeat Iran's Anti-Access and Area-Denial Threats* (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2011), <https://csbaonline.org/research/publications/outside-in-operating-from-range-to-defeat-irans-anti-access-and-area-denial>.

⁴² Seth G. Jones, "War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East," *CSIS Briefs* (Center for Strategic & International Studies, March 11, 2019), по состоянию на 5 декабря 2021, <https://www.csis.org/analysis/war-proxy-irans-growing-footprint-middle-east>.

⁴³ Tabatabai and Clarke, "Iran's Proxies Are More Powerful Than Ever."

⁴⁴ Nakissa Jahanbani, "Reviewing Iran's Proxies by Region: A Look Toward the Middle East, South Asia, and Africa," *CTC Sentinel* 13, no. 5 (May 2020): 39-49, <https://ctc.westpoint.edu/reviewing-irans-proxies-by-region-a-look-toward-the-middle-east-south-asia-and-africa/>; и F. Gregory Gause III, "Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War," *Brookings Doha Center Analysis Paper*, no. 11 (July 2014), 11, www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/english-pdf-1.pdf.

⁴⁵ James Lacey, "Battle of the Bastions." *War on the Rocks*, January 9, 2020, <https://warontherocks.com/2020/01/battle-of-the-bastions/>.

операции. Китай менее сдержан в обдуманном реальном применении силы, пусть и ограниченной. При реальной конфронтации Россия и Китай использовали тактику запугивания, например, пролеты над кораблями на малых высотах или опасное сближение с самолетами союзников. Китай, однако, демонстрировал готовность применить реальную силу, используя морское ополчение, не только для отпугивания и тарана гражданских и военных кораблей, но и для их обстрела.⁴⁶ Даже такие страны-изгои, как Иран, демонстрировали готовность использовать военизированные формирования, чтобы воспрепятствовать судоходству союзников в Персидском заливе, Ормузском проливе и Оманском заливе.⁴⁷

Главное в этих подходах к противостоянию в серой зоне – то, что гибридная тактика в серой зоне синхронизирована, срежиссирована и, в значительной степени, спланирована и управляема. Как подчёркивают Эрик Рейхборн-Ченнеруд и Патрик Каллен, гибридную тактику в серой зоне легче понять, рассмотрев разные характеристики возможностей игроков, методы и результаты их применения.⁴⁸

При использовании всех элементов власти способность к вертикальной и горизонтальной эскалации усиливает возможность достижения стратегических результатов. Для этого нужно не только единство усилий разных элементов государственной власти, но и определенная степень централизованного оперативного управления и стратегической координации между элементами. Поэтому хотя повышение летальности тоже важно, мы утверждаем, что так же важно развивать возможности, позволяющие союзным и коалиционным силам реагировать на ситуации без вооруженной конфронтации, единым, выверенным и синхронизированным образом.

Сегодня НАТО и их союзники мало что могут сделать, чтобы удержать противников от враждебных действий ниже порога открытого конфликта. Даже при обсуждении сдерживания обычными средствами в случае открытой военной агрессии существует консенсус в отношении того, что сдерживание через возмездие (т.е. повышение издержек для противника постфактум) не будет эффективным.⁴⁹ Хотя сдерживание через возмездие по-прежнему применимо при ядерной конфронтации, можно утверждать, что появ-

⁴⁶ ABS-CBN News, “PH Verifying Reported Chinese Harassment of Local Fishers.” См. еще “South China Sea Incident Tracker.”

⁴⁷ Полный список инцидентов в Персидском заливе, Ормузском проливе и Оманском заливе с мая 1984 по январь 2018 гг. см. в United States Institute of Peace, “Timeline: US-Iran Naval Encounters”; дополнительный список инцидентов с 15 июня 2017 г. по 22 апреля 2020 г. см. в International Crisis Group, “Strait of Hormuz.”

⁴⁸ Reichborn-Kjennerud and Cullen, “What Is Hybrid Warfare?” 2.

⁴⁹ Michael Petersen, “The Perils of Conventional Deterrence by Punishment,” *War on The Rocks*, November 11, 2016, <https://warontherocks.com/2016/11/the-perils-of-conventional-deterrence-by-punishment/>.

ление новых обычных военных возможностей/вызовов, транснациональных террористических и криминальных сетей, а также угроз на основе цифровых технологий склонили чашу весов сдерживания в сторону сдерживания через недопущение, т.е. уменьшение предполагаемой выгоды для противника.⁵⁰ В целом для сдерживания нужен чёткий сигнал противнику о способности и готовности дать ответ при достижении некоего порога. Одна из проблем сдерживания враждебных действий в серой зоне заключается в том, что большая часть конфликта происходит в политической сфере, где чёткие сигналы порога летального военного ответа часто отсутствуют, остаются незамеченными или, хуже того, неправильно воспринимаются. Это, конечно, имеет концептуальные и практические последствия.⁵¹

Ряд авторов указывают на необходимость развития способностей, лишаящих противника возможности безнаказанно действовать в серой зоне и тем самым избегать летальной конфронтации со США и НАТО.⁵² Эффективное сдерживание включает политические, экономические и военные средства. К сожалению, просто военного присутствия или угрозы применения летальной силы часто недостаточно для сдерживания злонамеренных действий, на что указывают частые провокации сил противника в отношении войск НАТО. Парадоксально, но отказ от применения силы тактически и оперативно тоже может привести к потерям – потере мобильности, утрате инициативы и даже потерям техники и личного состава сил НАТО. Пользуясь неопределённостью, противник ставит дилемму: «Чрезмерная реакция выглядит упреждающей и непропорциональной, если нет чёткой ответственности за нападение, но отсутствие ответа обрекает государство на смерть от тысячи порезов».⁵³

С этих позиций Промежуточные силовые возможности (IFC) применимы и актуальны для коалиционных операций на тактическом и оперативном уровнях во всех сферах. В условиях, когда противники (государственные и, возможно, негосударственные) пытаются использовать оперативное про-

⁵⁰ Alex S. Wilner and Andreas Wenger, eds., *Deterrence by Denial: Theory and Practice* (Cambria Press, 2021), 1-2.

⁵¹ Patrick M. Morgan, *Deterrence: A Conceptual Analysis* (Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1977).

⁵² Katie Crombe, Steve Ferenzi, and Robert Jones, "Integrating Deterrence across the Gray – Making It More than Words," *Military Times*, December 9, 2021, www.militarytimes.com/opinion/commentary/2021/12/08/integrating-deterrence-across-the-gray-making-it-more-than-words/.

⁵³ Bryan Clark, Mark Gunzinger, and Jesse Sloman, *Winning in the Gray Zone: Using Electromagnetic Warfare to Regain Escalation Dominance* (Center for Strategic and Budgetary Assessment, 2017), по состоянию на 5 декабря 2021, [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_\(EMS2_Report\)Final2-web.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_(EMS2_Report)Final2-web.pdf); Andrew Mumford, "Ambiguity in Hybrid Warfare," *Strategic Analysis* 24 (NATO Hybrid CoE, September 17, 2020), <https://www.hybridcoe.fi/publications/hybrid-coe-strategic-analysis-24-ambiguity-in-hybrid-warfare/>.

странство между войной и миром и размыть грань между военными и невоенными действиями, чтобы удержать конфронтацию ниже порога ядерного конфликта, желательно иметь класс вариантов реагирования между бездействием и применением летальной силы. Это тем более важно, что нынешние варианты ответа могут быть политически неприемлемы и позволят противнику перехватить инициативу и сохранить лицо.

Таким образом, IFC повышают способность НАТО решать проблемы гибридных угроз в серой зоне. Как отмечено в основополагающей концепции ведения войны НАТО:

Отнесение нефизических сфер, таких, как киберпространство и космос, а также всепроникающего информационного пространства к традиционным сферам ведения боевых действий (воздух, земля и море) приводит к появлению многомерного поля боя: физического, виртуального и когнитивного. Разработка эффективной целостной стратегии для всех оперативных сфер многомерного поля боя является ключом к сохранению решающего преимущества над любым противником.⁵⁴

Промежуточные силовые возможности включают широкий спектр возможностей, от физических (как нелетальные системы направленной энергии для радиочастотного противодействия перемещению), электромагнитных, кибервойн и информационных операций до использования сил специального назначения и полицейского патрулирования для поддержания порядка. Безусловно важно иметь и поддерживать традиционные летальные военные возможности для экстремальных ситуаций. Но даже когда применение летальной силы оправдано и желательно, IFC можно использовать для смягчения нежелательных результатов и, таким образом, снижения политических и репутационных издержек для НАТО. Например, IFC можно использовать для изоляции целей и перемещения их из социально или политически опасных мест или районов, где высокий сопутствующий ущерб может представлять проблему.

Вывод

Противники НАТО, хорошо осведомленные об обычных летальных возможностях НАТО, а также о порогах применения летальной силы НАТО, и безнаказанно используют пространство ниже летального порога конфликта для достижения своих стратегических целей. Это создаёт стратегическую дилемму для НАТО, когда та оказывается не способной действовать в промежутке между присутствием и применением летальной силы. Действия в любой из этих крайностей могут повлечь за собой высокие операционные и

⁵⁴ John W. Tammen, "NATO's Warfighting Capstone Concept: Anticipating the Changing Character of War," *NATO Review*, July 9, 2021, <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/07/09/natos-warfighting-capstone-concept-anticipating-the-changing-character-of-war/>.

стратегические издержки. Концепция IFC предлагает широкий спектр возможностей, которые могут заполнить этот промежуток. Конечно, важно иметь и поддерживать традиционные летальные военные возможности для экстремальных ситуаций. Однако, как показывает этот стратегический анализ, всё более важно и нужно развивать возможности, которые позволят НАТО и союзным силам реагировать на сложные комплексные атаки в ситуациях, не связанных с вооруженной конфронтацией.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Питер Добиас – см. резюме на с. 9 этого издания, <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.2.00>.

Кайл Кристенсен – стратегический аналитик оборонных исследований и разработок Канады, Центр оперативных исследований и анализа (DRDC CORA), Оттава, Канада. В настоящее время – директор отдела оперативных исследований и анализа (OR&A) Канадского объединенного оперативного командования (CJOC). Предыдущие места исследовательской работы: Объединённый центр анализа и обобщения опыта (JALLC) НАТО, Лиссабон, Португалия; Канадский объединенный центр боевых действий (CJWC), Оттава, Канада; Директорат военно-морской стратегии (DMS), Штаб национальной обороны, Оттава, Канада. Его научный опыт и интересы охватывают арктическую/приполярную безопасность и оборону, морскую безопасность и оборону в Азиатско-Тихоокеанском регионе, безопасность Северной Атлантики/НАТО, а также военные игры, оперативные исследования и анализ.
Электронная почта: Kyle.Christensen@forces.gc.ca

Нелетальное оружие и промежуточные силовые возможности: Необходимое дополнение летальных средств

Сьюзен Левин

Объединённое бюро промежуточных возможностей,
<https://jnlwp.defense.gov/>

Аннотация: Эта статья дополняет предыдущую публикацию, «Не только дробь и резиновые пули: Промежуточные силовые возможности в конкурентном континууме», показывая актуальность нелетального оружия, как промежуточных силовых средств, для Стратегии национальной обороны США 2022 г. и Стратегической концепции НАТО 2030 г. Промежуточные силовые возможности могут усилить сдерживание, обеспечив активные или оборонительные средства для противодействия агрессии ниже уровня вооружённого конфликта, дать возможность проводить военные операции среди гражданского населения в городских условиях и помочь созданию безопасных условий для передачи власти стране пребывания после конфликта.

Ключевые слова: нелетальное оружие, промежуточные силовые возможности, сдерживание, серая зона, защита гражданского населения, операции в городских условиях, мобильность, пехота, стабилизация, полицейское патрулирование для поддержания порядка, на море, на суше, НАТО.

Вступление

Нелетальное оружие часто ассоциируется с дробью и резиновыми пулями, перцевыми баллончиками, электрошокерами. Эти средства используются правоохранительными органами внутри страны и военными, прежде всего – для задач защиты и безопасности. Однако за последние 20 лет технологии нелетальных видов оружия (НЛВО) существенно продвинулись. Техниче-

ский прогресс, включая создание прототипов систем направленной энергии, может обеспечить целый комплекс средств поражения личного состава и техники без их уничтожения. Могут ли эти средства нового поколения дать командирам и начальникам промежуточные силовые варианты для помощи в решении всего спектра военных задач? И если да, то как они могут дополнить традиционные летальные возможности вооружённых сил?

Эволюция

Идея НЛВО и военная потребность в них не новы. В 1993 г. Стратегия национальной безопасности США назвала нелетальное оружие одним из ключевых средств обороны будущего. В Стратегии отмечено, что в мирное время эти будущие средства могут использоваться для сдерживания, а в военное они потребуются для выживания и успеха на поле боя.¹ Интерес к НЛВО продолжал расти в 1990-х гг., когда попытки генерал-лейтенанта морской пехоты США Энтони Дзинни использовать их в ходе операции *United Shield* по выводу миротворческих сил Организации Объединённых Наций (ООН) из Сомали привлекли к ним внимание.² Ситуация была сложной; наличие НЛВО позволило войскам показать гражданскому населению, что силы ООН будут твёрдо поддерживать порядок и применять минимально необходимую силу. Впоследствии Конгресс поручил МО создать центральный орган, ответственный за разработку технологий НЛВО, что привело к назначению Корпуса морской пехоты исполнителем НЛВО от МО и выходу Директивы МО по НЛВО.

В Директиве НЛВО названы средством усиления сдерживания и расширения перечня вариантов для командиров, включая возможность адаптации вариантов применения силы к оперативной ситуации, деэскалации для избежания ненужного применения летальной силы и повышения эффективности летального оружия.³ Директива МО не содержит намёков на то, что НЛВО должны сделать вооружённые силы мягче, добрее, или что их применение ограничено военными операциями правоохранительных органов. В Директиве также подчёркивается, что НЛВО не являются предварительным условием применению летальной силы или гарантией нулевой вероятности сопутствующих потерь или увечий. Вместо этого НЛВО должны дать ряд масштабируемых вариантов, обеспечивающих *промежуточный* уровень

¹ “National Security Strategy of the United States” (Washington, DC: White House, January 1, 1993), <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf>.

² Anthony Zinni and Gary Ohls, “No Premium on Killing,” *Naval Institute Proceedings* 122, no. 12 (December 1996), <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1996/december/no-premium-killing>.

³ Department of Defense (DOD) Directive 3000.03E, “DOD Executive Agent for Non-Lethal Weapons (NLW) and NLW Policy” (Washington, DC: DOD, Incorporating Change 2, August 31, 2018), <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/300003p.pdf?ver=2018-10-24-112944-467>.

применения силы между присутствием и летальным воздействием в ситуациях, когда нужно свести к минимуму риск для непричастных гражданских лиц и окружающей среды.

В 1999 г. в НАТО вышла директива о нелетальном оружии, утверждённая Советом НАТО, в который входят главы государств и правительств всех стран-участниц НАТО.⁴ Директива НАТО о НЛВО содержит много общих моментов с американской директивой. Но несмотря на директивы и одобрение на высшем уровне, даже через без малого 30 лет НЛВО минимально поступили в вооружённые силы США и других стран-участниц НАТО. Однако в эти 30 лет быстро продвигались исследования широкого спектра связанных с НЛВО технологий с обнадеживающими результатами. Стало возможным воздействие без разрушения на большом расстоянии, в течение длительного времени, с различных платформ. Примечательно, что разработка технологий сопровождается исследованиями воздействия на людей, что служит основой для оценки риска серьёзных травм, обеспечивая уверенность при их использовании военными. Если использовать весь потенциал, то новое поколение нелетального оружия, которое лучше охарактеризовать как промежуточные силовые возможности (IFC), может предложить командирам и начальникам целый ряд возможностей, когда применение летальной силы не нужно или нежелательно. IFC – это новая концепция, которая охватывает всё нелетальное оружие, но может включать и другие средства, не предназначенные для причинения смерти.

Сегодняшний бинарный выбор: или летальная сила, или неприменение силы

В Стратегии национальной обороны США 2022 г. признаются проблемы, возникшие в результате драматических геополитических, технологических, экономических и экологических изменений. Она предписывает МО США принять срочные меры для поддержания и укрепления сдерживания, причём приоритетами обороны являются Китайская Народная Республика, как главный вызов в Индо-Тихоокеанском регионе, и Россия – в Европе.⁵ Бинарная система «мир/война», с которой исторически связана стратегия национальной безопасности США, меняется. Стратегия признаёт, что традиционные военные средства – не всегда самый подходящий ответ на методы противоборства в серой зоне: силовые подходы, которые могут не достигать порога, требующего военной реакции США.⁶ Хотя очевидная способность убить врага абсолютно необходима как средство сдерживания и победы в

⁴ “NATO Policy on Non-Lethal Weapons” (Brussels, BE: North Atlantic Treaty Organization, October 13, 1999, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27417.htm).

⁵ *2022 National Defense Strategy of the United States of America* (Washington, DC: U.S. Department of Defense, 2022), <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>.

⁶ *2022 National Defense Strategy of the United States of America*, 12.

вооруженном конфликте, она не смогла сдерживать ни китайскую агрессию в Индо-Тихоокеанском регионе, ни российскую агрессию в Украине. В то время как наши противники продолжают силовые акты агрессии, военные по-прежнему обучены и оснащены для бинарного ответа, в первую очередь – с применением летальной силы или без применения силы вообще. Промежуточные силовые возможности могут обеспечить активные или оборонительные средства, которые военные смогут использовать по мере необходимости, когда присутствия недостаточно, а применение летальной силы нежелательно или чревато ненужной эскалацией.

Сдерживание агрессии на море

Документально подтверждено, что Китай претендует на спорные острова в Южно-Китайском море и строит там оборонные сооружения, превращая затопленные рифы в искусственные острова и вообще пытается доминировать в регионе. Согласно докладу Центра стратегических и бюджетных оценок, китайское правительство использует гражданские рыболовецкие суда, корабли береговой охраны и морскую полицию для защиты строений на островах. В докладе отмечается, что поскольку эти корабли не вооружены, ВМС США не могут ответить военной силой без существенной эскалации конфликта.⁷

Интересы США в этом спорном регионе включают свободу судоходства для себя, своих союзников и партнёров. Гражданский рыболовецкий флот Китая становится третьим элементом его морских сил.⁸ Имели место многочисленные инциденты, когда китайские гражданские суда, действуя в интересах правительства, приближались к судам США или их союзников и вели себя провокационно. Эти действия практически не встречают отпора, строительство островов продолжается, а самые мощные вооружённые силы в мире, оснащённые смертоносным оружием, наблюдают за происходящим без должной реакции. Действия Китая в серой зоне аналогичны действиям России во время незаконной аннексии Крыма в 2014, когда «зеленые человечки» (хорошо вооружённые военные без знаков различия) использовались для достижения военной цели по взятию региона под контроль без явного военного присутствия России.

В статье под названием «Грядёт морская гибридная война» Джеймс Ставридис описал гипотетический сценарий будущего, в котором загадочные скоростные катера с «маленькими голубыми моряками» на борту атакуют

⁷ Bryan Clark, Mark Gunzinger, and Jesse Sloman, *Winning in the Gray Zone: Using Electromagnetic Warfare to Regain Escalation Dominance* (Washington, DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, October 5, 2017), <https://csbaonline.org/research/publications/winning-in-the-gray-zone-using-electromagnetic-warfare-to-regain-escalation>.

⁸ Todd Crowell and Andrew Salmon, "Chinese Fishermen Wage Hybrid 'People's War' on Asian Seas," *Asia Times* (Hong Kong), September 8, 2018, www.asiatimes.com/2018/09/article/chinese-fisherman-wage-hybrid-peoples-war-across-asias-seas/.

десятки вьетнамских рыболовных судов, давая Китаю повод обеспечить защиту в регионе и утвердить свой суверенитет над Южно-Китайским морем.⁹ Смысл статьи заключался в том, чтобы показать необходимость для США проанализировать и до конца понять, как такие подходы к гибридной войне работают на море, подчеркнуть важность разработки тактических и технических средств противодействия, а также научиться и вместе с партнёрами США испытать противодействие этой угрозе.

Промежуточные силовые возможности – потенциальный технический ответ на морской сценарий, описанный адмиралом Ставридисом. Громкоговорители с устройствами перевода могут давать чёткие устные предупреждения; безопасные для глаз ослепляющие лазеры могли бы визуально предупреждать и ослеплять персонал, антенны и оптику приближающихся судов или беспилотных летательных аппаратов; нелетальные боеприпасы с сигнальной светозумовой гранатой можно подрывать перед или над судном, вместо смертельного выстрела через нос корабля. Мощное радиочастотное энергетическое оружие нового поколения способно нарушить электронное управление и отключить двигатели судна, не причиняя вреда пассажирам, а система активного сдерживания направленной энергии миллиметрового диапазона может физически, при этом не летально, отбросить экипаж приближающихся судов. Хотя многие из этих IFC прошли первоначальную интеграцию, испытания и/или использовались в морских учениях, они не приняты на вооружение и не обеспечены ресурсами МО на том уровне, на котором их можно было бы считать основными.

Китай и его марионетки применяют эту гибридную тактику практически безнаказанно. Применение IFC позволило бы военным дать взвешенный отпор провокационным действиям, лишив соперников США возможности беспрепятственно проводить операции в серой зоне или пропагандистских побед. Невозможность для Китая использовать марионеточное «морское ополчение» либо умерит его уловки, направленные на вытеснение ВМС США и партнёров, либо вынудит Китай быть более откровенным в использовании военных средств. Последнее приведёт к увеличению издержек, времени и усилий Китая, что сократит доступные ресурсы для капиталовложений в достижение паритета в летальных средствах со США.

Защита гражданского населения на суше

Вторжение России в Украину и неизбирательное применение ею силы против мирного населения объединило большинство стран мира против российской агрессии и укрепило альянс НАТО. Стратегические директивы США и НАТО подчеркивают важность защиты гражданского населения во время

⁹ James Stavridis, "Maritime Hybrid Warfare Is Coming," *Naval Institute Proceedings* 142, no. 12 (December 2016), <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2016/december/maritime-hybrid-warfare-coming>.

конфликта. В Политике НАТО по защите населения 2016 г. указано, что необходимо принимать все возможные меры, чтобы избежать, свести к минимуму и уменьшить ущерб гражданскому населению.¹⁰ В 2022 г. МО опубликовало план действий по уменьшению ущерба для гражданских лиц в ходе операций.¹¹

Промежуточные силовые возможности могут дополнять летальные системы в ходе сложных операций в городских условиях, где, согласно многочисленным исследованиям, будет происходить большинство будущих войн, и где не избежать контакта с гражданскими.¹² Насколько готовы войска США и НАТО продвигаться к цели в городских условиях, когда им могут, намеренно или случайно, мешать пешеходы и/или гражданский транспорт? В мирное время страна пребывания может предоставить местное сопровождение конвою или манёвренной группе, но как быть в этой ситуации США и/или НАТО во время вооружённого конфликта, на вражеской территории? Для расчистки дорог бронетехнику, включая танки и БТР, можно оснастить комплектом IFC для общего боевого модуля с дистанционным управлением (Common Remote Operator Weapon Station, CROWS). CROWS широко используют на бронетехнике совместно с летальными системами, такими, как автоматический гранатомёт МК19 или пулемёт М2 калибра .50. Комплект IFC дополнял бы летальные средства, дав пехотным и танковым подразделениям возможность быстрой эскалации применения силы из-под брони. Например, громкоговоритель с устройством перевода, прожектор и безопасный для глаз ослепляющий лазер, интегрированный в CROWS, обеспечили бы предупреждение и визуальное подавление при движении конвоя по городским улицам. Будущие IFC могут включать устройства направленной энергии миллиметрового диапазона для разгона людей и микроволнового диапазона большой мощности для остановки транспортных средств.

Сценарии, при которых невооружённые гражданские с детьми останавливают конвой, бросая камни, с трансляцией с места событий в соцсетях по мобильному телефону, представляют настоящую дилемму для военных. Командир конвоя может выиграть стычку при помощи летальной силы, но быстро проиграть войну в информационном пространстве. Промежуточные силовые возможности дают вооружённым силам возможность пропорционального отпора гражданским лицам, которые могут помешать движению

¹⁰ "NATO Policy for the Protection of Civilians," endorsed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw, July 8-9, 2016 (Brussels, BE: North Atlantic Treaty Organization, July 9, 2016, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133945.htm).

¹¹ U.S. Department of Defense (DoD), *Civilian Harm Mitigation and Response Action Plan (CHMR-AP)* (Washington, DC: DoD, August 2022), <https://media.defense.gov/2022/aug/25/2003064740/-1/-1/1/civilian-harm-mitigation-and-response-action-plan.pdf>.

¹² Joe Lacdan, "Warfare in Megacities: A New Frontier in Military Operations," *Army News Service*, May 28, 2018, https://www.army.mil/article/205817/warfare_in_mega_cities_a_new_frontier_in_military_operations.

конвоя. В городских условиях применение IFC поможет выполнить задачу и одолеть противника, который не считается с гражданскими жертвами или сопутствующим ущербом и пытается использовать соцсети, чтобы настроить американское и мировое общественное мнение против сил США и/или НАТО.

Вечная потребность: Операции по обеспечению стабильности и безопасности

В своей книге «Точки решения» президент Джордж Буш сетует на «один важный непредвиденный момент, к которому мы не были по-настоящему готовы» – погружение Багдада в хаос, с разграблением драгоценностей из национальных музеев Ирака. Президент Буш отметил, что «ущерб, нанесенный в те первые дни, создал проблемы, которые сохранятся на годы. Иракцы искали, кто их защитит. Не обеспечив безопасность Багдада, мы упустили свой первый шанс показать, что мы можем это сделать».¹³

Описанные президентом Бушем грабежи иллюстрируют трудности, с которым сталкиваются военные, оснащённые почти исключительно летальным оружием. Хотя применение летальной силы против мародеров могло быть юридически допустимо, убийство американскими солдатами иракских мирных жителей, которых они только что освободили от жестокого диктатора, было губительно для миссии. В то же время военные, обученные и оснащенные IFC, могли бы сдерживать грабителей, показав принимающей стране и всему миру готовность США обеспечить безопасность гражданского населения при минимуме жертв.

Проблемы в Ираке тянулись годами. В 2006 г. командующий многонациональным корпусом в Ираке американский генерал-лейтенант Питер Кьярелли считал, что мятежу и насилию способствовали ошибки подразделений США, особенно в инцидентах с эскалации силы, когда предполагаемая угроза войскам коалиции вела к гибели или ранению мирных жителей. Соответствующее исследование показало, что 81 % инцидентов с эскалацией силы произошел во время передвижения коалиционных сил в условиях, которые оставляли солдатам и морской пехоте мало времени—часто всего несколько секунд—для принятия решений о жизни и смерти: несут ли приближающиеся иракцы угрозу.¹⁴

Много инцидентов с эскалацией силы было на контрольно-пропускных пунктах, где войска США в основном имели сигнальные ракеты, регулировочные жезлы и летальное оружие. Результаты оценки военной эффектив-

¹³ George W. Bush, *Decision Points* (New York, NY: Crown Publishing Group, 2010).

¹⁴ Joel Rayburn and Frank Sobchak, eds., *The U.S. Army in the Iraq War: Invasion, Insurgency, Civil War 2003–2006*, Volume 1 (Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, January 2019), 548, <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1066345.pdf>.

ности, проведенной в 2012 г. СВ США в Форт-Беннинге, штат Джорджия, показали, что наличие IFC могло смягчить эскалацию на КПП. Оценка показала полезность IFC на контрольно-пропускном пункте при остановке автомобилей, соответствующих заданным критериям розыска.¹⁵ Сценарий не предусматривал создания автомобильного контрольно-пропускного пункта, как обычно при въезде на базы, а только временного, который быстро устанавливает манёвренное подразделение пехоты, а не силы безопасности, без уведомления местных жителей. Во время оценки у солдат были подручные средства предупреждения приближающихся транспортных средств, но не было IFC. Позже был использован расширенный комплект средств IFC. Было отработано несколько сценариев, при которых цель приближающихся транспортных средств неясна. Используя IFC, транспортные средства обнаруживали, окликали, предупреждали и останавливали примерно за 70 метров. Вероятность остановки транспортных средств до применения летальной силы была на 80 % выше, а вероятность ранения гражданских лиц снизилась на 77 %.

IFC при этих сценариях включали громкоговорители, зеленые ослепляющие лазеры, 40 мм светодымовые гранаты 12-го калибра, а также устройство для задержания легких транспортных средств. Базовый набор состоял из сигнальных ракет, дорожных знаков и летального оружия. Наличие этих относительно недорогих IFC при многоуровневой защите помогало солдатам оценить угрозу от приближающихся автомобилей, общаться с транспортными средствами и подавать им сигналы, деэскалировать потенциально опасное для жизни развитие событий и снизить жертвы среди гражданских. Оценка дала количественное описание ценности IFC на вооружении объединенных сил, а не только правоохранительных органов или сил безопасности.

Невыученные уроки?

Вот главные вопросы к военным: Выучены ли уроки Ирака и Афганистана после конфликтов? Улучшится ли ситуация с безопасностью после конфликтов в будущем? Показательным является тематическое исследование Института операций по поддержанию мира и стабильности СВ США ситуации после гипотетической войны с Северной Кореей с использованием обычных вооружений, в которой победили Южная Корея и США.¹⁶ Оценивались по-

¹⁵ *Entry Control Check Point Military Utility Assessment Report* (Quantico, VA: Joint Intermediate Force Capabilities Office, 2012).

¹⁶ Tamara K. Fitzgerald, *After the Fall of North Korea: A Post-Conflict Stability Operations Exercise*, Case Study 0617-03 (Carlisle Barracks, PA: U.S. Army Peacekeeping and Stability Operations Institute, n.d.), <https://pksoi.armywarcollege.edu/index.php/after-the-fall-of-north-korea-a-post-conflict-stability-operations-exercise/>.

следствия динамичных боевых действий для больших, голодных и напуганных масс страдающих людей. Проблемы иллюстрируют следующие вопросы исследования:

- Как удовлетворить насущные потребности безопасности людей, если на свободе находятся сотни не сдавшихся беглых северокорейских солдат и полицейских, а население в лучшем случае глубоко подозрительно к иностранцам, а в худшем – крайне боится их?
- Как охранять лагеря беженцев? Какой будет реакция, если отчаявшиеся северокорейцы пойдут на преступления (например, нападут на конвои Всемирной продовольственной программы)?
- Как строить стратегическую коммуникацию с напуганным населением, чтобы убедить его в том, что его насущные нужды будут удовлетворены, и не нужно бояться иностранных представителей и военных?

При этом сценарии силам, обученным и оснащенным только летальным оружием, будет сложно поддерживать безопасность и минимизировать гражданские жертвы. IFC, установленные на обычные платформы вместе с летальными системами, позволят вооруженным силам обеспечить безопасность в логистических центрах снабжения, при защите конвоев, лагерей беженцев и критической инфраструктуры. Информацию о типах используемых IFC легко довести до гражданского населения посредством информационных операций и кампаний по связям с общественностью, демонстрируя решимость обеспечить безопасность, защищая гражданское население – подход, который генерал Дзинни использовал в Сомали.

Хотя исследование Северной Кореи носит теоретический характер, события, развернувшиеся в августе 2021 г. при выводе американских войск из Афганистана, выявили проблемы, с которыми сталкиваются вооруженные силы, имеющие дело с отчаявшимся населением. Возник хаос, когда тысячи мирных жителей ринулись в международный аэропорт им. Хамида Карзая. Периметр аэродрома был прорван: сотни людей бросились к самолетам, находящимся на стоянке. Сцены с гражданскими людьми, цепляющимися за самолет C-17, выруливающий на взлетную полосу, указывают на отсутствие безопасности. Американские военные и мирные афганские граждане погибли и получили ранения, когда толпа заполнила вход Abbey в аэропорт, а террорист-смертник взорвал свой смертельный груз.

К событиям, развернувшимся в аэропорту, привело множество факторов. Хотя нелетальное оружие само по себе, без сомнения, не исправило бы ситуацию полностью, наличие нелетального оружия большой дальности на платформах и обучение военнослужащих его применению могло бы улучшить охрану аэродрома и самолётов. Немногочисленные устаревшие нелетальные виды оружия, которые были в наличии и применялись в попытках

успокоить толпу, как то слезоточивый газ и светошумовые гранаты, были недостаточны или даже вредны из-за малой эффективной дальности и характера их нелетального действия.¹⁷

По мере того, как трагический вывод войск из Афганистана забывается, в Стратегии национальной обороны отмечено, что изменение климата и другие трансграничные проблемы могут поставить под угрозу управляемость ряда стран, одновременно усиливая напряженность между другими, создавая риск новых вооруженных конфликтов и повышая требования к мерам стабилизации.¹⁸ В Стратегической концепции НАТО 2022 г. тоже говорится, что изменение климата окажет глубокое влияние на безопасность стран НАТО, как фактор, умножающий кризисы и угрозы, усугубляя конфликты, нестабильность и геополитическое соперничество.¹⁹ Правоммерно спросить, усвоены ли уроки операций по обеспечению стабильности в Ираке и Афганистане. Важным шагом вперед стало создание Центра передового опыта полицейского патрулирования для поддержания порядка (SPCoE) НАТО в 2015 г. Полицейское патрулирование для поддержания порядка – это действия, которые могут предпринимать военные (не только военная полиция) для обеспечения безопасности. Одним из главных выводов недавнего форума SPCoE о роли полицейского патрулирования для поддержания порядка в условиях гибридных угроз стал вывод о применимости промежуточных силовых возможностей для избежания/минимизации сопутствующего ущерба.²⁰ Для уменьшения долгосрочных человеческих и финансовых затрат на масштабные операции по стабилизации и реагированию на кризисы требуется должное внимание США и стран-членов НАТО к обучению и оснащению вооруженных сил соответствующим комплексом IFC для быстрого обеспечения безопасности и защиты гражданского населения.

Использование промежуточных средств в дополнение к летальным

МО пользуется плодами официальной программы НЛВО уже более 25 лет. За это время многое сделано, включая развертывание НЛВО, в первую очередь, для обеспечения военной безопасности и правоохранительной дея-

¹⁷ “Hell at Abbey Gate: Chaos, Confusion and Death in the Final Days of the War in Afghanistan,” *ProPublica and Alive in Afghanistan*, April 2, 2022, www.propublica.org/article/hell-at-abbey-gate-chaos-confusion-and-death-in-the-final-days-of-the-war-in-afghanistan.

¹⁸ *2022 National Defense Strategy of the United States of America*, 6.

¹⁹ “NATO 2022 Strategic Concept,” adopted by the Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid, June 29, 2022, 6, www.nato.int/strategic-concept/.

²⁰ NATO Stability Policing Centre of Excellence, *Doctrine Forum II Fact Sheet*, September 19-22, 2022, <https://www.linkedin.com/company/nato-spcoe/posts/?feedView=all>.

тельности. Активные исследования новых технологий дали многообещающие результаты. Эти технологии сейчас выходят на тот этап, когда они и основанные на них системы и подсистемы могут быть интегрированы на широкий спектр военных платформ для выполнения задач на суше, на море и в воздухе. Масштаб этих возможностей выходит далеко за рамки устаревших правоохранительных задач, и лучше называть их «промежуточными силовыми возможностями».

В последние 20 лет члены НАТО официально проводили исследования систем и анализ НЛВО (IFC) для оценки показателей эффективности, включенности в концепции и возможностей для будущих операций. НАТО также провела демонстрации технологий НЛВО (IFC), морские и сухопутные учения. Морские учения показали, что применение НЛВО в ситуациях с эскалацией силы во время визитов, высадки на борт, обыска и захвата повышает оперативную эффективность высадочных групп по предупреждению экипажа судна, перемещению людей, закрытию доступа в район и нейтрализации. Наземные учения показали, что применение НЛВО в ситуациях с эскалацией силы при борьбе с партизанами повышает оперативную эффективность сил НАТО по предупреждению потенциальных угроз, их оценке, перемещению людей, закрытию доступа в район и нейтрализации.

Несмотря на очевидные оперативные преимущества, ни в США, ни в других странах-членах НАТО подготовка и обеспечение промежуточных силовых возможностей не стали приоритетом. Выгоды IFC для сдерживания и деэскалации в промежутке между криками и стрельбой и увеличение времени/пространства для принятия решений в значительной степени отсутствуют в концепциях и доктринах США и НАТО. Необходима дальнейшая работа по разработке концепции, моделированию для оценки роли IFC в решении задач, а также регулярное включение IFC в военные игры с агрессией противника ниже уровня вооружённого конфликта и военными операциями в присутствии гражданского населения. Необходимо обновить лексикон, устраняющий когнитивную предвзятость в отношении нелетального оружия как инструмента исключительно правоохранительных органов, а также доктринальные публикации для полной интеграции использования промежуточных средств, как дополнения к летальной силе. Таким образом, можно было бы наконец включить IFC в оперативное планирование, учения и списки задач миссий, а также в обучение и профессиональное военное образование.

Заключение

Вооружённые силы, обученные и оснащенные промежуточными силовыми средствами, будут лучше соперничать, бороться и побеждать во всем спектре операций. Суммарная летальная мощь США и НАТО служит сильным и необходимым сдерживающим фактором для противников. Однако действия Китая в Южно-Китайском море и нападение России на Украину показывают, что одних лишь летальных средств недостаточно для сдерживания

агрессии. Кроме того, опыт операций в Ираке и Афганистане показал, что одних лишь летальных средств недостаточно для создания безопасных условий для гражданского населения.

Промежуточные силовые возможности, как дополнение к летальному оружию, дают возможность оценки потенциальных угроз, деэскалации ситуации и увеличения времени и пространства для принятия решений о применении летальной силы. Технологии существенно продвинулись по сравнению с традиционной дробью, резиновыми пулями и слезоточивым газом прошлого века, позволив создать новое поколение средств, способных расширить область противостояния и противодействовать стратегиям противников по использованию уязвимостей, которые нельзя просто устранить с помощью одной лишь летальной силы. Для использования этих возможностей – от пехотного отделения до оперативного командующего – необходимо пристальное внимание гражданского и военного руководства США и НАТО. При наличии соответствующих инструментов и подготовки наши вооруженные силы будут непобедимы во всем спектре операций.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Сьюзен Левин – первый заместитель директора Объединённого бюро промежуточных возможностей (JIFCO) по интеграции и охвату, где она является старшим консультантом JIFCO по вопросам политики, стратегии и использования нелетального оружия в качестве промежуточных силовых средств объединёнными вооружёнными силами, союзниками и партнёрами. Г-жа Левин – ветеран JIFCO, она пришла из отделения Центра надводных боевых действий военно-морских сил в Далгрене в 1996 г. для помощи в повседневной деятельности командующего морской пехоты, как недавно назначенного Министерством обороны исполнителя программы нелетального оружия. С тех пор она принимала участие практически во всех аспектах программы нелетального оружия МО, включая разработку технологий, разработку политики, разработку дорожных карт программы, координацию с Конгрессом и работу в качестве председателя Совместной группы НАТО по возможностям нелетального оружия. Г-жа Левин закончила Университет Южной Каролины, получив степени бакалавра и магистра по физике, а также была научным сотрудником семинара XXI класса Массачусетского технологического института в 2015 г.

Разработка концепции промежуточных силовых возможностей НАТО

Джон Нельсон

*Председатель целевой научно-исследовательской группы НАТО SAS-151,
<https://www.sto.nato.int>*

Аннотация: У НАТО – военная проблема: противники преднамеренно совершают акты агрессии против Альянса ниже порога применения летальной силы или необходимости болезненной летальной реакции НАТО – нежелательной эскалации, риска сопутствующего ущерба с гражданскими жертвами, опасных заявлений и иных негативных стратегических или политических последствий. Промежуточные силовые возможности (Intermediate Force Capabilities, IFC) – активные средства (нелетальное оружие, особенно нелетальная направленная энергия, кибернетика, радиоэлектронная борьба, информационные операции и другие средства) выше простого присутствия, но ниже летального порога – помогают решить эту проблему. SAS-151 и Командование трансформации ОВС НАТО разработали и провели военные игры и семинары по разработке концепции IFC, показавшие как IFC повышают способность НАТО сдерживать, противостоять и нанести поражение противнику благодаря: *усиленному воздействию*: при применении и включении в тактику, методику и процедуры IFC могут обеспечить летальное воздействие путём изоляции, остановки или перемещения целей на удобные позиции, а обратимые (и во многих случаях незаметные) проявления обеспечивают заблаговременное применение, включая потенциально автономное/при помощи искусственного интеллекта использование IFC, когда летальные средства требуют оператора в контуре управления; *темпу/инициативе*: место и время боя будет определять не противник; IFC помогут НАТО захватить/удержать инициативу, подавляя, замедляя и вынуждая врага действовать (или не действовать) в ответ; *активным средствам в конкурентном кон-*

тинууме: НАТО должна разработать, получить и эффективно применять IFC в континууме для победы в бою, создания издержек для противника и информационного выигрыша.

Ключевые слова: Промежуточные силовые возможности, нелетальное оружие, нелетальная направленная энергия, кибернетика, радио-электронная борьба, информационные операции, разработка и проверка концепции.

Вступление

Что определяет необходимость концепции IFC?

Враг знает летальные средства НАТО и порог их применения, и пользуется этим. Он избегает прямых симметричных столкновений, маневрируя ниже летального порога, преследуя свои цели открыто, но беспрепятственно. Он также может действовать опосредованно, через своих марионеток или прокси, вмешиваясь и вступая в бой только там и тогда, когда он сочтёт нужным. Он часто усложняет боевые действия, преднамеренно выбирая позиции в уязвимых местах (вблизи критической инфраструктуры, больниц, исторических или культурных памятников и т.д.) или возле гражданских объектов, чтобы не дать НАТО возможности нанести оправданный летальный удар.

Нынешние гибридные и окологороговые угрозы^{1,2,3} являются продолжением примеров использования противником неприемлемых средств, методов или намерений при сдерживании/противостоянии, что ведёт к нежелательным результатам, как то:

- *Последствия разрушения мостов*⁴: Незадолго до Дейтонских мирных соглашений, в августе-сентябре 1995 г., была проведена операция *Deliberate Force* – авиационная кампания НАТО против армии боснийских сербов. Удары наносились точно по мостам, во избежание жертв и сопутствующего ущерба. Тем не менее это существенно повлияло на перемещения (манёвры) в ходе дальнейших миротворческих операций

¹ Bryan Clark, Mark Gunzinger, and Jesse Sloman, “Winning in the Gray Zone: Using Electromagnetic Warfare to Regain Escalation Dominance” (Center for Strategic and Budgetary Assessment, 2017), [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_\(EMS2_Report\)Final2-web.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6305_(EMS2_Report)Final2-web.pdf).

² NATO SAS, “Addressing Obstacles to the Acquisition, Deployment, and Employment of Non-Lethal Weapons – Using Intermediate Force to Bridge the Gap between Presence and Lethal Force,” Technical Report STO-TR-SAS-133 (Paris: NATO Science and Technology Organization, August 2020).

³ Andrew Mumford, “Ambiguity in Hybrid Warfare,” Hybrid CoE Strategic Analysis Paper # 24 (Helsinki, Finland: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, September 2020), https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf.

⁴ “Bosnia, 1995 – Operation Deliberate Force: The Value of Highly Capable Proxy Forces” (Washington, D.C.: Brookings Institute, 2017).

НАТО и потребовало больших расходов на восстановление в Боснии и всём регионе.

- *Бездействие и потери в собственных силах*⁵: Показательный пример – Мазари-Шариф 1 апреля 2011 г. Неожиданный прорыв толпы к комплексу ООН в обычно мирном районе был встречен без применения силы. Местных охранников разоружили (четверых убили), а несколько чиновников ООН (включая подполковника Сири Шаре, первую женщину-пилота в Норвегии) были захвачены и убиты.
- *Неспособность к сдерживанию*^{6,7}: При аннексии Крыма Россией и вторжении в Восточную Украину сочетались явные и тайные средства: перемещение войск под видом внезапных учений, отвлекающие силовые манёвры, использование «зеленых человечков», применение гражданских лиц для препятствования действиям Украины и т.д. — в сочетании с информационной кампанией, нацеленной на внутреннюю, региональную и международную аудиторию. Существующие подходы к сдерживанию оказались недостаточными даже там, где имели место неоднократные провокации, например, годы сомалийского пиратства, неоднократные набеги быстроходных катеров на суда в Ормузском проливе, срыв операций с помощью пилотируемых/беспилотных летательных аппаратов, имитация ракетных ударов в Прибалтике, Южно-Китайском море и других местах.

Гибридные и околороговые угрозы

НАТО и её члены сталкиваются с растущими проблемами с противниками, совершающими акты агрессии, преднамеренно остающиеся ниже уровня, требующего летального ответа. Пользуясь этим, враг ставит дилемму: «Чрезмерная реакция выглядит преждевременной и непропорциональной, если не установлена чёткая ответственность за нападение, но отсутствие ответа ставит государство перед угрозой смерти от тысячи порезов».

Китай добился территориальной экспансии в Южно-Китайском море, используя стратегию информационной войны, которая формирует принятие решений руководством противника, в том числе через гражданское население, убеждая его не воевать.

⁵ “UN Remembers Personnel Killed in 2011 Mob Attack in Mazar-e-Sharif,” *reliefweb*, April 1, 2013 (originally published by UN Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA), Apr 2013), <https://reliefweb.int/report/afghanistan/un-remembers-personnel-killed-2011-mob-attack-mazar-e-sharif>.

⁶ Michael Kofman et al., “Lessons from Russia’s Operations in Crimea and Eastern Ukraine,” Research Report (RAND Corporation, 2017), <https://doi.org/10.7249/RR1498>.

⁷ ACO, *Protection of Civilians*, Handbook (NATO, Allied Command Operations, May 2020), <https://shape.nato.int/documentation/protection-of-civilians-aco-handbook->

«Война России нового поколения» предполагает создание и использование пророссийских движений:

- провоцирование протестов и проведение кибератак с целью давления на страны Балтии;
- использование гражданских лиц для блокирования выхода с украинских военных объектов (тем самым лишая возможности передвижения/ манёвра и пытаясь спровоцировать применение силы для удаления этих лиц);
- предоставление другим игрокам возможностей и технической помощи для применения беспилотной авиации (БПЛА) и ракет «земля-воздух» по военным и гражданским целям;
- вторжение (Грузия) или аннексия территории (Крым).

Признание в НАТО этих угроз и проблем

НАТО оказалась в опасных, непредсказуемых и нестабильных условиях безопасности, с экзистенциальными вызовами и угрозами со всех стратегических направлений, включая государственные и негосударственные субъекты; почти равные вооруженные силы; киберугрозы; космос; терроризм; гибридную войну; информационные операции.⁸

Многие из этих угроз и вызовов описаны в *Science & Technology Trends 2020-2040*⁹ и в совместной Доктрине НАТО (*Allied Joint Doctrine, AJP-01*)¹⁰:

- Сложности при обнаружении, сдерживании и противодействии непрямым действиям
- Усиление связи между событиями за рубежом и в собственной стране
- Смешение стратегического, оперативного и тактического уровней
- Взаимосвязь воздушной, наземной, морской, кибер, космической и информационной обстановки
- Распространение и новое применение доступных технологий (автоматизированные/автономные системы, информационная война).

⁸ NATO STO, *Science & Technology Trends 2020-2040*.

⁹ NATO STO, *Science & Technology Trends 2020-2040: Exploring the S&T Edge* (Brussels, Belgium: NATO Science & Technology Organization, 2020), https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/4/pdf/190422-ST_Tech_Trends_Report_2020-2040.pdf.

¹⁰ NATO, "Framework for Future Alliance Operations," signed by General Curtis M. Scaparrotti, Supreme Allied Commander Europe, and by General Denis Mercier, Supreme Allied Commander Transformation (NATO, 2018).

Противники преднамеренно создают и используют такие ситуации, как «обстрелы гражданского населения, объектов и критической инфраструктуры».¹¹

- Действуя не только открыто, но и через марионеток или прокси не только для достижения своих целей, но и для отрицания своего участия
- Допороговые действия (гибридная война, юридическая война, кибернетические, информационные операции и т.д.) обычно асимметричны по уровню интереса, методам и средствам, а вопросы эскалации/ деэскалации создают трудности и дилеммы для Альянса:
 - ✓ Ведя к просчётам, которые оборачиваются нежелательной эскалацией и даже вооружённым конфликтом
 - ✓ Усложняя захват и удержание инициативы
 - ✓ Давая преимущество противнику: российская и китайская теории победы нацелены на достижение решающего преимущества на ранних этапах конфликта (в начальный период войны). Использование киберпространства, электромагнитного спектра и информационных технологий в недавних конфликтах показало, что начальной точкой конфликта являются допороговые действия.¹²
- Размещение в уязвимых местах или возле гражданских объектов, чтобы не дать НАТО возможности нанести оправданный летальный удар или ущерб – возможные просчёты, нежелательная эскалация, создание предлога для других враждебных действий, риски сопутствующего ущерба и гражданских жертв, меняющие ситуацию, или другие нежелательные последствия для Альянса.

Саммит НАТО 2021 г.¹³ привлек и направил внимание глав государств и правительств:

Мы сталкиваемся с многогранными угрозами, системной конкуренцией со стороны агрессивных авторитарных держав, а также с растущими вызовами безопасности для наших стран и наших граждан со всех стратегических направлений. Агрессивные действия России представляют угрозу евроатлантической безопасности; терроризм во всех его формах и проявлениях остается постоянной угрозой для всех нас. Государственные и негосударственные субъекты бросают вызов основанному на правилах международному порядку и стремятся подорвать демократию во всем мире. Нестабильность за пределами наших границ также способствует

¹¹ NATO, "Framework for Future Alliance Operations."

¹² North Atlantic Treaty Organization (NATO), "Allied Joint Doctrine," AJP-01(F) (NATO Standardization Office (NSO), July 8, 2020).

¹³ NATO, "Brussels Summit Communiqué," issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels, June 14, 2021, https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm.

нелегальной миграции и торговле людьми. Растущее влияние и международная политика Китая могут создать проблемы, которые нам как Альянсу необходимо решать вместе. Мы будем взаимодействовать с Китаем при защите интересов безопасности Альянса. Мы все чаще сталкиваемся с кибернетическими, гибридными и другими асимметричными угрозами, включая кампании дезинформации, а также со злонамеренным использованием все более сложных новых и разрушительных технологий.

В коммюнике Брюссельского саммита также подчеркнута необходимость реагировать на гибридные угрозы со стороны государственных и негосударственных субъектов:

Помимо военной деятельности, Россия также активизировала гибридные действия против союзников и партнёров НАТО, в том числе через своих марионеток, что включает попытки вмешательства в выборы и демократические процессы союзников; политическое и экономическое давление и запугивание; широкомасштабные кампании дезинформации; вредоносную кибердеятельность; попустительство киберпреступникам, действующим с её территории, включая тех, кто атакует и разрушает критическую инфраструктуру стран НАТО. Сюда же входят незаконные подрывные действия российских разведслужб на территории союзников, некоторые из которых унесли жизни граждан и причинили значительный материальный ущерб.

Наши страны продолжают сталкиваться с угрозами и вызовами со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов, которые используют гибридную деятельность для атаки на наши политические институты, наше общественное мнение и безопасность наших граждан. Хотя основная ответственность за реагирование на гибридные угрозы лежит на подвергшейся атаке стране, НАТО готова, по решению Совета, оказать помощь союзнику на любом этапе гибридной кампании, проводимой против него, в том числе путем развертывания Группы контргибридной поддержки. В случае гибридной войны Совет мог бы принять решение применить статью 5 Вашингтонского договора, как в случае вооруженного нападения.¹⁴

Кроме того, на саммите главы государств и правительств договорились:

- «Укреплять нашу стойкость. Отмечая, что стойкость остается обязанностью отдельных стран, мы применим более целостный и скоординированный подход, соответствующий нашим коллективным обязанностям согласно статье 3 Североатлантического договора, чтобы снизить уязвимость и гарантировать, что наши вооруженные силы смогут эффективно действовать в условиях мира, кризиса и конфликта».

¹⁴ NATO, "Brussels Summit Communiqué," issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels, June 14, 2021, https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm.

- «Повысить способность НАТО содействовать сохранению и формированию основанного на правилах международного порядка в областях, важных для совместной безопасности».

Суть концепции промежуточных силовых возможностей

IFC – активные средства (нелетальная направленная энергия, кибернетика, радиоэлектронная борьба, информационные операции и иные подобные возможности), дающие результат, больший, чем присутствие, но ниже порога летальной силы – позволяют противодействовать этим угрозам и вызовам, а также решить обозначенную военную проблему:

Военная проблема: Противники намеренно совершают акты агрессии, остающиеся ниже порога применения летальной силы или гарантирующие, что летальный ответ НАТО повлечет издержки — нежелательную эскалацию, риски сопутствующего ущерба с жертвами среди гражданского населения, потерю репутации и другие неблагоприятные стратегические или политические результаты — для Альянса.

Летальная сила и применимость IFC

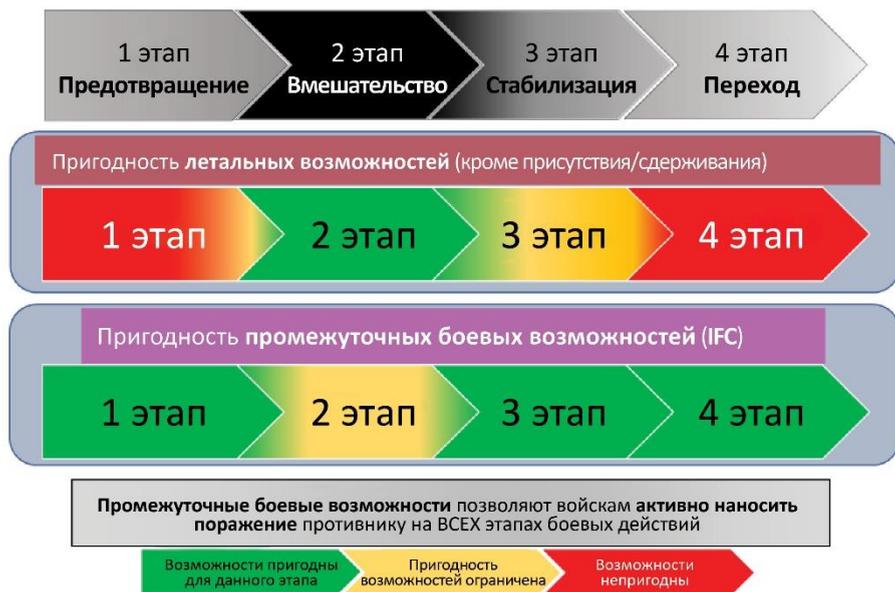

Рис. 1: Сравнение применения летальных и промежуточных силовых возможностей.

IFC – не только необходимое дополнение к летальной силе, но и вспомогательное средство. На этапе вмешательства преобладает уже летальная сила. Но и на этом этапе IFC играют важную роль, подавляя цели или перемещая/останавливая/разделяя/изолируя их на позициях, удобных для более эффективного поражения.

IFC дают дополнительные преимущества и на других этапах: рост издержек, больше простора для принятия решений и действий, помощь в захвате/удержании инициативы, формирование и расширение пространства ведения боевых действий в разных средах и т.д. – обеспечивая эффективные действия и результат там, где правила применения силы или ограничения по целям не допускают применения летальной силы или где применение летальной силы влечёт издержки и негативные последствия для Альянса, его членов и/или партнёров.

На Рис. 2 показаны цели, пути и способы, связанные с проектом концепции IFC НАТО:

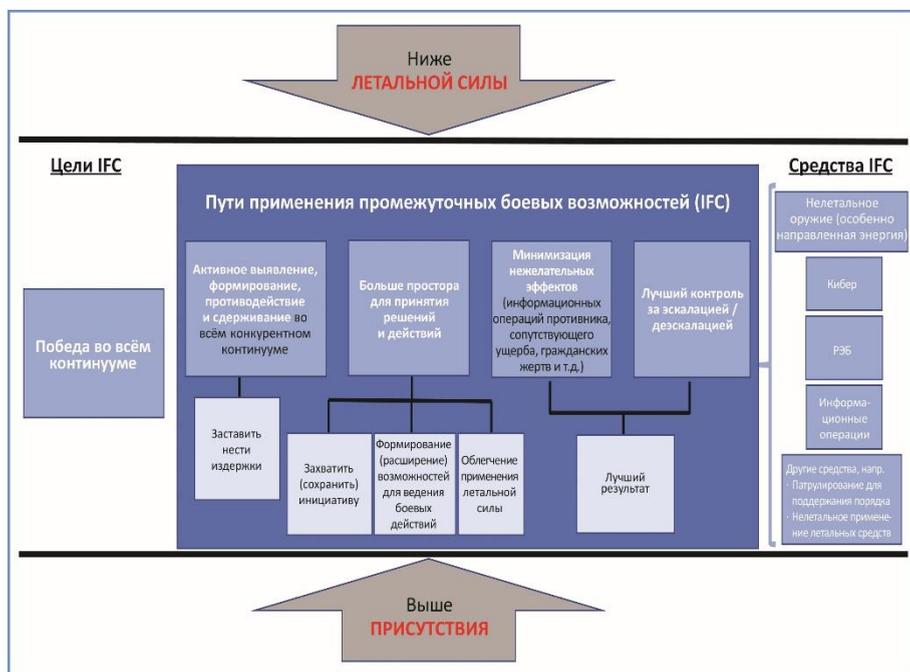

Рис. 2: Цели, пути и средства, связанные с концепцией IFC.

Цели IFC: побеждать во всём конкурентном континууме

Контр-адмирал Таммен в своей статье¹⁵ об основополагающей концепции ведения войны НАТО утверждает: «Фундаментальная природа войны не меняется. Это всегда столкновение воли, насилие, трения, туман, маневры и обман. В то же время характер войны продолжает меняться и становится всепроникающим, ибо наши противники совершают действия, выходящие за рамки «нормальной» динамики «мир-кризис-конфликт». Большие изменения в войне часто связаны с техническими инновациями – от стрел к чёрному пороху, танкам, ядерному оружию, кибер- и космическим системам сегодня». IFC – нелетальная направленная энергия, кибернетика, РЭБ, информационные операции и другие подобные средства – воплощают технические инновации, важные для победы в континууме.

Таблица 1. Примеры последствий применения традиционных и промежуточных силовых возможностей.

Стандартный случай (только традиционные возможности)	При наличии IFC (традиционные и промежуточные силовые возможности)
<p>«При обоих сценариях эскалация вышла из-под контроля»</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Ограниченный спектр реагирования (бездействие или применение (летальной) силы) поощрял противника к более агрессивным действиям» • При морском сценарии тактическая игра закончилась пусками ракет по союзным судам и торпед как союзными, так и вражескими силами. • При наземном сценарии наши войска были вынуждены применить чрезмерную силу (включая применение слезоточивого газа в толпе и стрельбу фугасными снарядами по гражданским целям), что побудило противника ввести войска и обстрелять ракетами базу НАТО в стране пребывания. 	<p>«IFC изменили стратегическую ситуацию в пользу союзных сил»</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Противник стал сдержаннее при эскалации» • «К концу тактической игры противник практически не отвечал на действия НАТО» • «IFC сорвали и ослабили действия противника настолько, что ущерб был значительно меньше, чем при Варианте А («стандартный случай»). При обоих сценариях, вместо контроля ситуации и её эскалации, IFC устранили повод/мотив для применения силы противником и позволили нашим войскам перехватить тактическую инициативу».

¹⁵ Rear Admiral John W. Tammen, "NATO's Warfighting Capstone Concept: Anticipating the Changing Character of War," *NATO Review*, July 9, 2021, <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/07/09/natos-warfighting-capstone-concept-anticipating-the-changing-character-of-war/index.html>.

Результаты военных игр в рамках разработки и проверки концепции IFC очевидны и убедительны: *IFC помогают победить в бою, возложить издержки на противника и выиграть информационно* (всё это – важно).

В этих военных играх^{16,17,18,19,20,21} сравнивались одинаковые сценарии для стандартного случая (только традиционные – в основном летальные – возможности) и IFC (при наличии также широких промежуточных силовых возможностей). В таблице ниже коротко описаны результаты, с анализом действий и их последствий при эскалации/деэскалации. Резюме: *При наличии промежуточных силовых возможностей НАТО смогла достичь своих целей и не дать противникам и их марионеткам достичь своих.*

Пути применения промежуточных силовых возможностей

Военные игры [сноски 16-21] прояснили пути применения промежуточных силовых возможностей при решении военной проблемы:

- *Активное выявление, формирование, противодействие и сдерживание*

Промежуточные силовые возможности помогают устранить неопределённость (в том числе в намерениях) благодаря активному выявлению; формировать обстановку, создавая более выгодные условия для дальнейших действий (включая, при необходимости, летальные); и наконец, противостоять, сдерживать или противодействовать противникам. Сюда входит создание материальных, финансовых и (или) социальных издержек без эскалации, связанной с действиями на пороге применения летальной силы. Вот пример из военной игры: «На тактическом уровне, при морском сценарии, попытка

¹⁶ Kyle D. Christensen, Maude Amyot-Bourgeois, George Nikolakakos, and Peter Dobias, “Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 1–NATO Naval Task Group in Port,” Scientific Letter DRDC-RDDC-2020-L180 (Ottawa: Defence R&D – CORA, October 2020).

¹⁷ Kyle D. Christensen and Peter Dobias, “Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 2 – NATO Naval Task Group in Confined Waterway,” NATO Technical Report, STO-TR-SAS151 (NATO SAS-151, March 3, 2021).

¹⁸ Kyle D. Christensen and Peter Dobias, “Wargaming the Use of Intermediate Force Capabilities in the Gray Zone,” *The Journal of Defence Modeling and Simulation: Applications, Methodology, Technology*, published online April 20, 2021, 1-14, <https://doi.org/10.1177/15485129211010227>.

¹⁹ Kyle D. Christensen, Peter Dobias, Maude Amyot-Bourgeois, and B. Astles, “Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 4 – NATO Task Force in Land Wargame Scenario,” NATO Technical Report, STO-TR-SAS151 (NATO SAS-151, October 2021), <https://doi.org/10.14339/STO-TR-SAS-151>.

²⁰ Sean Havel et al., “Use of Intermediate Force Capability Game Series: Information Operations and Information Warfare Wargaming Scenario,” draft report (NATO SAS-151, 2021).

²¹ Peter Dobias et al., “Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 5 – Non-combatant Evacuation Operation,” draft report (NATO SAS-151, 2021).

противника применить силу была пресечена использованием НАТО промежуточных силовых возможностей. Промежуточные силовые возможности позволили удержать противника от нежелательных действий и (или) ослабить (устранить) его способность применить силу. К концу тактической игры противник практически не отвечал на действия НАТО».

➤ *Больше простора для принятия решений и действий*

IFC помогают захватить (сохранить) инициативу, создать (расширить) возможности для ведения боевых действий и облегчить применение летальной силы там и тогда, где и когда решит НАТО, а не противник и его марионетки. В стандартном случае «противник в целом сумел удержать инициативу и продемонстрировать агрессивную позицию по отношению к союзным силам». Союзные силы реагировали, что часто приводило к неконтролируемой эскалации или бездействию, в обоих случаях создавая ситуацию, стратегически выгодную противнику. В случае с IFC НАТО захватила инициативу и решала, когда и как применить силу, в том числе летальную. «В результате силы противника вынуждены были в основном реагировать во время военной игры на море», и «К концу тактической игры противник практически не отвечал на действия НАТО».

➤ *Облегчение применения летальной силы*

IFC позволяет перемещать/останавливать/разделять/изолировать/подавлять цели, обеспечивая их поражение на выгодных позициях, повышая эффективность и снижая риск нежелательных последствий. «Наземная игра показала, что применение IFC для подавления и ослабления противника обеспечивает более эффективный и целенаправленный летальный ответ». Наземная игра также продемонстрировала, что IFC можно использовать для замедления или остановки целей, обеспечивая более точное наведение (и больше времени для реагирования) с летальным поражением в месте и во время, определённое НАТО, что уменьшает угрозу для гражданских лиц и критической инфраструктуры.

➤ *Минимизация нежелательных последствий*

Нежелательные последствия могут быть результатом действий или бездействия, и в любом случае они могут быть серьёзными. При бездействии противник может достичь своих целей открыто, но без противодействия, или вынудить НАТО понести материальные издержки (особенно в свете теорий победы некоторых противников, где допороговые действия используют для получения решающего преимущества на ранней стадии конфликта). Действия могут вызывать сопутствующий ущерб и гражданские потери во вред интересам НАТО. Результаты соответствующих военных игр таковы: в стандартном случае, «При наземном сценарии наши войска были вынуждены применить чрезмерную силу ... что побудило стратегического противника ввести войска и обстрелять ракетами базу НАТО в стране пребывания». В

совместной игре бездействие и паралич решений из-за отсутствия вариантов в стандартном случае привели к провалу всей операции НАТО. В случае с IFC «союзные войска смогли использовать IFC для подавления действий вражеских боевиков и, соответственно, более рационально применить летальную силу. Ограниченное применение летальной силы существенно сократило число гражданских жертв и, главное, сорвало план противника». Противник и тактически, и стратегически вынужден был обороняться.

➤ *Лучший контроль за эскалацией / деэскалацией*

Одной из основных задач НАТО является урегулирование кризисов, что предусматривает «должное сочетание политических и военных инструментов для помощи в урегулировании развивающихся кризисов, способных повлиять на безопасность Альянса, до их перерастания в конфликты». ²² IFC дают дополнительные инструменты контроля эскалации. Кроме того, вместо тонкой линии, разделяющей Присутствие и Летальную силу, IFC предлагают целый уровень между ними. Как показала серия военных игр, IFC позволяют избежать эскалации и подтолкнуть противника к деэскалации. Кроме того, наличие IFC постоянно обеспечивало лучший результат для достижения целей НАТО.

Миллиметровый диапазон

Средства остановки судов (транспортных средств) при помощи направленной энергии

Рис. 3: Примеры средств IFC.

Средства IFC

Рабочее определение IFC – «активные средства ниже порога летальности, временно ослабляющие, поражающие, замедляющие или нейтрализующие цели во всех средах и на всех этапах противостояния и конфликта». Этому определению соответствуют разные средства:

²² NATO, “Active Engagement, Modern Defence,” Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization, adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, November 19, 2010, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm.

➤ *Нелетальное оружие (в особенности с применением направленной энергии)*

Нелетальное оружие по своему замыслу даёт промежуточные силовые возможности выше присутствия, но ниже применения летальной силы. Совет НАТО выработал политику,²³ определяющую нелетальное оружие как «оружие, специально спроектированное и разработанное для выведения из строя или отражения личного состава с низкой вероятностью смерти или увечья или для вывода из строя оборудования с минимальным нежелательным ущербом либо воздействием на окружающую среду». Основные возможности нелетального оружия с применением направленной энергии включают:

- Средства миллиметрового диапазона для дистанционного воздействия на людей, блокировки зон и подавления целей, а также воздействия на беспилотные летательные аппараты (БПЛА)
- Средства мощного сверхвысокочастотного (СВЧ) и электромагнитного (ЭМ) излучения для остановки транспортных средств и судов, воздействия на БПЛА и другие средства
- Низкоэнергетические лазеры, в частности, ослепляющие лазеры, для предупреждения и подавления людей и датчиков.

Средства борьбы с БПЛА

Низкоэнергетические лазеры

Рис. 4: Примеры нелетального оружия.

Исходя из уроков применения нелетального оружия в операциях НАТО, военных играх, официальных полевых учениях для оценки возможности военного применения и предыдущих исследований НАТО,^{24,25} применение

²³ NATO, “NATO Policy on Non-Lethal Weapons,” October 13, 1999, www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27417.htm.

²⁴ NATO STO, “Analytical Support to the Development and Experimentation of NLW Concepts of Operation and Employment,” Technical Report, STO-TR-SAS-094 (NATO Science and Technology Organization, 2017).

²⁵ NATO STO, “Addressing Obstacles to the Acquisition, Deployment, and Employment of Non-Lethal Weapons.”

нелетального оружия должно быть концептуально предусмотрено в шести областях, которые все чётко и прямо связаны с проектом концепции IFC:

1. Обеспечение соблюдения норм/Предупреждение/Сдерживание
2. Обеспечение ведения боевых действий
3. Обеспечение манёвра
4. Непосредственная ликвидация угроз
5. Усиление защиты
6. Сокращение гражданских потерь/сопутствующего ущерба.

➤ *Кибернетика*

Кибернетические возможности также являются эффективным средством выше присутствия, но ниже летальной силы.

На Варшавском саммите 2016 г.²⁶ НАТО признала «киберпространство сферой проведения операций, в которой НАТО должна защищаться так же эффективно, как и в воздухе, на суше и на море», заявив: «Это усилит способность НАТО защищаться и проводить операции в этих сферах и сохранит нам свободу действий и решений при любых обстоятельствах. Это будет способствовать сдерживанию и обороне НАТО в целом: киберзащита будет по-прежнему интегрирована в оперативное планирование, операции и миссии Альянса, и мы будем работать вместе, чтобы способствовать их успеху». На Брюссельском саммите 2018 г.²⁷ главы государств и правительств назвали угрозы и озвучили обязательство в области киберзащиты:

Мы столкнулись с опасной, непредсказуемой и нестабильной ситуацией безопасности, постоянными вызовами и угрозами со всех стратегических направлений; от государственных и негосударственных субъектов; от вооруженных сил; от террористических, кибернетических и гибридных атак. Агрессивные действия России, включая угрозу и применение силы для достижения политических целей, бросают вызов Альянсу и подрывают евроатлантическую безопасность и основанный на правилах международный порядок. Нестабильность и продолжающиеся кризисы на Ближнем Востоке и в Северной Африке подпитывают терроризм. Они также способствуют нелегальной миграции и торговле людьми. Продолжающийся кризис в Сирии оказывает прямое влияние на стабильность региона и безопасность Альянса в целом. Мы сталкиваемся с гибридными проблемами, включая кампании дезинформации и вредоносную кибердеятельность. ... Мы договорились о том, как интегрировать суве-

²⁶ NATO, "Warsaw Summit Communiqué," issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw, July 8-9, 2016, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm.

²⁷ NATO, "Brussels Summit Declaration," issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels, July 11-12, 2018, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm.

ренные кибердействия, добровольно предложенные союзниками, в операции и миссии Альянса под строгим политическим контролем. Подтверждая оборонные задачи НАТО, мы готовы применить весь спектр возможностей, включая кибернетические, для сдерживания, защиты и противодействия всему спектру киберугроз, в том числе в рамках гибридной кампании.

➤ *Радиоэлектронная борьба*

Потенциальные угрозы радиоэлектронной борьбы (РЭБ) включают системы, способные обнаруживать, эксплуатировать, ухудшать, нарушать, уничтожать и обманывать средства связи, навигационные системы, датчики и системы управления оружием. Кроме того, средства направленной энергии могут поражать личный состав и технику.

РЭБ и другие промежуточные силовые возможности пересекаются, включая кибернетику и направленную энергию, при этом некоторые виды направленной энергии классифицируются как нелетальное оружие (миллиметровые волны, СВЧ/ЭМ и низкоэнергетические лазеры, упомянутые выше), а другие (высокоэнергетические лазеры, мощное СВЧ/ЭМ/радиочастоты и применение пучков частиц) могут быть отнесены к РЭБ, но не к нелетальному оружию.

Деятельность и возможности РЭБ разнообразны. Они включают меры обнаружения и защиты, такие, как контроль выбросов и электромагнитная защита, безопасность, сбор разведанных и контрмеры. Сюда входят меры борьбы с противником напрямую с помощью направленной энергии (включая возможности лазеров, радиочастот и пучков частиц), навигационной войны или электронного обмана, подслушивания и постановки помех. Эффекты РЭБ варьируют от введения в заблуждение или нарушения работы до более продолжительной деградации вплоть до разрушения, так что большинство эффектов соответствуют IFC, а некоторые особо разрушительные эффекты могут достигать уровня летальной силы.

➤ *Информационные операции*

Недавние операции показали, что важно выиграть не только бой, но и информационную войну. Противники тоже будут проводить информационные операции, чтобы продвигать свои интересы и вредить НАТО. Эта битва за нарратив может иметь существенные последствия для поддержки страны пребывания и её населения (что влияет на миссию в целом и на статус и безопасность войск), региональных деятелей (и их готовности предоставить союзников доступ к базам, права транзита, финансовую поддержку и т.д.), и международного сообщества (которое может использовать свои дипломатические, информационные, военные и экономические ресурсы в зависимости от своей веры в конкурирующие нарративы).

Согласно Инструментарии по гибридным угрозам для стратегической коммуникации (*Strategic Communications Hybrid Threats Toolkit*) Центра передового опыта стратегической коммуникации НАТО²⁸:

Деятельность потенциальных противников необходимо выявлять и контролировать, чтобы иметь возможность оценить, когда соперничество между государствами перерастёт во что-то более серьезное. Одновременно необходимо не дать противнику возможности ограничить нашу свободу действий. Ответ будет включать ряд правительственных мер. Их необходимо скоординировать так, чтобы они обращались к нужным целевым аудиториям и влияли на них, не рискуя получить нежелательные эффекты 2-го или 3-го порядка.

Информационные операции используют для формирования информационной среды, чтобы достичь целей Альянса и не дать противникам достичь своих собственных целей. Средства могут включать:

- Стратегическую коммуникацию
- Связи с общественностью
- Разведку
- Совместные мероприятия военных и гражданских органов
- Психологические операции и меры военной дезинформации
- Кибернетику
- Радиоэлектронную борьбу.

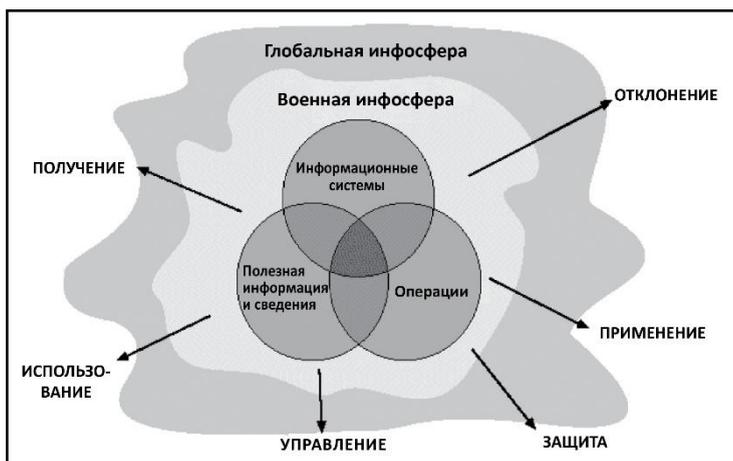

Рис. 5: Инфосфера и операции.

²⁸ Ben Hear, Pia Hansen, and Monika Gill, *Strategic Communications Hybrid Threats Toolkit: Applying the Principles of NATO Strategic Communications to Understand and Counter Grey Zone Threats* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, September 8, 2021), <https://stratcomcoe.org/publications/strategic-communications-hybrid-threats-toolkit/213>.

➤ *Другие средства выше Присутствия, но ниже Летального действия*

С течением времени возможности развиваются или получают функции, дополняющие их первоначальное назначение. Когда такие возможности обеспечивают эффективные действия выше присутствия, оставаясь при этом ниже уровня летальной силы, их можно обоснованно считать промежуточными силовыми возможностями. Во время разработки и проверки концепции IFC директор и сотрудники Центра передового опыта полицейского патрулирования для поддержания порядка подчеркивали связь полицейского патрулирования с концепцией IFC:

- Полицейские патрули для поддержания порядка и полиция в целом действуют в основном в рамках IFC, то есть между простым присутствием и применением летальной силы.
- Патрули для поддержания порядка могут противодействовать гибридным угрозам и действуют в «серой зоне» конфронтации, до порога конфликта. Статья «Как выиграть асимметричную войну в эпоху сил спецназначения»²⁹ призывает к новым формам сдерживания и реагирования, подчёркивая роль сил спецназначения, но одновременно чётко указывая на способность полицейских патрулей противодействовать враждебным действиям целевых групп населения для поддержания порядка:

«Традиционное сдерживание, подкрепленное крупными воинскими контингентами и ядерным оружием, опирается на способность нанести вред противнику, применив превосходящую силу, если он пересечёт красную линию, для ответного удара. Российская война нового поколения и китайская неограниченная война создают проблемы для традиционного сдерживания, поскольку они используют «тактику салями», которая позволяет избежать спусковых механизмов обычного возмездия... Сдерживающее принуждение в серой зоне требует нетрадиционного подхода, устраняющего используемую противником восприимчивость целевой группы населения, а также дополнительных возможностей, которые сведут на нет преимущества агрессора».

- При усилении и развитии возможностей местной полиции, полицейское патрулирование для поддержания порядка может:
 - ✓ Расширить влияние Альянса на полицейскую/гражданскую сферу, поощряя страну пребывания поддержать единство нации и общества, повышать добропорядочность в структурах правосудия (правоохранительные органы, судебная система, исправительные учреждения) и наращивать поддержку среди населения

²⁹ Keith Pritchard, Roy Kempf, and Steve Ferenzi, "How to Win an Asymmetric War in the Era of Special Forces," *The National Interest*, October 12, 2019, <https://nationalinterest.org/feature/how-win-asymmetric-war-era-special-forces-87601>.

- ✓ Принимать меры, снижая риски сопутствующего ущерба (что также важно для обеспечения поддержки населения)
- ✓ Повышать гибкость, применяя арест к представителям власти, конфискуя незаконные средства/имущество, используя инструменты, которые не могут использовать боевые силы, и борясь с преступниками путём наступательных операций в киберпространстве при помощи суверенных кибердействий, добровольно предложенных союзниками, если об этом попросит судебный орган страны пребывания.

Военные игры показали важность блокирования и зачистки территорий, остановки транспортных средств и защиты сил и средств, причём IFC вносят важный вклад во всех этих областях. При условии предварительного уведомления военные инженеры тоже могут внести аналогичный вклад в этих областях. Таким образом, военные инженеры представляют собой еще одно потенциальное средство IFC. Наконец, военные игры включали использование летальных средств для достижения нелетального результата (предупредительные выстрелы и использование в условиях открытой местности и инфраструктуры для недопущения перемещений). Стоит отметить, что даже там, где последствия ожидаемо были несмертельными, противники оценивали (и меняли) свои планы эскалации силы совсем иначе, чем при применении других IFC.

Резюме и императивы реализации

«Инициатива 2030»³⁰ и *Стратегическая концепция*³¹ НАТО обязывают Альянс «предотвращать кризисы, урегулировать конфликты и стабилизировать ситуации после конфликтов», а также «обеспечить, чтобы НАТО имела полный спектр возможностей, необходимых для сдерживания и защиты от любой угрозы безопасности и защищенности нашего населения». Учитывая нынешние и ожидаемые угрозы, НАТО нужны промежуточные силовые возможности – активные средства (нелетальная направленная энергия, кибернетика, радиоэлектронная борьба, информационные операции и т.п.), обеспечивающие эффект во всех сферах выше присутствия, но ниже порога летальной силы, для выполнения этих обязательств. Содействуя реализации основополагающей концепции ведения войны НАТО, IFC помогают одержать победу в конкурентном континууме, при этом проверка концепции

³⁰ “NATO 2030: Making a Strong Alliance even Stronger,” <https://www.nato.int/nato2030/>; NATO, “Brussels Summit Communiqué,” issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels, June 14, 2021, https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm.

³¹ NATO, “Active Engagement, Modern Defence.”

(военные игры) демонстрирует роль IFC на разных организационных этапах будущих операций НАТО³²:

Таблица 2. Роль IFC на разных этапах будущих операций НАТО

Угрозы/вызовы на разных этапах	Пути устранения угроз/вызовов при помощи IFC
<p><i>Этап предотвращения:</i> Противники достигают целей, прямо или опосредованно используя военные и полувенные средства, марионеток, партизан и (или) гражданские органы и гражданских лиц, с физическими, информационными и когнитивными угрозами и вызовами.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Активные средства выявления, формирования, сдерживания, противостояния и противодействия противникам и их марионеткам • Больше простора для принятия решений и действий • Контроль эскалации и поощрение деэскалации • Создание издержек (прямых и скрытых)
<p><i>Этап вмешательства:</i> Противники намеренно усложняют нацеливание, располагаясь в уязвимых местах (возле критической инфраструктуры, больниц, исторических или культурных памятников и т.д.) или возле гражданских (смешиваясь с населением или намеренно используя живой щит).</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Содействие летальному поражению, применяя IFC для подавления/ перемещения/ остановки/ разделения/ изоляции целей • Непосредственное применение IFC против целей при минимизации рисков сопутствующего ущерба и гражданских потерь • Победить в бою, создать издержки и выиграть информационно
<p><i>Этапы стабилизации и перехода:</i> Противники пытаются создать и использовать трения с правительством и населением страны пребывания, провоцируя и используя инциденты, чтобы продвигать свои цели и вредить целям НАТО.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Избегать нежелательных последствий, которыми может воспользоваться противник • Обеспечить средства для захвата (удержания) инициативы и вынудить противников и их марионеток действовать в ответ

³² "Framework for Future Alliance Operations."

Военные игры и семинары по разработке концепции IFC также позволили определить императивы реализации:

- *Усиленное воздействие:* при применении и включении в тактику, методику и процедуры, IFC могут обеспечить летальное воздействие путём изоляции, остановки или перемещения целей на удобные позиции, а обратимые (и во многих случаях незаметные) проявления IFC обеспечивают заблаговременное применение, включая потенциально автономное/при помощи искусственного интеллекта использование IFC, когда летальные средства требуют оператора в контуре управления.
- *Темп/инициатива:* При наличии IFC в войсках и участии в нацеливании, место и время боя будет определять не противник; IFC помогут НАТО захватить/удержать инициативу, подавляя, замедляя и вынуждая врага действовать (или не действовать) в ответ.
- *Победа в конкурентном континууме:* НАТО должна разработать, получить и эффективно применять IFC в континууме для победы в бою, создания издержек для противника и информационного выигрыша. Победа в континууме также требует от НАТО противодействовать применению IFC противником.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторе

Джон Нельсон – международный военный аналитик с более чем 30-летним опытом. Возглавлял многочисленные проекты по планированию и анализу на высоком уровне, включая анализ и пересмотр планирования/ решения/ исполнения/ оценки Первого экспедиционного соединения морской пехоты (I MEF), что значительно увеличило горизонт планирования I MEF; разработку первого из межведомственных учений (Emerald Express) операций по поддержанию мира и военной поддержке гражданских властей; разработку планов действий в чрезвычайных ситуациях на театре военных действий и организационные оценки Сил реализации/Сил стабилизации (IFOR/SFOR) в Боснии; руководство работой American Systems по анализу повстанческого движения в иракской мухафазе Анбар для разведки Корпуса морской пехоты. Среди его руководящих ролей в исследовательской деятельности НАТО – Оценка эффективности нелетального оружия (SAS-060), удостоенная премии за научные достижения НАТО в 2008 г.; Оценка на основе возможностей (SAS-078), отмеченная Постоянным штабом двух стратегических Командований (Штаб Объединённых вооружённых сил НАТО в Европе и Командование трансформации ОВС НАТО); Нелетальное оружие в концепциях НАТО и стран-участниц (SAS-094), удостоенная премии за научные достижения НАТО в 2017 г.; и анализ, военные игры и семинары IFC SAS-151 по разработке проекта концепции IFC НАТО.

Электронная почта: john.nelson@americansystems.com

Как оценить воздействие нелетального оружия

Криста Ромита Грохольски, Скотт Савиц

Корпорация RAND, <https://www.rand.org/>

Аннотация: Оценка тактического, оперативного и стратегического воздействия нелетального оружия сложна и требует иных подходов, чем оценка летального оружия. В этой статье показано, как команда RAND использовала так называемую «логическую модель», чтобы показать, что должны обеспечить эти системы и операции, и каким образом. Далее команда выбрала ряд метрических показателей, вместе позволяющих оценить каждый элемент логической модели. Кроме того, команда RAND разработала набор разнообразных шаблонов использования нелетальных возможностей и качественно оценила каждый показатель для каждого шаблона на основе набора стандартных критериев: насколько точно показатель оценивает соответствующий элемент, насколько легко и быстро можно определить значение показателя, и насколько однообразно могли бы разные люди определить значение показателя в той или иной ситуации. На базе этой работы можно использовать логическую модель, чтобы описать и показать воздействие нелетального оружия и действия на тактическом и оперативном уровне в привязке к стратегическим целям. Операторы, штабы и командиры также могут выбрать конкретные метрические показатели для оценки воздействия этого оружия и действий в реальных операциях и военных играх, что позволит им принимать лучшие решения о том, когда и как использовать его для достижения своих целей.

Ключевые слова: нелетальное оружие, воздействие, промежуточные силовые возможности, серая зона.

Вступление

Нелетальные виды оружие (НЛВО) – это комплекс разнообразных систем, общей чертой которых является их предназначение для вывода из строя без

физического уничтожения. В частности, к ним относятся ослепляющие лазеры, направляющие на цель яркий свет, системы активного сдерживания (ADS), излучающие миллиметровые волны для нагрева, перцовые шарики, раздражающие глаза и дыхательные пути, боеприпасы непроникающего действия, как-то резиновые пули и дробь, и средства остановки судов, запутывающие винты. Их воздействие в целом должно быть обратимо. НЛВО представляют собой подгруппу промежуточных силовых возможностей (Intermediate Force Capabilities, IFC), охватывающих также кибернетические, информационные операции и РЭБ. Термин “IFC” не доктринален, но получил признание в кругах НАТО. В этой статье мы рассмотрим НЛВО, как подгруппу промежуточных силовых средств.

При обострении соперничества ниже порога полномасштабного конфликта НЛВО могут помочь при операциях в серой зоне, когда противник пытается принудительно изменить ситуацию, не начиная войну.¹ Их можно использовать для демонстрации решимости и противодействия без нанесения ущерба, способного привести к нежелательной эскалации. НЛВО также могут быть полезны и в других ситуациях, например, для выяснения чьих-то намерений в неоднозначных ситуациях или для рассеивания толп гражданского населения, намеренно препятствующих военным операциям, без необратимого ущерба.

Чтобы принимать обоснованные решения о том, как приобретать и использовать НЛВО, важно иметь возможность оценить их тактическое, оперативное и стратегическое воздействие. Однако оценка воздействия НЛВО требует иной методологии, чем традиционные подходы к летальному оружию. Летальное оружие часто оценивают с точки зрения его способности нанести определенный уровень ущерба, тогда как НЛВО ценят за их способность его избежать. Учитывая эту проблему, Объединённое бюро промежуточных возможностей (JIFCO) США попросило команду корпорации RAND изучить, как лучше всего оценить воздействие IFC на разных уровнях. Далее в этой статье мы опишем наше исследование и его выводы. Хотя предметом нашего анализа было использование НЛВО Министерством обороны (МО) США, он по большей части может быть применим и к НАТО.

¹ Согласно докладу RAND, «серая зона – это оперативное пространство между миром и войной, с применением мер принуждения для изменения статус-кво ниже порога, который в большинстве случаев вызывает конвенциональную военную реакцию, часто – путём размывания границы между военными и невоенными действиями и усложнения определения ответственности». См. Lyle J. Morris, et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Operations for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War*, RR-2942-OSD (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019), 8, <https://doi.org/10.7249/RR2942>.

Методология

Мы начали с изучения 150 документов и 36 бесед с экспертами по НЛВО. На этой основе мы разработали так называемую «логическую модель», увязывающую применение НЛВО со стратегическими целями США через ряд промежуточных шагов. Мы усовершенствовали логическую модель на основе отзывов экспертов, затем определили метрические показатели, которые могут применяться для оценки каждого элемента логической модели. Далее мы разработали разные шаблоны применения НЛВО и оценили относительную выгоду разных метрических показателей для этих шаблонов. Кроме того, мы проанализировали результаты бесед и документы, определив широкие темы, и затем выработали ряд выводов и рекомендаций касательно оценки и информирования о действии НЛВО.

Разработка логической модели воздействия НЛВО

Логические модели позволяют структурировать связь тех или иных процессов или программ с целями высшего уровня.² Логическая модель, разработанная нами для описания НЛВО, показывает как взаимосвязаны следующие пять категорий:

- Предпосылки – всё, что необходимо для применения НЛВО, т.е. сами системы, доктрина и обучение
- Мероприятия – фактические действия НЛВО
- Последствия – прямые результаты применения НЛВО
- Итоги – последствия применения НЛВО высшего уровня
- Стратегические цели – конечные цели МО.

Логическая модель включает ряд элементов каждой из этих пяти категорий (см. Рис. 1).

Предпосылки, перечисленные в левой колонке, включают сами системы, тактику, методы, процедуры и замысел операций (CONOPs) по их применению, а также доктрину, обучение и возможность сохранения. Они также включают законы войны и правила ведения боевых действий, определяющие возможное применение НЛВО.

Мероприятия, указанные во второй колонке слева, включают то, что могут делать НЛВО. Например, к этим элементам относится оклик для общения с другими лицами, дезориентация, затруднение их перемещения и временное выведение из строя. Некоторые НЛВО могут выполнять несколько функций одновременно, например, оклик также может помочь выявить намерения другой стороны, исходя из её реакции.

² См. Scott Savitz, Miriam Matthews, and Sarah Weiland, *Assessing Impact to Inform Decisions: A Toolkit on Measures for Policymakers*, TL-263-OSD (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017), <https://doi.org/10.7249/TL263>.

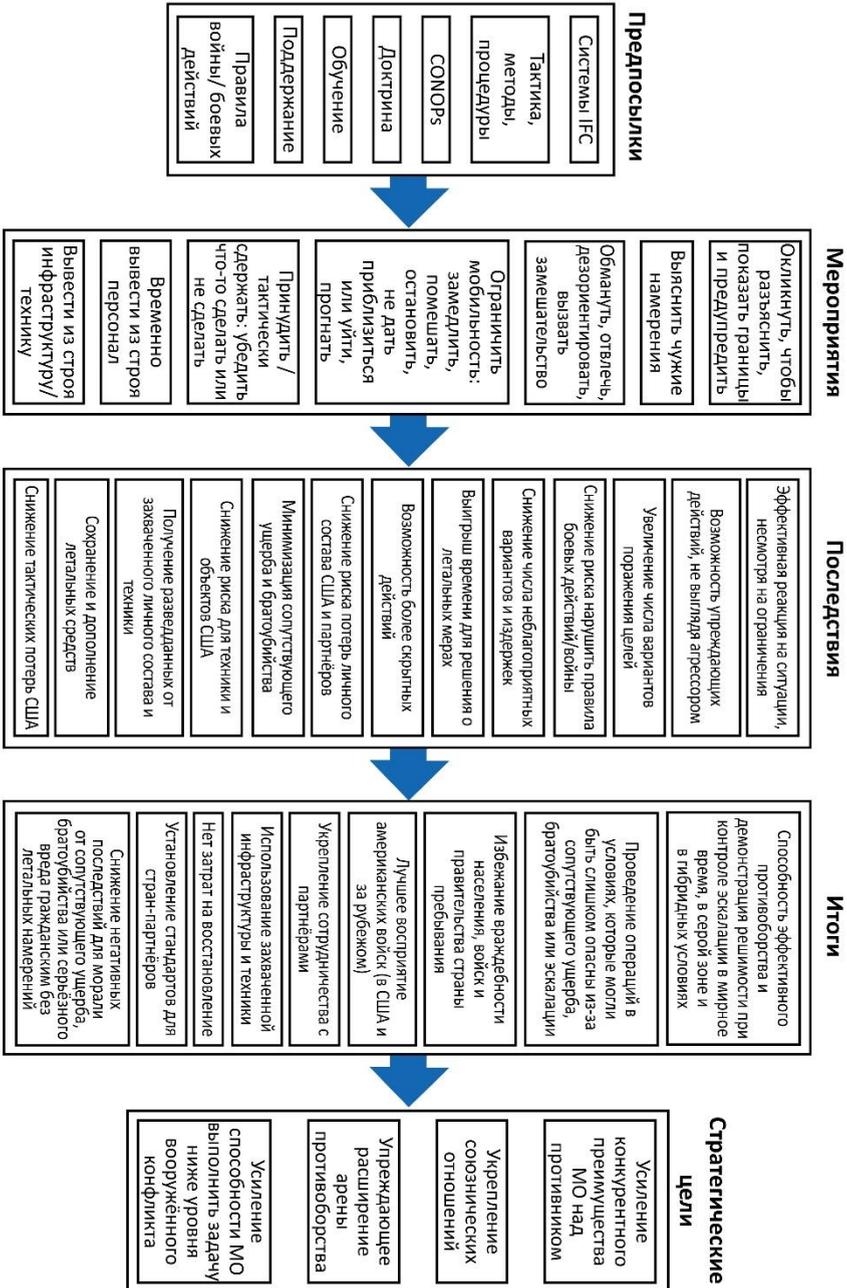

Рис. 1: Логическая модель НЛВО (Источник: Krista Romita Grocholski et al., *How to Effectively Assess the Impact of Non-Lethal Weapons as Intermediate Force Capabilities*, Research Report RR-A654-1 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022), <https://doi.org/10.7249/RRA654-1>).

Последствия означают прямые результаты применения НЛВО. Примеры таких прямых результатов включают увеличение времени на принятие решений, влияние на затраты США и противников и минимизацию сопутствующего ущерба. Последствия перечислены в центральном столбце Рис. 1. Итоги, перечисленные во втором столбце справа, больше касаются последствий НЛВО более высокого уровня, таких, как сдерживание эскалации, лучшее восприятие американских войск и развитие отношения со странами-партнёрами. Наконец, стратегические цели, перечисленные в крайнем правом столбце Рис. 1 — это далеко идущие цели, поставленные руководством МО, согласно несекретного резюме Стратегии национальной обороны 2018 г.³ Хотя НЛВО не в состоянии полностью обеспечить достижение целей более высокого уровня, их использование может способствовать их достижению.

Связь между элементами логической модели

Построив логическую модель, мы нарисовали связи между отдельными элементами логической модели для лучшей иллюстрации того, как применение НЛВО может оказывать воздействие более высокого уровня. Тут же показано, какие части логической модели важнее всего изучить при её применении к конкретному сценарию или цели. На Рис. 2 показана взаимосвязь НЛВО в логической модели. Сильные связи выделены более жирными и тёмными линиями (сильная связь = жирная линия). Цвета стрелок предназначены для наглядности – все стрелки, исходящие от определенного элемента, имеют один и тот же цвет. Элементы, заключённые в темно-синий прямоугольник, прочными связями связаны со стратегическими целями.

Рассмотрев схему в целом, мы выявили закономерности и сделали важные выводы. Плотность связей между элементами логической модели падает слева направо на Рис. 2. Например, большинство мероприятий тесно связаны с большинством последствий, но меньшее количество результатов имеет прочную связь с несколькими стратегическими целями. Этот общий вид также позволил нам увидеть, какие элементы логической модели больше всего способствуют стратегическим целям, как через прямые связи, так и через сильные взаимосвязи. Все 7 мероприятий, 9 из 13 последствий и 5 из 9 итогов тесно связаны со стратегическими целями. При оценке влияния НЛВО на выполнение стратегических задач МО элементы, заключённые в синие прямоугольники, наиболее важны.

³ Jim Mattis, “Summary of the 2018 National Defense Strategy: Sharpening the American Military’s Competitive Edge” (Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2018).

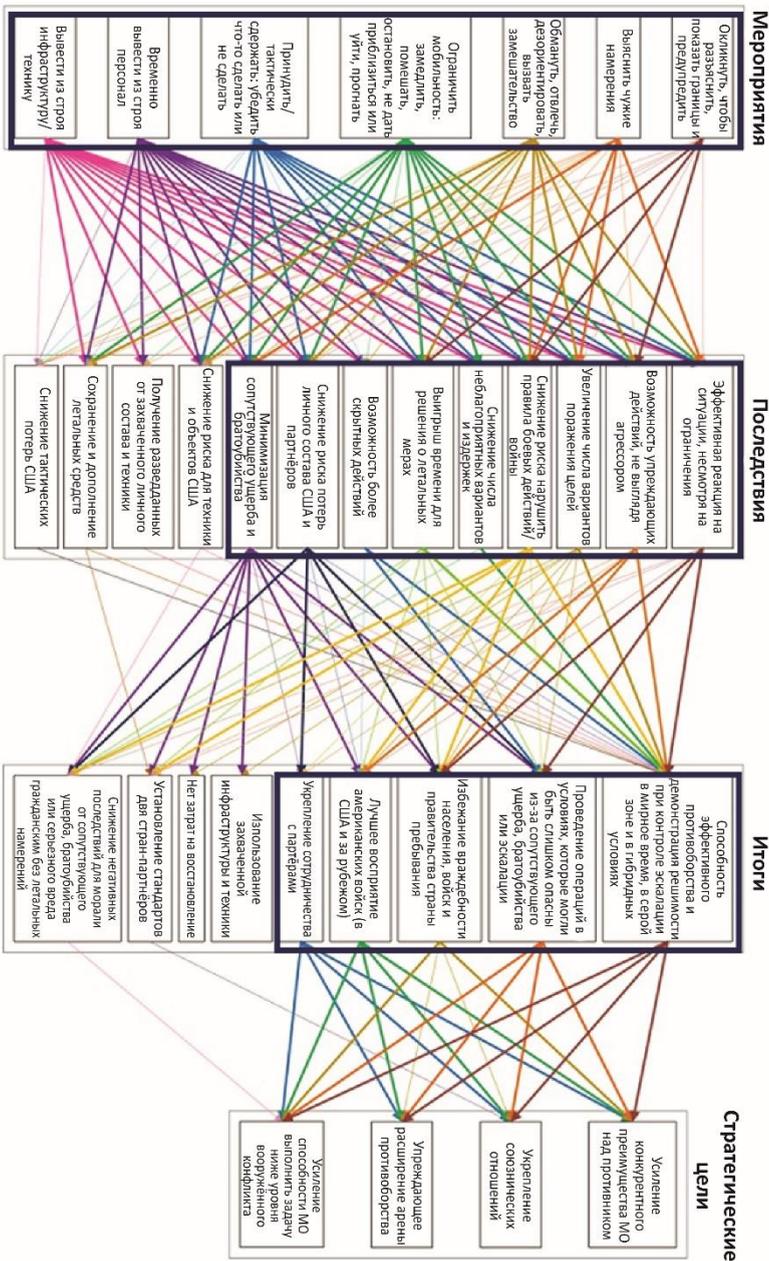

Рис. 2: Логическая модель НЛВО со связями между элементами (Источник: Grocholski et al., *How to Effectively Assess the Impact of Non-Lethal Weapons as Intermediate Force Capabilities*).

Выбор показателей для оценки логической модели

Разработав логическую модель, мы взяли её за основу для выбора метрических показателей, которые можно применить для оценки воздействия НЛВО. Мы выявили 97 уникальных показателей, позволяющих вместе оценить все 29 элементов мероприятий, последствий и итогов. Некоторые из выявленных метрических показателей применимы к нескольким элементам логической модели, поэтому мы использовали эти метрические показатели не один раз, что дало нам 115 пар «метрический показатель – элемент». Мы не разрабатывали метрических показателей для предпосылок, потому что эти показатели не касаются воздействия НЛВО. Мы также не разрабатывали метрических показателей для стратегических целей, оценка которых даётся на уровне МО и выходит за рамки нашего исследования. Примеры показателей, выявленных нами для трёх элементов логической модели, приведены в Таблице 1.

В целом, мы выявили, что:

- Метрические показатели мероприятий в основном касались людей или систем, на которые воздействуют НЛВО, и их реакции на них
- Метрические показатели последствий в основном касались увеличения числа вариантов для пользователя, сокращения числа вариантов для противника и снижения тактических рисков
- Метрические показатели итогов в основном касались снижения стратегических и оперативных рисков, влияния на восприятие, поддержания морального духа и снижения издержек.

Разработка шаблонов

Чтобы обосновать логическую модель и соответствующие метрические показатели в реальных условиях и оценить наши метрические показатели при разных сценариях, мы разработали и испытали 13 шаблонов применения НЛВО. Шаблоны охватывают ряд обстоятельств и условий. Мы обеспечили включение в них всех комбинаций возможностей, исходя из следующих критериев:

- *Желал ли противник эскалации ситуации.* Позволяет оценить, насколько НЛВО могут способствовать деэскалации в ситуациях, когда противник намеренно стремится к эскалации. Также позволяет сравнить деэскалационные возможности НЛВО в ситуациях эскалации и деэскалации.
- *Возможен ли был отход.* Отход американских войск может способствовать деэскалации ситуации, поэтому мы оценивали ситуации с возможностью и невозможностью отхода.
- *Стабильна ли информационная подача инцидента* (т.е. могла ли дезинформация радикально изменить подачу). Учитывая, что применение НЛВО может серьёзно повлиять на подачу, а подача может

влиять на конечный результат, было важно рассмотреть оба случая: когда подача инцидента изменчива и когда она стабильна.

Таблица 1. Примеры метрических показателей, связанных с подмножеством элементов логической модели (Источник: Grocholski et al., *How to Effectively Assess the Impact of Non-Lethal Weapons as Intermediate Force Capabilities*).

Тип элемента	Описание элемента	Метрический показатель
Мероприятие	Временно вывести из строя персонал	Процент подвергшихся воздействию людей, выведенных из строя при помощи IFC
		Процент стычек, в которых IFC выводили из строя случайных людей
		Временной график зависимости между применением IFC и выведением из строя
		Длительность выведения из строя
Последствие	Эффективная реакция на ситуации, несмотря на ограничения	Процент тактических стычек, в которых применение IFC разрешалось, а летальной силы – нет
		Разрешали ли правила ведения боевых действий применение IFC (только да/нет)
		Насколько подвергшиеся воздействию люди считали IFC эквивалентом летального оружия
Итог	Способность эффективного противоборства и демонстрация решимости при контроле эскалации в мирное время, в серой зоне и в гибридных условиях	Процент инцидентов с использованием IFC, приведших к нежелательной эскалации, разделенный на процент инцидентов без использования IFC, приведших к нежелательной эскалации
		Процент инцидентов в мирное время/ в серой зоне/ гибридных, в которых использовались IFC
		Процент инцидентов, в которых использовались IFC, и командиры сочли их эффективными
		Насколько подвергшиеся воздействию люди считали IFC эквивалентом летального оружия

Мы оценили ценность каждого из них бинарно (да/нет) и учли в 13 шаблонах все 8 возможных комбинаций. 13 шаблонов мы спланировали так, чтобы они охватили все виды Вооружённых сил США, разные регионы мира и происходили в воздухе, на море и на суше. Для большего реализма шаблоны по возможности частично основывались на минувших событиях. Так, один шаблон предусматривал перехват и преследование американского самолёта двумя военными самолётами: НЛВО применялись, чтобы заставить их отойти без катастрофы и эскалации ситуации. Он был основан на реальном инциденте 2000 г., когда два китайских самолёта перехватили более крупный и медленный американский самолёт, что привело к случайному столкновению. Шаблон с участием морской пехоты США, охранявшей посольство от бунтующей толпы, тоже отражал реальные события в Бахрейне в 2002 г., с условием, что в этом шаблоне морская пехота может применять НЛВО. Аналогичным образом, инцидент, когда лодки с неясными намерениями приближаются к американскому эсминцу, во многом основан на нападении катера смертника, повредившего корабль ВМС США *Cole* в 2000 г. В этом шаблоне НЛВО давали дополнительные возможности для защиты корабля.

Наш анализ этих шаблонов подтвердил, что современные НЛВО (особенно с направленной энергией) могут существенно повлиять на ряд ситуаций, не типичных для их применения, в основном связанных с обеспечением правопорядка и обузданием толпы (например, перцовый баллончик). Так, при противостоянии на море в серой зоне новые НЛВО могут помочь проявить решимость без эскалации ситуации.

Шаблоны также выявили относительную универсальность разных классов НЛВО. Мы обнаружили, что три типа систем особенно универсальны и применимы в большинстве шаблонов в самых разных ситуациях и областях. Акустические системы и ослепляющие лазеры можно использовать для оклика, введения в заблуждения, отвлечения, дезориентации и дезинформации людей. Системы активного сдерживания также могут иметь целенаправленное избирательное действие, позволяющее тактически сдерживать другую сторону, блокировать доступ или вынудить уйти. Хотя эти НЛВО наиболее универсальны, ряд других НЛВО тоже играли важную роль в конкретных шаблонах. Наличие арсенала НЛВО может гарантировать, что в конкретной ситуации будут использованы нужные средства.

Оценка метрических показателей в контексте шаблонов

Мы исследовали шаблоны, используя нашу логическую модель и метрические показатели. Первым этапом анализа было определить, какие НЛВО применимы к шаблону. Затем мы определяли, какие элементы логической модели применимы к шаблону, и оценивали соответствующие метрические

показатели для шаблона. Качество каждого показателя (а не его значение) оценивалось по четырём стандартным критериям⁴:

- Действенность – насколько показатель характеризует данный элемент
- Надёжность – степень согласованности нескольких измерений
- Достижимость – насколько просто сделать оценку
- Своевременность – насколько быстро можно сделать оценку.

Оценка показала, что большинство метрических показателей вполне применимы к элементам логической модели и достаточно просты в применении; однако лишь около половины разработанных метрических показателей были применимы к любому конкретному шаблону.

Темы, проявившиеся в ходе бесед

В рамках анализа наша команда провела 36 бесед с экспертами и представителями 25 организаций. На основе анализа этих бесед были выявлены четыре широкие темы:

1. *Два главных препятствия поступления НЛВО в Министерство обороны – это консерватизм и ограниченность ресурсов.* Потенциальные пользователи НЛВО часто имеют ограниченный опыт их применения, что снижает доверие к ним. Они также иногда не понимают действия этих систем и/или считают их менее полезными, чем летальные системы. Разные требования к обучению часто приводят к тому, что обучению НЛВО уделяется меньше внимания.
2. *НЛВО часто считают сложными в тыловом обеспечении из-за необходимости наличия места, питания и других требований, поэтому их редко доставляют в места, где они могут пригодиться.*
3. *Возможности применения НЛВО, кроме военной полиции и сдерживания толпы, не очевидны.* Полезность НЛВО в противостоянии ниже порога войны и во многих других ситуациях не вполне понятна людям.
4. *Вышеупомянутые проблемы взаимосвязаны и дополняют друг друга.* Так, неприменение НЛВО из-за слабой подготовки и нежелания организовывать их обеспечение ведёт к неуверенности и незнанию этих систем, что снижает их приоритетность в обучении и логистике.

Рекомендации и заключительные ремарки

Исходя из результатов исследования, мы дали ряд рекомендаций Объединённому бюро промежуточных возможностей и МО США, которые могут

⁴ Savitz, Matthews, and Weiland, *Assessing Impact to Inform Decisions*.

быть также применены к НАТО и отдельным странам. Во-первых, логическую модель или её аналог для НАТО можно использовать на различных форумах, в том числе при обсуждении с высшими руководителями, чтобы проиллюстрировать, как НЛВО может повлиять на стратегические цели. Во-вторых, для оценки воздействия НЛВО необходимо собрать данные, которые можно использовать для расчета значений метрических показателей. Это можно сделать в ходе реальных событий, военных игр и учений. Прежде всего следует оценивать метрические показатели, связанные с элементами логической модели прочными связями со стратегическими целями, прочные в оценке.

Наше исследование также выявило, что НЛВО часто воспринимают негативно, что мешает их более широкому применению. Для решения этой проблемы мы рекомендуем потенциальным пользователям НЛВО установить последовательную и чёткую политику, концепции операций, стандарты обучения и протоколы для интеграции нелетальных возможностей в тактику, методы и процедуры. При помощи логической модели, метрических показателей, шаблонов и демонстрации технологий можно информировать о полезности НЛВО и неспециалистов. Наконец, развитие НЛВО должно идти так, чтобы снизить плановую и реальную нагрузку на операторов. В частности, чтобы привлечь потенциальных пользователей, при разработке нужно отдавать приоритет созданию НЛВО, которые легко носить, обслуживать и использовать, даже за счет конструктивных компромиссов. Кроме того, новые НЛВО, которые мы выделили как более универсальные при анализе шаблонов — в частности, акустические системы, ослепляющие лазеры и системы активного сдерживания — дают возможности, которые тоже должны быть приоритетом будущих разработок.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Криста Ромита Грохольски – физик корпорации RAND и руководитель совместной программы в интересах Среднеатлантического регионального объединённого центра наук и оценок (MARISA), финансируемой NOAA. Её исследования в RAND охватывают широкий круг тем, включая новые технологии, моделирование формирования сил и боеготовности, оценку коммерческих космических возможностей, адаптацию и устойчивость к изменению климата, а также оценку воздействия нелетального оружия. До работы в RAND Ромита Грохольски получила степень доктора и магистра астрономии Флоридского университета.

Электронная почта: kristarg@rand.org

Д-р Скотт Савиц - старший инженер корпорации RAND. Исследует главным образом повышение эффективности и стойкости оперативных сил за счет использования новых технологий и изменений в тактике. В последнее время руководил оценкой недостатка возможностей в европейской Арктике, действия нелетального оружия, информации об угрозах портам США, а также возможностей США, Японии и Бразилии по инвестированию в новые технологии. Савиц также руководил анализом требований к инфраструктуре автономных систем, повышения осведомленности о морской обстановке, оценки результатов противодействия враждебным сетям и подготовки береговой охраны к будущим операциям в Арктике. Ранее он руководил исследованиями эффективности применения беспилотных надводных аппаратов, борьбы с угрозой морских мин и способности Береговой охраны более рационально распределять средства. До того Савиц оказывал аналитическую поддержку на местах командованию противоминных операций ВМС и ВМС Центрального командования США. Руководил группами наблюдателей на учениях по всему миру и поддерживал военно-морской флот в Бахрейне в 2001-2003 гг., решая военно-политические вопросы, задачи борьбы с терроризмом и химической, биологической и радиологической защиты. Савиц получил степень бакалавра химического машиностроения в Йельском университете, а также степень магистра и доктора в той же области в Пенсильванском университете.

Электронная почта: ssavitz@rand.org

Военные игры с промежуточными силовыми возможностями: Стратегические последствия тактических решений

Питер Добиас,¹ Кайл Кристенсен,¹ Вильям Фрид²

¹ Управление НИОКР МО Канады, Центр оперативных исследований и анализа, Оттава, Онтарио, <http://www.drdc-rddc.gc.ca>

² Объединённое бюро промежуточных возможностей, Командование ВС США в Европе, Штутгарт, Германия, <https://jnlwp.defense.gov>

Аннотация: В статье описана разработка и испытания двух гибридных военных игр по развитию промежуточных силовых возможностей (Intermediate Force Capabilities, IFC). В первой игре проигрывается способность оперативного соединения ВМС противодействовать гибридным угрозам в серой зоне. Во второй игре проверяется способность оперативной группировки НАТО, развёрнутой в третьей стране, обучить местные силы безопасности борьбе с партизанами, обученными и поддерживаемыми соседней страной. IFC дают возможности реагирования между бездействием и применением летальной силы в политически невыгодной ситуации. Цель серии военных игр – оценить, могут ли IFC помочь успеху миссии против гибридных угроз в серой зоне. Эта серия военных игр особенно важна, поскольку в ней по-новому использована традиционная механика игры для оценки влияния IFC на успех стратегических миссий. В частности, серия гибридных игр показала, что IFC вполне могут заполнить пробел между бездействием и применением летальной силы. IFC способны повысить эффективность операций, позволяя более сдержанно использовать силу для эскалации/ деэскалации ситуации и увеличивая время принятия тактических решений. Для эффективных действий в нынешних условиях гибридных угроз необходимы средства поражения как личного состава, так и техники (с их миниатюризацией).

Ключевые слова: серая зона, гибридные угрозы, военная игра, матрица, некинетический, нелетальный.

Вступление

Гибридные угрозы

При исследованиях международной безопасности в последние годы всё больше внимания обращают на тактику гибридных угроз в серой зоне. В недавнем исследовании RAND серая зона определяется как «оперативное пространство между миром и войной, с применением мер принуждения для изменения статус-кво ниже порога, который в большинстве случаев вызывает конвенциональную военную реакцию, часто – путём размывания границы между военными и невоенными действиями и усложнения определения авторства».¹

Цель тактики гибридных угроз в серой зоне – создать стратегические, оперативные и/или тактические дилеммы для противника, избегая прямой конфронтации.² Удерживая эти действия ниже порога войны между государствами, эта тактика нацелена на то, чтобы вынудить противника либо принять новый статус-кво, либо применить силу для разрешения дилеммы (и тем самым самому стать агрессором). Использование гибридных угроз включает все элементы государственной власти. Наиболее наглядными примерами таких подходов сейчас являются Россия, Китай и Иран.³ Они рассматривают взаимоотношения государств как «континуум конфликта», в котором промежуток между миром и войной – это просто область конфликта другими средствами. Реализация этой гибридной тактики у России и Китая, с одной стороны (экономическое принуждение, политическое влияние,

¹ Frank G. Hoffman, “Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges,” *PRISM* 7, no. 4 (November 8, 2018): 30-47, <https://cco.ndu.edu/news/article/1680696/examining-complex-forms-of-conflict-gray-zone-and-hybrid-challenges/>; Lyle J. Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone: Response Options for Coercive Aggression Below the Threshold of Major War*, Research Report (Santa Monica, CA: RAND Corporation: 2019), 8, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2942.html.

² Andrew F. Krepinevich, Barry Watts, and Robert Work, *Meeting the Anti-Access and Area-Denial Challenge* (Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003), 2-3, <https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf>.

³ Peter Hunter, “Political Warfare and The Grey Zone,” in *Projecting National Power: Reconceiving Australian Air Power Strategy for an Age of High Contest*, Special Report 142 (Australian Strategic Policy Institute, August 2019), <https://s3-ap-south-east-2.amazonaws.com/ad-aspi/2019-08/SR%20142%20Projecting%20national%20power.pdf>; Erik Reichborn-Kjennerud and Patrick Cullen, “What is Hybrid Warfare?” Policy Brief 1 (Norwegian Institute for International Affairs, January 2016), https://nupi.brage.unit.no/nupi-xmlui/bitstream/handle/11250/2380867/NUPI_Policy_Brief_1_Reichborn_Kjennerud_Cullen.pdf; James K. Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare,” *Connections: The Quarterly Journal* 15, no. 2 (2016): 73-87, <https://doi.org/10.11610/Connections.15.2.06>.

специальные методы ведения войны, информационные и кибер-операции),⁴ и Ирана (военно-технические аспекты), с другой, различна, но конечная стратегическая цель одна та же: усложнить, сдержать, воспретить доступ противника к геостратегически важным районам.⁵

Промежуточные силовые возможности

Хотя использование пространства ниже порога вооружённого конфликта и применение мер ограничения и воспрещения доступа и манёвра (A2/AD) сами по себе не новы,⁶ их широкое применение Россией, Китаем и Ираном во всех сферах и всеми средствами в последние годы ставит уникальные задачи перед стратегами. При всей важности поддержания летальных военных возможностей для противодействия таким экстремальным ситуациям, ещё более важно развивать возможности, которые позволят силам союзников реагировать на ситуации ниже порога летальной конфронтации. В ином случае союзные силы столкнутся с дилеммой: не делать ничего или применить летальную силу (каждый из этих вариантов может повлечь серьёзные стратегические последствия), реагируя на создаваемые врагом вызовы. Желаемая реакция между этими двумя крайностями известна как промежуточные силовые возможности (IFC).

Развитие IFC началось в середине 1990-х гг., отчасти из-за событий в Сомали, и в то время сводилось к разработке нелетальных видов оружия (НЛВО). Работы касались преимущественно применения существующих систем для снижения риска потерь, в частности, резиновых пуль/дробь, устройств электромышечного воздействия (Taser™), водометов, светошумовых гранат и даже сетей.⁷ Большинство из этих систем предназначались для сдерживания толпы. В ряде случаев их применение ограничивалось законом; например, если правоохранительные органы могли использовать слезоточивый газ, то у военных он подпадал под запрет химического оружия.⁸

Однако войны в Ираке и Афганистане вновь показали потребность в НЛВО, в особенности при выходе за рамки простых мер сдерживания толпы

⁴ Sydney J. Freedberg Jr., "Cyber Warfare in The Grey Zone: Wake Up, Washington," *Breaking Defense*, April 9, 2019, <https://breakingdefense.com/2019/04/cyber-warfare-in-the-grey-zone-wake-up-washington/>.

⁵ Morris et al., *Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone*.

⁶ James Lacey, "Battle of the Bastions," *War on the Rocks*, January 9, 2020, по состоянию на 28 марта <https://warontherocks.com/2020/01/battle-of-the-bastions/>.

⁷ Joint Non-Lethal Weapons Directorate, "Intermediate Force Capabilities: Bridging the Gap Between Presence and Lethality," Executive Agent's Planning Guidance 2020 (United States: Department of Defense, March 2020), <https://mca-marines.org/wp-content/uploads/DoD-NLW-EA-Planning-Guidance-March-2020.pdf>.

⁸ Office for Disarmament Affairs, "1925 Geneva Protocol: Protocol for the Prohibition of the Use in War of Asphyxiating, Poisonous or Other Gases, and of Bacteriological Methods of Warfare" (Geneva: United Nations, June 17, 1925), по состоянию на 28 марта 2021, <https://www.un.org/disarmament/wmd/bio/1925-geneva-protocol/>.

и защиты войск, для уменьшения числа жертв среди гражданского населения.⁹ В последние годы фокус сместился на общее развитие IFC с целью получения более эффективных комплексных средств для применения в серой зоне. Использование этой зоны противниками обуславливает необходимость разработки, испытаний и внедрения IFC. По мнению Объединённого бюро промежуточных возможностей (Joint Intermediate Force Capabilities Office, JIFCO), противоборство в серой зоне доминирует во всём концептуальном «спектре боевых действий» и идеально для развития IFC.¹⁰

IFC призваны обеспечить эффективное управление и контроль эскалации от тактического до стратегического уровня операций во всех сферах. Возможность контролировать и управлять эскалацией позволит коалиционным силам захватить и сохранить оперативную и стратегическую инициативу и, таким образом, сдерживать потенциального противника. IFC гораздо шире, чем НЛВО. В частности, при разработке IFC рассматривается широкий спектр средств поражения личного состава и техники (включая нелетальные системы направленной энергии). IFC также охватывают информационные операции, кибернетические возможности и РЭБ (например, ограничение возможностей для принятия противником решений в кибер- и инфопространстве).¹¹ Главное – IFC не должны вредить летальности войск в целом.¹² IFC – это инвестиция в снижение стратегических рисков, которая предоставляет военным инструменты, позволяющие захватить инициативу при противостоянии ниже уровня вооруженного конфликта, и, таким образом, обеспечивает более целевое и эффективное применение летальной силы.

Научный ответ НАТО

Под эгидой Группы изучения результатов системного анализа (SAS) Организации науки и технологий (STO) НАТО была проведена серия исследований (SAS-035, SAS-060, SAS-078 и SAS-094) вариантов НЛВО. Благодаря исследованию SAS-078 был составлен список требований двух стратегических командований НАТО к НЛВО. Это исследование также прояснило суще-

⁹ NATO Science and Technology Organization (STO), “Analytical Support to the Development and Experimentation of NLW Concepts of Operation and Employment,” Technical Report STO-TR-SAS-094 (NATO STO, April 2017).

¹⁰ Wendell B. Leimbach Jr., “DoD Intermediate Force Capabilities: Bringing the Fight to the Gray Zone,” Information Brief (Joint Non-Lethal Weapons Directorate), https://jnlwp.defense.gov/Portals/50/Documents/Resources/Presentations/IFCOverviewBrief_CoL_short.pdf.

¹¹ Joint Non-Lethal Weapons Directorate, “Strategic Plan 2016-2025: Science & Technology Joint Non-Lethal Weapons Program” (United States: Department of Defense, 2016), https://jnlwp.defense.gov/Portals/50/Documents/Resources/Publications/Government_Reports/JNLWP_ST_Strategic_Plan_FINAL_Distro_A.pdf.

¹² Joint Non-Lethal Weapons Directorate, “Strategic Plan 2016-2025,” 1.

ствовавшие на тот момент возможности НЛВО и, соответственно, недостатки возможностей/ систем НЛВО НАТО.¹³ Затем последовало исследование SAS-094 по изучению эффективности воздействия НЛВО в ходе боевых действий. Анализ постконфликтных операций выявил способность НЛВО увеличить время и пространство принятия решений для солдат в случае эскалации инцидентов, связанных с применением силы. НЛВО рассматривались как средство изоляции и ослабления целей или их поражения, когда применение летальной силы неуместно.¹⁴ Эти наблюдения были подтверждены аналогичными выводами двух учений по испытанию нелетальных технологий НАТО, проведенных в тесной связи с исследованием SAS-094.¹⁵

Цель последнего из этих исследований, SAS-151 – изучение решений, обеспечивающих вклад промежуточных силовых возможностей (IFC)/ нелетального оружия (NLW) в успех миссии. Цель исследования – на основе работ SAS-094 изучить влияние IFC на успех миссии и его масштаб. В рамках общей методики SAS-151 было решено использовать для полной оценки эффективности IFC серию военных игр. Эти военные игры были разработаны специально для оценки стратегических и оперативных последствий тактического применения IFC в условиях гибридных угроз. В следующих разделах кратко описаны планирование, проведение и результаты двух гибридных военных игр, состоявшихся в сентябре 2020 г. (оценка эффективности миссий IFC в военно-морских операциях) и апреле 2021 г. (оценка эффективности миссий IFC на суше/в городе).

Военные игры и промежуточные силовые возможности

По своей сути военные игры — это инструменты осознанного принятия решений в условиях неполной и неточной информации.¹⁶ Их можно использовать для оценки и/или генерации инновационных идей, решения будущих оборонных проблем и применять на всех уровнях ведения войны. Существует множество различных типов военных игр. В наиболее распространенных настольных тактических играх используют военные тактические учения на карте или макете (нем. Kriegspiel), а в стратегических играх обычно

¹³ NATO Research and Technology Organization (RTO), “Non-Lethal Weapons Capability-Based Assessment,” RTO Technical Report RTO-TR-SAS-078 (AC/323(SAS-078)TP/461, December 2012).

¹⁴ NATO STO, “Analytical Support to the Development and Experimentation of NLW Concepts.”

¹⁵ NATO STO, “Analytical Support to the Development and Experimentation of NLW Concepts.”

¹⁶ U.S. Naval War College, *War Gamers’ Handbook: A Guide for Professional War Gamers* (Newport, RI: U.S. Naval War College, November 2015), <https://apps.dtic.mil/sti/dfs/AD1001766.pdf>.

применяют матричный подход.¹⁷ Однако в стратегической ситуации, подобной описанной выше, когда коалиционные силы должны реагировать на гибридные угрозы в серой зоне, а эффекты различных сочетаний возможностей могут иметь серьёзные стратегические последствия для успеха или неудачи, ни тактические учения на карте, ни матричная игра в отдельности не дадут результата.

Военные тактические учения на карте и матричная игра

Военные тактические учения на карте обычно эффективны на тактическом уровне. Однако их обычно сжатые сроки и часто ограниченный масштаб не позволяют развивать стратегическую картину. Даже крупномасштабные оперативные игры, обычно происходящие на стратегическом фоне, не учитывают изменений в самой стратегической среде.¹⁸ Матричные же игры позволяют эффективно моделировать принятие стратегических решений и стратегические последствия оперативных решений, но поскольку они, как правило, относятся к высокому уровню, и в них используются обобщенные/агрегированные военные возможности, они не пригодны для сравнения двух и более вариантов тактических возможностей. Поэтому в SAS-151 был применён подход с выполнением модифицированной (сокращённой) версии матричной игры для оценки результата первоначальных тактических учений на карте. Сами такие учения были встроены в оперативно-стратегический контекст матричной игры, что позволило менять стратегическую обстановку.¹⁹ Хотя ключевые компоненты действий игрока и главные шаги игры были сохранены, их применение вместе для оценки эффективности IFC в серой зоне представляет собой уникальную адаптацию этих традиционных игр.²⁰

Реализация военной игры

Гибридная военная игра изначально задумывалась как настольная, но с появлением вируса SARS-CoV-2 (Covid-19) и вызванными им ограничениями на

¹⁷ U.K. Ministry of Defence, *Wargaming Handbook* (London: Development, Concepts and Doctrine Centre, Ministry of Defence, August 2017), https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/641040/doctrine_uk_wargaming_handbook.pdf.

¹⁸ Matthew B. Caffrey Jr., "On Wargaming: How Wargames Have Shaped History and How They May Shape the Future," *The Newport Papers* 43 (U.S. Naval War College, January 2019), <https://digital-commons.usnwc.edu/newport-papers/43>.

¹⁹ "International Safety Research, Summary Report 1: Vignettes, Scenarios and Tasks," *Force Protection Requirements for the Canadian Surface Combatant*, Report 7.06, CORA Task 019, ISR Report W7714-156105-T019 7.06, Version 2.0 (DRDC-RDDC-2017-C054, March 17, 2017).

²⁰ Kyle D. Christensen and Peter Dobias, "Wargaming the Use of Intermediate Force Capabilities in the Gray Zone," *The Journal of Defense Modeling and Simulation* (April 2021), <https://doi.org/10.1177/15485129211010227>.

поездки, введенными правительствами многих стран, было решено разработать и запустить игру онлайн в виртуальной среде. Был рассмотрен ряд разных веб-решений. Главным ограничением было то, что предлагаемое решение должно было учитывать разные требования пользователей: некоторые игроки использовали персональные компьютеры, другие – рабочие/правительственные/компьютеры НАТО. Игровая настройка не требовала сложных инструкций по входу в систему или подключению, была достаточно стабильной для длительного игрового процесса и экономически эффективной. В итоге рабочая группа по военным играм SAS-151 остановилась на сочетании простой платформы видеоконференций (использовался WebEx™ благодаря доступности видео) с Google Docs™/Google Slides™ для командных текстовых чатов и игрового процесса. Из-за сложности настройки гибридной игры SAS-151 провел полномасштабную тестовую игру для проверки методики, сценариев и онлайн-исполнения игровых инструментов.

Морской сценарий предусматривал отпугивание кораблей коалиции с применением морского ополчения, быстроходных катеров, надувных лодок с жестким корпусом, других военных кораблей и средних БПЛА двух враждебных стран. Эти силы препятствовали проходу оперативного соединения ВМС НАТО по оспариваемому водному пути и его воздушным операциям. Противники могли использовать тактику беспокоящих действий, роёв и/или внезапных ударов с быстрым отходом, чтобы затруднить принятие решений командующим оперативным соединением ВМС НАТО. Кроме того, сценарий предусматривал сложную ситуацию с безопасностью игроков. По сути, любой просчет или чрезмерное применение силы могло иметь серьёзные стратегические последствия. В игре две враждебные страны также вели постоянную информационную кампанию по дискредитации НАТО и задач оперативного соединения.²¹

Сухопутный сценарий предполагал развёртывание оперативной группировки НАТО в третьей стране для обучения местных сил безопасности. Объединенным силам безопасности страны пребывания и НАТО противостояли партизаны (обученные и/или контролируемые соседней страной), пытавшиеся вытеснить НАТО из региона. Партизаны использовали гражданских лиц в качестве живого щита и/или подстрекали толпу, чтобы ограничить свободу действий НАТО. Общественное мнение в стране пребывания было в основном против присутствия НАТО в регионе. Кроме того, соседняя страна концентрировала силы на границе, заявив о намерении защитить

²¹ Kyle D. Christensen, and Peter Dobias, *Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 2 – NATO Naval Task Group in Confined Waterway* (NATO Science and Technology Organization, Pre-Released Technical Report, STO-TR-SAS-151 Annex F, March 2021).

свое этническое меньшинство в стране пребывания. Поэтому любое применение силы могло иметь существенные стратегические последствия для сил НАТО в регионе.²²

Ход военной игры

В военной игре приняли участие военные, стратегические, оперативные и региональные аналитики, и специалисты по IFC. Участники представляли разные страны (Бельгия, Канада, Дания, Германия, Италия, Великобритания, США) и штабы НАТО (Командование трансформации ОВС НАТО, Центр передового опыта боевых действий в замкнутых водах и на мелководье, Центр передового опыта военной полиции и Центр передового опыта боевых действий в прибрежных районах).

Для каждого сценария рассматривались два варианта возможностей:

- Вариант А – базовый (IFC нет, устаревшие НЛВО, например, винтовки FN-303), и
- Вариант В – IFC ближайшего будущего (техника, которая есть сейчас или может поступить на вооружение в ближайшие 5 лет).

В играх применялись такие IFC, как системы активного сдерживания (ADS), ослепляющие лазеры, акустические устройства дальнего действия (LRAD) и различные стационарные и портативные системы борьбы с БПЛА, способные не только беспокоить и предупреждать, но и перехватывать и нейтрализовывать потенциальные угрозы на расстоянии. Ожидалось, что это даст союзным силам больше возможностей для контроля (эскалации/деэскалации) ситуации и перехвата стратегической инициативы.

Основные выводы

Вариант А: Выводы

Несмотря на отличия в сценариях, тактическая ситуация в обоих рассмотренных вариантах развивалась аналогично. Так, при варианте А во время военных тактических учений на карте противнику в целом удалось сохранять инициативу и проявлять агрессию по отношению к союзным силам. В обоих сценариях эскалация вышла из-под контроля. При морском сценарии тактическая игра закончилась пусками ракет по союзным судам и торпед как союзными, так и вражескими силами. При наземном сценарии наши войска были вынуждены применить чрезмерную силу (включая применение слезоточивого газа в толпе и стрельбу фугасными снарядами по гражданским целям), что побудило противника ввести войска и обстрелять ракетами базу НАТО в стране пребывания. В обоих случаях неспособность НАТО сдержать и контролировать эскалацию предоставила противнику

²² Maude Amyot-Bourgeois, Brittany Astles et al, *Use of Intermediate Force Capability Game Series: Game 3 – NATO Task Group in Land Wargame Scenario* (Pre-Released Technical Report, STO-TR-SAS-151 Annex G, October 2021).

стратегическую инициативу. Противник смог развить эти тактические действия и весьма эффективно использовать их в информационных операциях и дипломатических усилиях по подрыву целей и усилий коалиции в игре (о чём пойдёт речь ниже).

Однако надо отметить, что схожие тактические итоги стали результатом совершенно разных подходов к решению тактических дилемм, возникших в морских и сухопутных играх. В морской игре союзные силы, как правило, были пассивны и часто ничего не делали (или фиксировали агрессивные действия противника). Ограниченный диапазон ответных мер (бездействие или применение силы), по-видимому, поощрил противника на более агрессивные действия. Даже такие, казалось бы, безобидные события, как сбитие БПЛА стрелковым оружием для посадки вертолета, имели глубокие и значимые последствия в информационном пространстве. В наземной игре ограниченные возможности реагирования привели к ранней эскалации силы против толпы (использование резиновых пуль и слезоточивого газа в самом начале игры) и быстрому и чрезмерному применению летальной силы против партизан в присутствии гражданских лиц (использование ВВ для подавления боевиков противника). Это позволило союзным силам восстановить некоторую свободу действий, но одновременно дало противнику повод для дальнейшей эскалации, успешно используя при этом информационные операции, чтобы представить союзные силы агрессорами. Ни на каком этапе наземной игры по варианту А союзные силы не могли контролировать цикл эскалации или деэскалировать ситуацию.

В обоих сценариях напористые действия противника перешли в стратегическую матричную игру. В матричной игре противник смог монополизировать повестку, навязанную им в тактической игре, и представил союзные силы воинственными, авантюрными, неумелыми и неспособными, источником эскалации напряженности в регионе. Морская игра закончилась тем, что нейтральная страна, которая сначала поддерживала силы НАТО, пересмотрела свое партнёрство с НАТО. Аналогичным образом, в наземном сценарии противник смог использовать чрезмерные жертвы среди гражданского населения и ущерб инфраструктуре, чтобы добиться вотума недоверия правительству, поддерживавшему присутствие НАТО в регионе. Соседняя страна даже смогла укрепить свой международный авторитет и оправдать вмешательство в дела принимающей страны. С этой точки зрения, в обоих сценариях вариант А привел к стратегическим успехам противника: позиции противника укрепились, а позиции НАТО в регионе ослабли.

Вариант В: Выводы

В обоих сценариях использование ИФС изменило стратегическую ситуацию в пользу дружественных сил. На тактическом уровне, при морском сценарии, попытке противника применить силу помешало использование НАТО ИФС. ИФС позволили пресечь нежелательные действия и/или сорвать способность противника применить силу. К концу тактической игры противник практически не отвечал на действия НАТО. Похоже, что знания и наличие ИФС само по

себе заставило противника более серьёзно отнестись к возможности использования своих нелетальных средств. Противник также был более сдержан в эскалации. При наземном сценарии союзные силы смогли использовать IFC, чтобы сорвать первоначальные враждебные действия антиправительственных элементов в толпе. Не менее важно и то, что дружественные силы смогли использовать IFC для подавления партизанского движения и, таким образом, более взвешенно применять летальную силу. Ограниченное применение летальной силы значительно сократило число жертв среди гражданского населения и, главное, разрушило нарратив противника о виновности и агрессивности сил НАТО.

Однако следует отметить, что в военной игре по варианту Б не обошлось без попыток эскалации. В морской игре противник произвел предупредительные выстрелы по судну снабжения и одному из фрегатов НАТО (после устного предупреждения кораблям НАТО). Эти предупредительные выстрелы привели к повреждению фрегата. Однако по ходу игры попытки противника спровоцировать силовой ответ НАТО (будучи более агрессивными) были заблокированы IFC. Поэтому противнику в ходе морской игры пришлось реагировать. Аналогичным образом, в наземной игре партизаны смогли нанести определённый ущерб силам, транспортным средствам и инфраструктуре НАТО и страны пребывания при помощи ударных БПЛА, РПГ, СВУ и пулеметов. Но использование IFC сорвало и ослабило враждебные действия, поэтому ущерб был значительно меньше, чем в варианте А. В обоих сценариях вместо контроля ситуации и её эскалации IFC устранили повод/мотив для применения силы противником и позволили нашим войскам перехватить тактическую инициативу.

Главное – перехват инициативы союзными силами дал стратегический результат, существенно отличающийся от варианта А. В морской игре позиции НАТО в регионе усилились, нейтральная страна стремилась теснее сотрудничать с НАТО. В сухопутном сценарии, хотя общая оппозиция НАТО в регионе не была устранена, она, по крайней мере, не стала хуже и оставалась управляемой для правительства принимающей страны. Результат также повысил привлекательность НАТО как регионального партнёра и подорвал международную репутацию противника, особенно его цель – ограничить или устранить присутствие НАТО. Враждебная страна не смогла укрепить свои позиции ни в одном из сценариев. С этой точки зрения наличие IFC способствовало стратегическим успехам НАТО.

Важным аспектом, отмеченным во время наземной игры, были ограничения по весу/размеру и, следовательно, мобильности IFC, особенно в сухопутном сценарии. В морской игре это не особо беспокоило, но в сухопутном сценарии было бы желательно иметь, например, систему активного сдерживания (которая была самой универсальной и эффективной системой в игре), установленную на машинах или даже вертолетах. Было отмечено,

что мобильная система активного сдерживания повысит оперативную эффективность конвоя, пусть даже за счет уменьшения дальности действия системы.

IFC и тактические решения: пространство и время в условиях дилемм

Как указано выше, главной тактической чертой IFC было то, что они увеличили время и пространство для принятия решений командующим оперативной группой НАТО, когда тот сталкивался с тактическими дилеммами. В данном случае эти дилеммы были вызваны эскалацией и провокациями противников. IFC дали силам НАТО возможность контролировать эскалацию, что в конечном счёте создало дилеммы для противника. Без IFC союзные силы должны были либо бездействовать, либо отвечать на враждебные действия летальной силой, а с помощью IFC они смогли захватить инициативу. В конце концов реагировать стал именно противник. Например, в морской игре командующий НАТО смог посадить вертолет таким образом, что первоначальная попытка враждебных сил помешать высадке сработала в пользу нарратива НАТО. Аналогичным образом, в наземной игре враждебные элементы в толпе и партизаны были вынуждены занять более пассивно-агрессивную позицию и подстрекать толпу перекрыть дорогу. Это позволило союзным силам позиционировать себя как защитников гражданского населения, пострадавшего от этих враждебных действий.

Возможность выиграть время и пространство для принятия решений подтверждают результаты и выводы, сделанные в ходе двух учений НАТО с нелетальными технологиями, упомянутых выше. Оказалось, что наличие нелетальных средств даёт тактическим командирам время и пространство для принятия критически важных решений о выборе курса действий, уменьшающего побочный ущерб, приводящего к снижению потерь среди гражданского населения и повышающего вероятность отражения реальных угроз.²³ Аналогичные выводы следуют и из моделирования вариантов защиты корабельных сил от группы катеров.²⁴

IFC и стратегическая инициатива

В обеих военных играх смена тактической инициативы привела к соответствующему сдвигу в стратегической инициативе. Как только силы НАТО смогли перехватить инициативу на тактическом уровне, это отразилось на стратегическом нарративе и на отношениях НАТО с союзниками на оперативном уровне. Наличие IFC предотвратило ситуацию, когда партнёры по коалиции ставят под сомнение дальнейшую поддержку миссии НАТО (как

²³ NATO STO, "Analytical Support to the Development and Experimentation of NLW Concepts."

²⁴ Peter Dobias and Cheryl Eisler, "Modeling a Naval Force Protection Scenario in MANA," *Operational Research and Management Science Letters* 1, no. 1 (2017): 2-7, <https://www.orlabanalytics.ca/ormsl/archive/v1/n1/ormslv1n1p2.pdf>.

это произошло в военной игре по варианту А). На деле, в морской игре IFC дали прямо противоположный результат. В ходе планирования союзники НАТО постоянно говорили о необходимости оставаться рядом, под защитой IFC НАТО. Один игрок описал эффективность IFC так: «Никаких шагов/действий на этом этапе. Остаёмся под защитой IFC и наблюдаем, как враг убивается об IFC». При наземном сценарии наличие IFC позволило силам НАТО ограничить эскалацию в результате действий сил безопасности принимающей страны. На одном этапе подразделение принимающей страны планировало использовать резиновые пули и слезоточивый газ. Однако применение силами НАТО систем активного сдерживания изменило тактическую ситуацию, и силам безопасности принимающей страны больше не пришлось рассматривать возможность использования эскалационных действий или систем.

На оперативном уровне IFC дали силам НАТО время и пространство для заблаговременного планирования. В морском сценарии, в отличие от варианта А, где оперативное соединение ВМС рассредоточено и не контролирует ситуацию в условиях возрастающей угрозы или нападения, в варианте Б оперативное соединение контролировало ситуацию, уровень угрозы уменьшался, и главное – мощь оперативного соединения ВМС НАТО росла. Таким образом, в ходе военных игр IFC позволили оперативному соединению ВМС сохранить свою мощь, свободу действий и манёвра. В стратегическом контексте сценария это было весьма важно. Согласно этому сценарию, оперативное соединение ВМС противника—современный, боеспособный флот—находилось менее чем в пяти часах хода от оперативного соединения ВМС НАТО. Благодаря наличию IFC оперативное соединение НАТО будет иметь гораздо лучшие условия для борьбы с потенциальной угрозой. Аналогичным образом, в наземном сценарии использование IFC, особенно средств остановки транспорта и ослепляющего лазера, установленных вместе на удаленных боевых модулях, позволило силам НАТО и страны пребывания подавить/ослабить партизан и применять летальную силу избирательно, активно и под меньшим давлением.

Еще один важный вывод заключался в том, что противнику не удалось использовать мелкие события для получения существенных преимуществ. Так, отсутствие видеозаписей применения силы силами НАТО ослабило информационную кампанию противника. Хотя противник во время стратегической матричной игры по-прежнему проводил откровенную кампанию дезинформации, его нарратив имел меньше или вовсе не имел подтверждений, что вынуждало его использовать фейковые новости.

Необходимость стратегического нарратива

В морском сценарии был один важный момент. После того, как силы НАТО применили IFC, а именно ADS, противник назвал его «лучом смерти» и использовал фальшивые фотографии и видео ранений в обоснование своих утверждений. Это вынудило НАТО занять оборонительную позицию в отно-

шении этой версии. Контрнарратив НАТО, заключающийся в том, чтобы говорить правду и быть прозрачным (т.е. приводить результаты испытаний, давать данные использования/испытаний IFC, научных исследований и демонстраций), был не слишком эффективен во время военных игр. Такое запоздание может создать проблемы с признанием не только среди враждебно настроенного населения (что не удивительно), но и среди сторонников (что более тревожное). К сожалению, сам характер IFC направленной энергии позволяет рассуждать о смерти или тепловых лучах, даже когда эти возможности пытаются представить в положительном свете.²⁵ А о последних случаях возможного применения IFC пишут, что они «прожаривают солдат» и «выжигают вас изнутри».²⁶

Резюме и дальнейшие исследования

Морские и сухопутные военные игры НАТО SAS-151 убедительно показали, что IFC обеспечивают важный набор возможностей для управления эскалацией во время конфликта ниже порога межгосударственной войны. В рассмотренных сценариях IFC позволяли командующему коалиции решать дилеммы безопасности, возникающие в результате провокационных и даже эскалационных действий противника. В результате союзные силы смогли перехватить инициативу и вынудили противника использовать дезинформацию и фейковые новости. Однако было также замечено, что противник эффективно использовал нарратив «луча смерти» в отношении IFC, используя фейковые новости и фальсифицированные видео. Это говорит о том, как важно быть прозрачным при испытаниях на безопасность до развертывания таких систем, чтобы упредить этот нарратив в случае использования IFC.

Сухопутная военная игра актуализировала вопросы мобильности (а значит, ограничений веса и размера IFC). Например, хотя системы активного сдерживания были очень эффективны в обоих сценариях, в наземном сценарии она была бы гораздо эффективней, если бы её можно было установить на автомобилях или летательных аппаратах.

Результаты военных игр будут использовать для разработки концепции IFC НАТО и для дополнительных игр, где уже запланировано комплексное

²⁵ Benjamin Bissell, "The Navy's Scary New Death Ray," *Lawfare*, November 17, 2014, по состоянию на 1 декабря 2020, <https://www.lawfareblog.com/navys-scary-new-death-ray>; Luke Fleet, "Dreaming of Death Rays: The Search for Laser Weapons," *Nature*, January 9, 2019, по состоянию на 1 декабря 2020, <https://www.nature.com/articles/d41586-019-00024-0>.

²⁶ Tim Stickings, "China 'Used Secret Microwave Pulse Weapon to Cook Indian Soldiers Alive' and Force Them Into Retreat in Himalayan Border Battle," *Daily Mail*, November 17, 2020, по состоянию на 30 ноября 2020, <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8957019/China-used-secret-microwave-pulse-weapon-Indian-soldiers.html>; James Plafke, "China's New Microwave Pain Beam Burns You From the Inside Out," *Extreme Tech*, December 10, 2014, по состоянию на 10 декабря 2020, <https://www.extremetech.com/extreme/195671-chinas-new-microwave-pain-beam-burns-you-from-the-inside-out>.

моделирование и симуляции для проверки действия и концепции IFC. Ожидается, что можно будет использовать совместный сценарий для уточнения и проверки концепции, а также чтобы подтвердить эффективность IFC для других категорий IFC (таких, как кибер- и электронная война) в разных сферах.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Питер Добиас – см. резюме на с. 9 этого издания, <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.2.00>.

Кайл Кристенсен – см. резюме на с. 56 этого издания, <https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.2.03>.

Билл Фрид начал свою военную карьеру пехотным офицером, пройдя путь от командира взвода до командира противотанковой роты. Затем г-н Фрид перешел в отдел психологических операций (PSYOP), где он помогал «зеленым беретам» во время двух командировок в Кандагар, Афганистан. Г-н Фрид был там командиром роты тактических психологических операций. Его снова направили в Кабул (Афганистан) в качестве директора по связям со СМИ Объединенных сил психологических операций НАТО. По возвращении он стал старшим офицером 13-го батальона психологических операций. Г-н Фрид перешел на должность гражданского специалиста по планированию психологических операций в Европейском командовании США. В то время он планировал применение нелетального оружия в Европейском командовании США и был участником рабочей группы НАТО по анализу и исследованию систем, изучавшей способы противодействия деятельности злоумышленников в серой зоне. Сейчас г-н Фрид работает специалистом по планированию психологических операций в Киберкомандовании ВС США.

Брос нарративов в информационное поле боя

Сьюзен Уолдмен, Шон Гавел

Управление НИОКР МО Канады, <https://www.canada.ca/en/defence-research-development.html>

Аннотация: Давно очевидно, что борьба в информационном поле влияет на итоги борьбы физической. В нашу эпоху войны нарративов в серой зоне, идущей в социальных сетях, влияние нарратива только возрастает. Существующие нормы удерживают вооружённые силы демократических стран от разработки информационных приёмов, допустимых в авторитарных странах – с применением фейков, сокрытия своих действий и других форм введения в заблуждение. Чтобы состязаться на полях информационной войны, вооружённые силы демократических стран должны усилить свои возможности по распространению правдивой, приближенной к реальному времени, полной информации о военной деятельности с реальными, основанными на ценностях установками, основанными на вековых формулах, для широкой общественности и целевых аудиторий.

Ключевые слова: нарратив, стратегическая коммуникация, информационные операции.

Вступление

NATO и её страны-участницы вот уже почти 10 лет отмечают важность разработки и продвижения стратегических нарративов, ибо действия на информационном фронте влияют на результат на реальных фронтах.¹ Обеспечивая единство восприятия сторон, действий, мотивов и обстоятельств внешней и военной политики и практики, нарративы влияют на восприятие политики и практики стратегическими противниками и союзниками, а также

¹ Steven R. Cornyn, "NATO Strategic Comm and Narrative in Afghanistan," *COMOPs Journal*, June 21, 2012, <https://csc.asu.edu/2012/06/21/nato-strategic-comm-and-narrative-in-afghanistan/>.

аудиторией, среди которой эти игроки ищут согласие, поддержку и сторонников.²

Борьба нарративов обострилась в последние 20 лет из-за появления соцсетей и распада институтов формирования консенсуса.³ Сегодня каждое событие или ситуацию в мире окружает какофония нарративов, поскольку разные игроки и группы подают событие или ситуацию по-своему. В этой схватке дискурсов те, у кого нет информации от первоисточника, подвергаются воздействию конкурирующих нарративов других игроков и групп (большинство из которых тоже не имеют такой информации), в результате чего событие или ситуация соответствует неким заранее заданным базовым нарративам о мироустройстве, а также нарративам о разных игроках и проблемах. Конкуренентоспособность нарратива в этом контексте означает способность создавать более убедительные связи между элементами информации, которые служат цели продвижения нарративов для получения стратегической выгоды.

Хотя некоторые участники борьбы нарративов верят в то, что они говорят, конкуренцию нарративов могут использовать и часто используют противники, стремящиеся продвигать и поддерживать некие версии событий лишь потому, что они отвечают их интересам. Такие игроки используют созданные нарративами ассоциации как действенный психологический метод, ослабляющий способность и волю к самостоятельному когнитивному познанию. По сути, они используют новости, чтобы вызвать у людей ощущение, что те сразу поняли событие или ситуацию, без необходимости вдаваться в детали. Внедрённый таким образом нарратив называют «конфликтным нарративом», или «войной нарративов», если её организует или ведёт государство в своих интересах против других государств.⁴ Государства и другие структуры ведут войну нарративов посредством «чёрных операций», используя выдуманные или вырванные из контекста истории, фейковые аккаунты, сети ботов, чтобы усилить продвижение нужного нарратива, и троллей, чтобы запугать и в итоге заткнуть рот тем, кто продвигает конкурирующие нарративы.⁵

² Thomas Elkjer Nissen, "Narrative Led Operations," *Militært Tidsskrift* (Danish Military Journal) 141, no. 4 (January 2013): 67-77.

³ Brad Allenby and Joel Garreau, eds., *Weaponized Narrative: The New Battlespace* (Washington, D.C.: Weaponized Narrative Initiative, Center on the Future of War, March 21, 2017), <https://weaponizednarrative.asu.edu/file/272/download?token=kV886rEe>.

⁴ Paul Cobaugh, "A Five-Point Strategy to Oppose Russian Narrative Warfare," *medium.com*, April 25, 2018, <https://medium.com/@paulcobaugh/a-five-point-strategy-to-oppose-russian-narrative-warfare-56e0006aab2a>.

⁵ Anthony Seaboyer, "Social Media Messaging for Influence in National Security," Technical Report DRDC-RDDC-2016-C257 (Toronto, ON: Toronto Research Centre, Defence Research and Development Canada, January 1, 2016), https://cradpdf.drddc.gc.ca/PDFS/unc250/p804652_A1b.pdf.

Хотя война нарративов оказывает мощное политическое и военное воздействие на население, действующие нормы и старые структуры мешают вооружённым силам демократических стран развивать навыки информационной войны, присущие автократичным государствам и их армиям. В то время как придумывание событий и использование придуманных участников и источников информации для распространения фейковых новостей о них этически неприемлемо для демократических стран—по крайней мере в большинстве случаев—остаётся нерешённым вопрос, что могут сделать вооружённые силы демократических стран, чтобы законно и эффективно противостоять в войне нарративов с высокими ставками?

Формирование устойчивости к манипулированию нарративами

Очевидно, что лучший сценарий для демократических правительств – повысить устойчивость аудитории к дезинформации и другим формам манипулирования нарративами. Информирование о дезинформации и повышение медиа-грамотности – важный аспект гражданственности, который военные вместе с другими органами власти должны поощрять внутри страны и за рубежом. Для оказания помощи в этом были разработаны многочисленные ресурсы.⁶ Но учитывая огромную психологическую силу и эмоциональную привлекательность новостей и нарративов, для того, чтобы научить общество распознавать конфликтные нарративы и противодействовать их влиянию, может понадобиться много времени – возможно, поколения.⁷ Поэтому авторы считают, что военным нужно изучить и усовершенствовать другие способы повышения своей конкурентоспособности в информационном пространстве.

Повышение конкурентоспособности нарративов

Повысить эффективность военных в конкуренции нарративов могло бы развитие умения интересней подавать новости. Военные действия часто сопряжены с интересными моментами, способными превратить их в увлекательную историю с высокой драматургией и моралью, экзотической обстановкой и, часто, смелыми и изобретательными героями. Но военные не делают

⁶ See Cherilyn Ireton and Julie Posetti, eds. (UNESCO), *Journalism, 'Fake News' and Disinformation: A Handbook for Journalism Education and Training* (UNESCO, 2018).

⁷ Christoph Eisemann and Christoph Pimmer, "Educational Approaches to Address Fake News: Preliminary Insights from a Systematic Review," in *Proceedings of the IADIS International Conference Cognition and Exploratory Learning in the Digital Age 2020*, ed. Demetrios G. Sampson, Dirk Ifenthaler and Pedro Isaías (Lisbon, November 2020), https://www.researchgate.net/publication/344217167_Educational_approaches_to_address_fake_news_preliminary_insights_from_a_systematic_review.

акцента на этих моментах в своих сообщениях. Видимо, они сохраняют объективно-обезличенный стиль подачи информации, чтобы выглядеть открытыми и избежать обвинений в пропаганде.^{8,9}

Но исследования показывают, что доверие к организации основывается и на других ценностях, таких, как доброжелательность и честность, которые может быть легче передать с помощью более эмоциональных коммуникативных подходов.¹⁰ Кроме того, совершенно нейтральный стиль подачи вряд ли позволит выделиться в борьбе нарративов в соцсетях, освободив место другим, менее принципиальным претендентам на влиятельные роли.

Коротко говоря, если военные хотят, чтобы их отчёт о событиях привлекал больше внимания среди нарративов соцсетей и выглядел более достоверным для аудитории, им стоит изменить подход к коммуникации. Один из предлагаемых путей добиться этого – посмотреть на себя по-новому, превратиться из источника фактической информации для рационального потребления в рассказчиков, предлагающих истории, способные привлечь разную аудиторию на разных уровнях.¹¹

Нарративный интеллект

Первое требование к разработке более действенных нарративов – выработать нарративный интеллект. Информация существует не в вакууме; можно предлагать, менять и адаптировать истории, взятые из более крупных сетей, влияя на культурный дискурс и на умы. Соответственно, чисто нарративный интеллект должен ориентироваться на выявление и понимание тех типов нарративов, к которым уже предрасположена основная аудитория, наряду с историями на военные темы, циркулирующими в данный момент в данной аудитории. Нарративный интеллект – близкий родственник культурного интеллекта, к которому уже давно обращаются военные, чтобы выиграть «сердца и умы» аудитории,¹² он помог бы историям, рассказанным военными, найти отклик среди проблем, интересов и предпочтений аудитории.

⁸ Government of Canada, Treasury Board Secretariat, “Policy on Communications and Federal Identity,” 2019, <https://www.tbs-sct.canada.ca/pol/doc-eng.aspx?id=30683>.

⁹ Robert T. Davis II, “The US Army and the Media in the 20th Century,” Occasional Paper 31 (Fort Leavenworth, Kansas: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2009), <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1118120.pdf>.

¹⁰ Roger C. Mayer, James H. Davis, and F. David Schoorman, “An Integrative Model of Organizational Trust,” *The Academy of Management Review* 20, no. 3 (1995): 709-734, <https://doi.org/10.2307/258792>.

¹¹ Jan K. Hanska, “Narrative Approach to the Art of War and Military Studies: Narratology as Military Science Research Paradigm,” *Journal of Military Studies* 5, no. 1 (June 2014): 1-19, <https://doi.org/10.1515/jms-2016-0186>.

¹² Christopher Paul, Colin P. Clarke, Beth Grill, and Molly Dunigan, *Paths to Victory: Lessons from Modern Insurgencies* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013), https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR291z1.html.

Хорошей новостью является то, что разрабатываются инструменты на основе искусственного интеллекта, которые смогут находить и группировать нарративы в традиционных СМИ и соцсетях по общим темам, а также настроениям, которые они отражают, и соцсетям, где они популярны.¹³ Структурируя большие объёмы данных публичного информационного пространства, такие инструменты могут помочь военным понять картину нарративов и свою действенную роль в ней.¹⁴ Мы предлагаем использовать пирамидальную модель нарратива, показывающую, что происходит с данными историй, обсуждаемых в разных группах, чтобы облегчить общее понимание предпочтительных нарративов по различным темам и лежащим в их основе главным нарративам, структурирующим их мнения.

Рис. 1: Модель анализа и конструирования нарратива.

Конструирование нарратива

Модель нарратива также может помочь найти и разработать контент, который будет отражать, а иногда и подталкивать мнение аудитории, формируя

¹³ Bruce Forrester, Shadi Ghahar-Khosravi, and Suzanne Waldman, “Machine Learning-Enabled Narrative Search in the Information Environment,” MP-SAS-OCS-ORA-2021-AIML-02-4, 15th NATO Operations Research and Analysis Conference, October 18-20, 2021 (Paris: NATO Science and Technology Organization, October 2021), <https://www.sto.nato.int/publications/STO%20Meeting%20Proceedings/STO-MP-SAS-OCS-ORA-2021/MP-SAS-OCS-ORA-2021-AIML-02-4.pdf>.

¹⁴ Suzanne Waldman et al., “Enabling Narrative Sensemaking in the Information Environment: An Evaluation of Commercially-Available Media and Social Media Monitoring and Analysis Tools for Enabling Situational Awareness of Military-Relevant Narratives in the Information Environment,” Technical Report DRDC-RDDC-2021-R093 (Toronto, ON: Toronto Research Centre, Defence Research and Development Canada, April 2021).

общую позицию. Самая трудная часть коммуникации при помощи нарративов – создать контент, который содержательно донесёт желаемые нарративы до конкретной реальной аудитории. Нарративы имеют форму утверждений касательно тем («вакцины вреднее, чем болезни, от которых они защищают») или событий («COVID-19 создали в лаборатории»). Аудитория обычно склонна воспринимать нарративы не логически, в форме утверждений, а в виде рассказанных им историй, то есть свидетельств людей, заболевших от вакцины, или слов якобы свидетеля, разоблачающего предполагаемую лабораторию. Поэтому самые действенные рассказчики в первую очередь передают не сами нарративы, а истории и события, подтверждающие эти нарративы.

Поскольку многие военные уже привержены стратегическим нарративам, они вполне могут преуспеть в этом виде коммуникации, имея волю и навыки для этого. Общеизвестная истина стратегической коммуникации состоит в том, что военные операции нужно объяснять и оправдывать стратегическими нарративами.¹⁵ Однако военным нужно больше думать о том, как действенно донести стратегические нарративы до аудитории посредством рассказа или истории, которые сделают эти нарративы значимыми и убедительными. Мы предлагаем три основных взаимосвязанных средства, с помощью которых военные могут добиться эффекта от нарратива: (1) рассказывая о ситуациях и интерпретируя их через нарративы; (2) действиями, подтверждающими нарративы; и (3) сообщениями о своих действиях, показывающими их соответствие.

Использование эффектов нарратива

Рис. 2: Три модели использования эффекта нарративов.

¹⁵ NATO MC 0628 (Final), “NATO Military Policy on Strategic Communications,” July 26, 2017.

Стратегия или операция, использующая нарратив, должна быть спланирована так, чтобы легко переходить от одного средства к другому при использовании коммуникационных возможностей для донесения истории до аудитории, показывая ей, что происходит, вместе с решением, реалистично воплощая это решение в активные действия, а затем в деталях объяснить аудитории, как эти действия привели к желаемым результатам.

Переходя к тому, как создавать истории, являющиеся ключевым элементом этого цикла, теоретики историй («нарративисты») говорят нам, что впечатляющая история — это не просто описание событий.¹⁶ Хорошая история имеет как минимум четыре элемента: *Сюжет*, помещающий нарратив в пьесу и предопределяющий развитие событий – штиль перед бурей, или тьма перед рассветом; *Архетипы* – шаблонные, структурно противоположные персонажи действия; *Образность*, делающая ситуацию осязаемой для аудитории; и *Ценности*, которые реально укрепляют или защищают. Хорошо тут то, что военные истории, как правило, драматичны, сопряжены с высокими ставками и по своей сути имеют эти четыре элемента. Тем не менее историю нужно придумать и преподнести, чтобы лучше раскрыть эти черты, превращая военные события в захватывающую историю с убедительными персонажами и реалистичным сюжетом, со взлетами и падениями, перипетиями и поворотами.

Если нет непосредственного участия в боевых действиях, хороший сюжет предполагает выход за рамки статических изображений военной техники, которыми изобилуют военные соцсети. Вместо этого военные должны постоянно напоминать, где они видят себя в более широком «сюжете» стратегических задач. Как военные защищают или продвигают ценности, от чьего имени, с какой целью? Теория литературы учит, что два основных сюжета, лежащих в основе действия – это комедия и роман, или, соответственно, сохранение в целом хорошей ситуации, несмотря на шероховатости, и превращение в целом плохой ситуации в хорошую путём радикального очищения.¹⁷ Тип операций, в которых участвуют военные, можно убедительно описать, используя шаблонные черты такого рода сюжетов. В комедиях обычно присутствуют узнаваемые персонажи, остроумные друзья и интриги, с унижительным разоблачением злодеев, а в романах мы чаще видим более неоднозначных героев, непредсказуемые и опасные поиски и конфликты, драматические и резкие повороты сюжета.

Для историй тоже нужны герои, которых можно сравнительно однозначно соткать из текста и образов отдельных бойцов, как архетипных персонажей, участвующих в захватывающих боях для достижения важных це-

¹⁶ Mark A. Finlayson and Steven R. Corman, “The Military Interest in Narrative,” *Sprache und Datenverarbeitung* 37, no. 1-2 (2013): 173-191, https://users.cs.fiu.edu/~markaf/doc/j2.finlayson.2013.sdv.37.173_archival.pdf.

¹⁷ Northrop Frye, *Anatomy of Criticism: Four Essays* (Princeton University Press, 1957), <https://doi.org/10.2307/j.ctvct0080>.

лей. Называть этих избранных участников по имени не обязательно, но полезно, чтобы вызвать «парасоциальное отношение» аудитории, и важно для формирования её сопричастности и лояльности.¹⁸ Как уже говорилось, особенно симпатичные или привлекательные люди становятся отличными героями комедии, а более настойчивые или интеллектуальные участники создают образы для романов. Создание негативных архетипов может быть более сложным, поскольку существует понятная политическая сдержанность в отношении имен злодеев «ниже порога». Тем не менее для достижения драматизма следует хотя бы намекнуть на присутствие опасных игроков, оправдывающих военные действия.

Все эти характеристики иллюстрирует следующее фото, удачно найденное в твиттере «Great Military Pics». На фото явно присутствует *Сюжет* – отражение угрозы; *Архетип* защитника невинных; *Образность* в использовании оружия как рубежа «между двух огней»; и *Ценности* безопасности и отсутствия террора. Хотя не каждый военный твит столь драматичен, тут мы видим пример медийной *реакции* и запоминающегося контраста, к которому следует стремиться военным в своих историях.

Рис. 3: Из аккаунта в твиттере «Great Military Pics», 2013 (источник неизвестен).

¹⁸ Riva Tukachinsky, Nathan Walter, and Camille J. Saucier, “Antecedents and Effects of Parasocial Relationships: A Meta-Analysis,” *Journal of Communication* 70, no. 6 (December 2020): 868-894, <https://doi.org/10.1093/joc/jqaa034>.

Пример: Светлана Тихановская

Как можно заключить из фото выше, наилучший рассказ на военно-политическую тему связан с максимальным использованием реальных обстоятельств, транслируя захватывающие и важные события, рассказывая, как эти события связаны с ценностями, и показывая интересных, выразительных реальных людей, способных создать образы, которые привлекут аудиторию.

Свежим примером захватывающей политической истории с высокими ставками, яркими характерами и сюжетом стала история белорусского лидера в изгнании Светланы Тихановской. В 2020 г. Тихановская баллотировалась в президенты «по любви»—после того, как её мужа арестовали за такие планы—чтобы вызволить его из тюрьмы. Проиграв официальное голосование, Тихановская бежала в Литву, чтобы заручиться поддержкой, как законный лидер Беларуси в изгнании. В Европе и странах НАТО её восприняли как селебрити, возможно, отчасти потому, что её история возродила классический комедийный (но не смешной) сюжет, восходящий к римскому периоду, где отважные молодые люди борются с угасающим старым тираном, чтобы построить мир, в котором они смогут свободно любить.

Рис. 4: Твит Светланы Тихановской от 7 августа.

Эта история также показывает, как для создания впечатляющей истории используют классические персонажи – «архетипы». Симпатичная Тихановская хорошо подходит на роль интересной, активной героини комедии, изъ-

ясняющейся в социальных сетях простым эмоциональным языком и говорящей о вещах, важных для каждого. Напротив, действующего президента Лукашенко легко изобразить тупым коррумпированным тираном, еще одним архетипным персонажем римской комедии.¹⁹

Как и следовало ожидать, анализ соцсетей показывает, что большая часть драмы в этой истории возникла из-за абсурдных посягательств режима Лукашенко. В их числе – посадка иностранного самолета, чтобы арестовать пару молодых активистов, и давление тренеров на Олимпийских играх на легкоатлетку, чтобы та вернулась домой и ответила за откровения в соцсетях, что заставило её сбежать в аэропорт, где она умело воспользовалась Telegram и Google Translate. Данные социальных сетей также показывают, что эти действия не стали известны сами по себе, а были умело использованы предвыборной командой Светланы Тихановской для достижения международного резонанса.

Хотя нельзя быть уверенным, что события в Белоруссии закончатся традиционно для комедии – обществом всеобщего благоденствия, где молодые люди смогут любить свободно²⁰ – историю умело преподносят, чтобы побудить стратегическую аудиторию в мире стремиться к этому финалу.

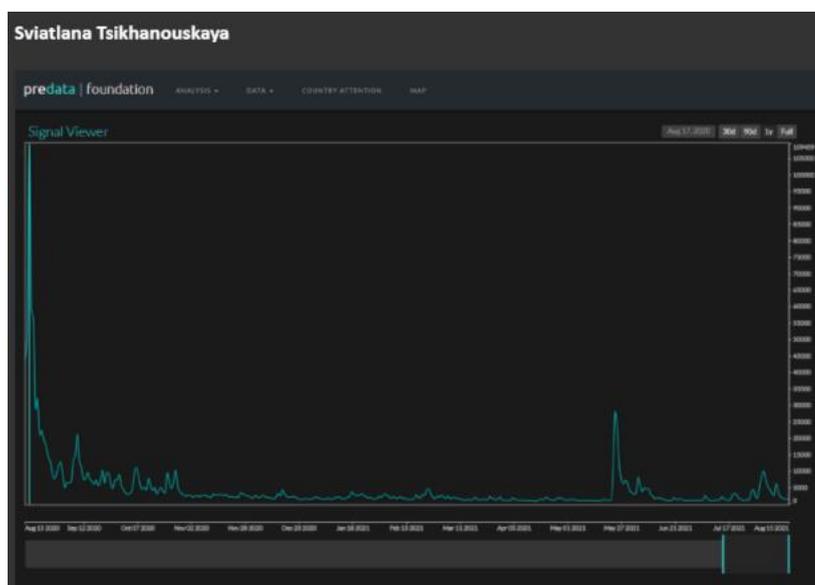

Рис. 5: Результаты поиска на платформе Predata, показывающие пик внимания к Светлане Тихановской в 2021 г. в день, когда режим Лукашенко посадил самолёт RyanAir, выполнявший рейс 4978.

¹⁹ Frye, *Anatomy of Criticism*.

²⁰ Frye, *Anatomy of Criticism*.

Заключение

Совершенствование нарративистских возможностей потребует от военных развития ряда взаимосвязанных умений. К ним относится умение найти и донести историю, включающую сюжет, характеры и образы, и рассказать её голосом реального человека, используя методы коммуникации, способствующие её органичному донесению до ключевой аудитории.

Эти возможности также включают возможности разведки и анализа на основе открытых источников для понимания культуры нарративов аудитории в инфопространстве, включая главные нарративы, избранные сюжеты и характерные истории, выражающие её мировоззрение и устремления. Например, комедии, подобные той, которую играет Светлана Тихановская, обычно нравятся оптимистам-прогрессистам, которые верят, что проблемы решатся сами собой, если только устранить корыстные мотивы. Другим примером такого оптимистичного и прогрессивного лидера является Грета Тунберг, молодая защитница окружающей среды, которая выступает за ослабление влияния компаний, использующих ископаемые виды топлива, чтобы помочь развитию ветровой и солнечной энергетики. Не случайно Тунберг присутствовала на митинге в поддержку Тихановской в мае прошлого года в Швеции, тем самым поддержав дело белорусского сопротивления в своих сетях. Военные и другие ведомства могут поучиться тому, как нужно эффективно использовать влиятельных сторонников.

Компетентность в нарративах также предполагает понимание конкурирующих нарративов и умение предвидеть последствия. В отличие от относительно беззаботных комедийных нарративов, любимых оптимистами, изолированные сообщества и людей – революционеров и заговорщиков – обычно привлекают более мрачные романтические нарративы о неоднозначных героях, решившихся проникнуть «в пасть зверя» – власть элиты – и поразить его.²¹ Такие жестокие романтические нарративы можно обнаружить в основе многих темных политических фантазий, окружающих нас, которые время от времени воплощаются в жизнь в реальном мире. Более того, как показывают приведенные выше данные Predata, действия собственной стороны могут больше всего усилить нарративы противников. Чтобы не подыгрывать романтическим историям врагов о простых людях, противостоящих коррумпированной элите, армия и другие институты могли бы отказаться от привычных бюрократических фото рукопожатий и встреч лидеров. Вместо этого им следует обратить внимание в своих нарративах на повседневных героев внутри и за пределами своей организации, которые демонстрируют ценности искренности и доброжелательности, необходимые для доверия.²²

²¹ Frye, *Anatomy of Criticism*.

²² D. Harrison McKnight and Norman L. Chervany, "What is Trust? A Conceptual Analysis and an Interdisciplinary Model," in *Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2000 Proceedings*, 382, <https://aisel.aisnet.org/amcis2000/382>.

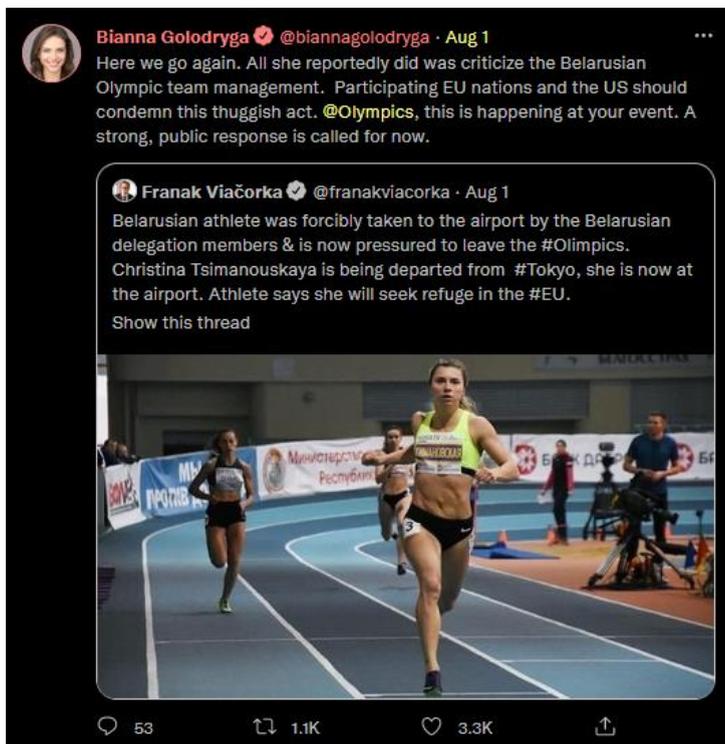

Рис. 6: Твит журналистки CN Бианны Голодрыги, позаимствованный из твиттера старшего советника Светланы Тихановской, о преследовании белорусским режимом участницы Олимпийских игр, спринтера Кристины Тимановской, 1 августа 2021 г.

Но понимание нарративов, которое нужно в первую очередь усвоить военным институтам, заключается в том, как в целом подаётся применение силы. Командиры, планирующие операции, должны понимать, что истории, которые расскажут об их действиях, повлияют на гораздо больше людей, чем их оружие. Операторы должны понимать, что злоумышленники неизбежно будут использовать ошибки в их действиях. Коммуникаторам нужно понимать, что интересный сюжет, узнаваемые персонажи и простой язык нравятся всем. Напротив, посты, посвященные снаряжению и написанные жаргоном, не затронут почти никого, кроме самой организации, усиливая культурную изоляцию, вместо того, чтобы искать выход за её пределы для продвижения военных ценностей. В «старую-новую» эпоху нарративов никто не откажется рассказать свою историю или узнать историю, которую могут рассказать о нём.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Сьюзен Уолдмен – научный работник Управления НИОКР МО Канады.
Электронная почта: suzanne.waldman@ecn.forces.gc.ca

Он Гавел – стажёр Управления НИОКР МО Канады.
Электронная почта: sean.havel@ecn.forces.gc.ca

НАТО и промежуточные силовые возможности: Почему важен человеческий фактор

*Шэннон Фоли,¹ Кейтлин Джексон,¹ Сьюзен Арос,²
Анне Мари Бейлуни²*

¹ *Объединённое бюро промежуточных возможностей, Министерство обороны США, <https://jnlwp.defense.gov/>*

² *Центр моделирования человеческого поведения Школы повышения квалификации офицерских кадров ВМС, <https://www.nps.edu/cmhb>*

Аннотация: 24 февраля 2022 г., когда Россия напала на Украину, международный порядок изменился так же резко и внезапно, как и после терактов утром 11 сентября 2001 г., когда Организация Североатлантического Договора (НАТО) впервые в истории НАТО применила Статью 5. В результате российского вторжения потребность НАТО в средствах сдерживания – в надежде, что Статью 5 больше никогда не придётся применить – стала острее, чем когда-либо в XXI веке. Поскольку летальные средства абсолютно необходимы, но не достаточны, НАТО должна создать и поддерживать возможности, дополняющие летальную силу промежуточными возможностями для решения задач сдерживания во всём конкурентном континууме.

Промежуточные силовые возможности (Intermediate Force Capabilities, IFC) могут принести немедленную выгоду странам НАТО, дав руководителям и политикам нелетальные виды оружия (НЛВО), способные при необходимости сдерживать действия противника ниже уровня летальных боевых действий. IFC – этот термин был введён в Министерстве обороны США в 2020 г. для описания возможностей в промежутке между присутствием и летальным воздействием – включают НЛВО и другие дополнительные возможности и технологии, применяемые ниже порога вооружённого конфликта.

Ключевые слова: промежуточные силовые возможности, нелетальное оружие, симуляция, агентный, моделирование, силы безопасности, серая зона.

Вступление

24 февраля 2022 г., когда Россия напала на Украину, международный порядок резко и внезапно изменился. Российское вторжение поставило Организацию Североатлантического Договора (НАТО) в центр событий. Возможности сдерживания НАТО, как вклад в международную безопасность, имеют множество форм. Чтобы сдерживание, от ядерного оружия до кибератак, было эффективным, оно должно быть соразмерно масштабам конфликта, с учётом его динамики. Поскольку летальные средства абсолютно необходимы, но не достаточны, НАТО должна создать и поддерживать возможности, дополняющие летальную силу промежуточными возможностями для решения задач сдерживания во всём конкурентном континууме.

И Стратегическая концепция НАТО 2030 г., и реакция на российско-украинскую войну включают меры сдерживания, которые могут быть масштабированы к масштабу конфликта.¹ «Серая зона», которую часто называют конкурентным континуумом, охватывает аспекты стратегических и оперативных действий ниже уровня летального вооружённого конфликта непримиримых противоборствующих сторон. Война в серой зоне, именуемая также гибридной войной, включает элементы нерегулярных боевых действий.

Кроме войны в серой зоне, есть и другие этапы политического конфликта, отличные от летального противоборства. Летальное противоборство – не единственный этап войны. Сюда входят также зарождение конфликта, сдерживание, захват инициативы, стабилизация и установление гражданского правления. Одного лишь летального оружия недостаточно для достижения целей этих пяти этапов, особенно в современную эпоху, когда политические конфликты разворачиваются на глазах общественности.² Промежуточные силовые возможности (IFC) могут принести немедленную выгоду странам НАТО, дав руководителям и политикам нелетальные виды оружия (НЛВО), способные повлиять на действия противника ниже уровня летальных боевых действий.

Промежуточные силовые возможности

Термин «Промежуточные силовые возможности» (IFC) был введён Министерством обороны (МО) США в 2020 г. для описания возможностей в промежутке между присутствием и летальным воздействием. Он включает НЛВО и другие дополнительные возможности и технологии, применяемые

¹ Susan LeVine, “Beyond Bean Bags and Rubber Bullets: Intermediate Force Capabilities Across the Competition Continuum,” *Joint Forces Quarterly*, no. 100 (2021): 19-24, <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2497112/beyond-bean-bags-and-rubber-bullets-intermediate-force-capabilities-across-the/>.

² Krista Romita Grocholski et al., *How to Effectively Assess the Impact of Non-Lethal Weapons as Intermediate Force Capabilities*, Research Report RRA654-1 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022), <https://doi.org/10.7249/RR654-1>.

ниже порога вооружённого конфликта. IFC включают оружие, системы и боеприпасы, которые замедляют, останавливают и/или перенацеливают противника.³ Они заполняют тактический и стратегический промежуток между присутствием и летальным воздействием, минимизируя потери и сопутствующий ущерб. IFC включают старые НЛВО правоохранительных органов и передовые технологии, которые обеспечивают новое поколение возможностей с более широким диапазоном и продолжительностью воздействия на личный состав и технику в поддержку миссий в конкурентном континууме согласно Национальной стратегии обороны. IFC предлагают ряд масштабируемых вариантов, обеспечивающих соответствующий уровень силы, когда нужно минимизировать риск для непричастных гражданских лиц или окружающей среды.⁴

IFC полезны для операций объединенных сил и НАТО. IFC способствуют партнёрству, стойкости и продвижению, дав командирам эффективные и адаптированные меры противодействия тактике действий в серой зоне. Избирательное и относительно обратимое действие IFC, не предназначенных для причинения смерти или серьёзных ранений, также снижают риск эскалации конфликта и сохраняют ценное летальное оружие для использования в других местах.⁵ IFC дополняют летальные средства, помогая военнослужащим распознавать неопределённые ситуации, выявлять цели, усиливать защиту войск и снижать риск сопутствующего ущерба или жертв. IFC дают военнослужащим, участвующим в нерегулярных боевых действиях на суше, на море и в воздухе, больше возможностей для сдерживания/поражения. В целом, эти адаптивные меры повышают приспособляемость и способность Объединенных сил противостоять асимметричным непредсказуемым действиям. Как минимум, IFC могут обеспечить нелетальные средства с низким уровнем риска для сохранения возможностей по развитию партнёрских отношений с принимающей страной и союзными силами безопасности.⁶

Поскольку IFC оказывают избирательное и обратимое действие, не причиняя ненужных разрушений или смертей, они могут помочь достижению стратегических целей НАТО без непреднамеренного провоцирования, эскалации или затягивания боевых действий. IFC полностью соответствуют Стратегической концепции НАТО 2030 г. и предлагают набор возможностей, эффективно отвечающих на потребность в новых протоколах управления рисками после неспровоцированного нападения России на Украину. IFC позво-

³ Wendell B. Leimbach Jr., "DoD Intermediate Force Capabilities: Bringing the Fight to the Gray Zone," PowerPoint presentation available upon request, Joint Intermediate Force Capabilities Office.

⁴ Leimbach Jr., "DoD Intermediate Force Capabilities: Bringing the Fight to the Gray Zone," 3.

⁵ Stacia A. Hylton, "Use of Force," U.S. Marshals Service Policy Directives, по состоянию на 23 июля 2019, <https://cops.usdoj.gov/pdf/use-of-force.pdf>.

⁶ Hylton, "Use of Force," 3.

лят высшим руководителям НАТО увеличить время и пространство принятия решений, предоставив возможность убедиться, что предполагаемые враждебные действия на самом деле являются враждебными, одновременно заполняя разрыв между присутствием и летальным воздействием, но не снижая при этом общей летальности сил и средств.

Нелетальное оружие

НЛВО, как подвид IFC, дают боевым силам возможности для высвобождения личного состава, контроля за перемещениями групп, нейтрализации отдельных лиц и обеспечения безопасности без разрушений. НЛВО разрабатывают и используют в первую очередь для немедленного вывода из строя личного состава и техники, сводя к минимуму смертельные случаи, серьезные ранения личного состава и сопутствующий ущерб. Директива Министерства обороны 3000.3E устанавливает, что НЛВО должны оказывать действие, «сводящее к минимуму вероятность смертельных случаев, серьезных ранений и увечий», но при этом не требует «полного устранения риска этих действий». Хотя от НЛВО не требуется нулевая вероятность смертельного исхода или увечий,⁷ разработчики НЛВО обязаны описать (в требованиях, при испытаниях и оценке) как потенциальные травмы, так и эффективность применения оружия по цели.⁸ При разработке новых или решении использовать существующие НЛВО важно знать, может ли система вызвать непреднамеренные травмы. Как и другие системы вооружений, НЛВО должны иметь показатели надежности и эффективности для определения степени достижения намеченного результата. Для НЛВО аспекты человеческого воздействия, эффективности и потенциального ущерба часто являются наиболее важными ограничениями в торговле ими.

Воздействие на людей и обратимость

Воздействие на людей – это физическое влияние или поведенческая реакция человека на раздражитель или комплекс раздражителей. Процесс описания воздействия на людей помогает разрабатывать и развертывать нелетальное оружие, удовлетворяющее потребности военных в эскалации применения силы и обеспечивающее эффективность и понимание рисков.

⁷ Department of Defense Directive 3000.3, “DoD Executive Agent for Non-Lethal Weapons (NLW), and NLW Policy,” April 25, 2013, Incorporating Change 2, August 31, 2018, <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/300003p.pdf?ver=2018-10-24-112944-467>.

⁸ Department of Defense Instruction (DoDI) 3200.19, “Non-Lethal Weapons (NLW) Human Effects Characterization,” May 17, 2012, Incorporating Change 1, September 13, 2017, https://irp.fas.org/doddir/dod/i3200_19.pdf.

Кроме того, знания о воздействии на людей могут помочь командирам оперативного звена, предоставляя информацию для разработки тактики, методов, процедур применения нелетального оружия и обучения.⁹

В Инструкции МО (DoDI) 3200.19 определена политика, обязанности и процедуры описания воздействия нелетальных технологий и систем на человека. Описание воздействия на человека – это формальный процесс описания совокупности сведений о физиологических и поведенческих эффектах данного НЛВО. Инструкция устанавливает риск тяжких телесных повреждений в качестве показателя обратимости воздействия НЛВО на людей. Риск тяжких телесных повреждений – это вероятность того, что НЛВО прямо причинит увечья, включая смерть, или травмы, требующие более глубоких навыков, чем оказание ограниченной первой медицинской помощи (самопомощи, помощи товарища или санитара), чтобы не вызвать увечий. Увечье формально определяется в DoDI 3200.19 как «телесное повреждение, которое навсегда нарушает физиологические функции и ограничивает трудоспособность или другую деятельность человека на всю оставшуюся жизнь». Если раны не причиняют увечье или смерть, определение на основе ограниченной первой медицинской помощи используют для того, чтобы разграничить категории «тяжких» и «не тяжких». Ранение, требующее большего ухода, чем ограниченная первая медицинская помощь, чтобы избежать увечий, считается тяжким.¹⁰

Кроме того, DoDI 3200.19 требует, чтобы риск тяжких телесных повреждений для всех нелетальных технологий и систем определял орган боевого планирования (командование или ведомство, которое определяет доктрину, концепцию, организацию, требования к технике, задачи, и представляет пользователей при закупке имущества).¹¹ Смысл риска тяжких телесных повреждений – помочь при разработке техники и информировать командиров о степени риска предполагаемого применения НЛВО. Военные при посредстве органов боевого планирования определяют этот риск, исходя из концепции операций с применением нелетальных средств. Это определение условно, оно учитывает предполагаемое применение и мнение экспертов по воздействию на людей. Таким образом, риск тяжких телесных повреждений дополняет характеристики нелетальности Минобороны. Нахождение компромисса между риском тяжких телесных повреждений и эффективностью имеет центральное значение при разработке НЛВО.

⁹ DoDI 3200.19, “Non-Lethal Weapons (NLW) Human Effects Characterization,” 8.

¹⁰ DoDI 3200.19, “Non-Lethal Weapons (NLW) Human Effects Characterization,” 8.

¹¹ DoDI 3200.19, “Non-Lethal Weapons (NLW) Human Effects Characterization,” 8.

Возможности для командиров

НЛВО дают командирам возможности для эскалации и деэскалации применения силы, повышая эффективность действий в типичных боевых ситуациях последнего времени. Описание воздействия НЛВО на людей с использованием полученных знаний и уроков стало более чётким и совершенным. Сегодня на его основе происходит разработка НЛВО на ранних стадиях, ориентируясь в первую очередь на потребности военных, сформулированные органами боевого планирования. Поэтому постоянное совершенствование описания воздействия на людей является ключом к совершенствованию нелетального оружия и промежуточных силовых возможностей.

Боевые командования используют утверждённые постоянные правила ведения боевых действий, адаптируя их к конкретным условиям. Командующие оперативными соединениями берут постоянные правила ведения боевых действий (с пояснениями) и применяют их как можно более консервативно, но не более творчески, чем постоянные правила ведения боевых действий. Объединённое бюро промежуточных возможностей (Joint Intermediate Force Capabilities Office, JIFCO) имеет офицера взаимодействия в каждом из географических боевых командований для содействия этому процессу. Кроме того, важно понимание связи между JFC, правилами ведения боевых действий и эффективностью. Стоит подчеркнуть, что физиологическое воздействие НЛВО на личный состав не является самоцелью применения НЛВО. Командиры должны знать, как применить комплекс НЛВО, чтобы вызвать ожидаемые изменения в поведении цели. Для этого необходимо сопоставить физиологические эффекты с поведенческими последствиями.

Влияние на поведение

Суть НЛВО заключается в воздействии на поведении человека. Есть две основные категории НЛВО: для поражения личного состава и систем вооружения. Целью НЛВО, предназначенных для поражения личного состава, является выведение из строя, сдерживание, отвлечение, подавление или перемещение человека. Этого можно достичь при помощи различных средств: звука, света, давления, направленной энергии, неприятных запахов, электромышечной стимуляции и многого другого. В этих случаях даётся физический импульс, возникает физиологическая реакция, а результатом является изменение поведения. Например, при использовании светозумовой гранаты на человека воздействует громкий звук, яркий свет и давление; человек ощущает физиологические эффекты и проявляет некие когнитивные и эмоциональные реакции. Эти эффекты могут заставить человека изменить свое поведение. Степень изменения поведения является одним из показателей эффективности системы вооружения. Поведенческую эффективность может быть трудно измерить, потому что люди думают, чувствуют и действуют в динамичной взаимосвязи друг с другом и с окружающей средой.

Иногда основное внимание уделяют оценке физиологического эффекта, а не поведения, поскольку его легче оценить и он может дать другие научные преимущества. Например, когда используют устройство для электромышечного выведения из строя (Human Electro-Muscular Incapacitation, HEMI), физиологический эффект поражения мышц скелета настолько силён, что человек не может контролировать своё поведение. В этом случае физиологический эффект является подходящей мерой эффективности, соответствующей изменению поведения. Но в случае других НЛВО физиологический эффект не отражает истинных последствий НЛВО. Кроме того, НЛВО иногда используют против нескольких людей или толпы. Независимо от того, идёт ли речь об одном человеке, нескольких, или толпе, понимание человеческого поведения имеет решающее значение для понимания эффективности системы НЛВО.

Помимо эффективности системы, понимание и, в конечном итоге, способность прогнозировать поведение человека важны для повышения эффективности тактики и всей миссии. Континуум применения знаний о человеческом поведении широк. То, как мы используем системы, так же важно, как и сама технология. Сюда входит весь спектр проектирования систем (например, был ли световой луч того цвета, который может служить предупреждением?), а также, в более широком смысле, тактика, методы, процедуры (была ли эффективна тактика использования системы?), правила ведения боевых действий (обеспечил ли способ применения эффективное использование системы?), культурные соображения (влияет ли местная культура на потенциальную эффективность системы?) и основы психологии (способствовала ли сильная жара эскалации напряженности?). Анализируя изменения поведения и эффективность, необходимо учитывать весь спектр способствующих факторов. Кроме того, возможен полный спектр творческих и инновационных решений. Часто эти инновационные решения также предлагают экономное решение. Например, если мы знаем, что сильная жара может вызвать вспышку гнева, то, возможно, палатки и вентиляторы на контрольно-пропускном пункте или при раздаче еды предотвратят агрессию. Или, исходя из основ психологии, если камеры устанавливать с предупреждением об их наличии, эскалацию агрессии можно предотвратить, напоминая людям об их идентификации и месте в обществе (а также о том, что их можно найти и привлечь к ответственности за свои действия). Такие простые вещи, как понятный предупреждающий знак, могут быть чрезвычайно эффективны при малых затратах – в этом случае проблема не в технологичности или дороговизне, а в осведомленности и понимании, что такой знак необходим. Когда мы ставим цель изменить поведение, появляется множество решений.

Что мы знаем о толпе

Мы знаем, что много старых представлений о толпе не соответствуют действительности.¹² Толпа неоднородна, её участники не одинаковы по мотивации и поведению, а люди не теряют своей индивидуальности, ощущая некую общую анонимность. Скорее толпа состоит из небольших групп людей, компаний, которые приходят, остаются и уходят вместе.¹³ Насилие не является уникальной чертой толпы.¹⁴ Среди множества толп, которые каждый день собираются на концерты, празднования или для общения, лишь немногие заканчиваются насилием. Участники толпы могут попасть под влияние или перенять эмоции и поведение других людей в толпе, но этот эффект условен. Этот эффект определяет социальная идентификация человека, наряду с близостью.¹⁵

Исследования также показали, что утрата легитимности силами безопасности часто вызвана вероятным несоответствием серьёзности их оружия и враждебности пострадавших.¹⁶ Возникающие в результате этого и других процессов страх и гнев могут серьёзно повлиять на поведение толпы. Участники толпы не утрачивают свою идентичность, а под влиянием этой динамики приобретают новую, групповую идентичность, способную передавать эмоции и создавать особую динамику толпы.¹⁷ Угроза и страх — две главные эмоции, которые связаны со вспышкой насилия и могут объединять разрозненные группы в толпе, создавая более крупную группу с более силь-

¹² Clark McPhail, *The Myth of the Madding Crowd*, 1st Edition (Routledge, September 2017).

¹³ Benjamin Cornwell, "Bonded Fatalities: Relational and Ecological Dimensions of a Fire Evacuation," *The Sociological Quarterly* 44, no. 4 (September 1, 2003): 617-638, <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2003.tb00528.x>.

¹⁴ John M. Kenny et al., "Crowd Behavior, Crowd Control, and the Use of Non-Lethal Weapons," Human Effects Advisory Panel Report of Findings (University Park, PA: Institute for Non-Lethal Defense Technologies Applied Research Laboratory, The Pennsylvania State University, January 1, 2001, https://live-cpop.ws.asu.edu/sites/default/files/problems/spectator_violence/PDFs/HEAP.pdf

¹⁵ Fergus G. Neville et al., "Self-Categorization as a Basis of Behavioural Mimicry: Experiments in The Hive," *PLOS ONE* 15, no. 10 (October 30, 2020): e0241227, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241227>; Clifford Stott, John Drury, and Steve Reicher, "On the Role of a Social Identity Analysis in Articulating Structure and Collective Action: The 2011 Riots in Tottenham and Hackney," *The British Journal of Criminology* 57, no. 4 (July 2017): 964-981, <https://doi.org/10.1093/bjc/azw036>.

¹⁶ Clifford Stott et al., "Patterns of 'Disorder' During the 2019 Protests in Hong Kong: Policing, Social Identity, Intergroup Dynamics, and Radicalization," *Policing: A Journal of Policy and Practice* 14, no. 4 (December 1, 2020): 814-835, <https://doi.org/10.1093/police/paaa073>.

¹⁷ Susan Aros, Anne Marie Baylouny, Deborah E. Gibbons, and Mary McDonald, "Toward Better Management of Potentially Hostile Crowds," in *2021 Winter Simulation Conference (WSC)*, Phoenix, AZ, December 12-15, 2021, 1-12, <https://doi.org/10.1109/WSC52266.2021.9715452>.

ным чувством самоуверенности. Эта более крупная группа может совершать агрессивные действия, упиваясь своей численностью.¹⁸ Но эти люди не теряют индивидуальности и сохраняют свободу действий: некоторые могут покидать и покидают группу, если она не соответствует их социальной идентичности. Следовательно, хотя мы и можем моделировать её как совокупную группу, мы должны предусматривать возможность отказа от групповых действий.

Наука и технологии влияния на поведение

JIFCO проводило постоянные исследования воздействия IFC на поведение людей. Прошлые и нынешние исследования сосредоточены на двух важных аспектах: как IFC могут влиять на человеческое поведение в целом, и как каждый конкретный вид IFC повлияет на поведение человека при его использовании. Исследования влияния IFC и НЛВО на людей включают изучение того, как IFC могут повлиять на человеческое поведение, и какое влияние каждый конкретный вид IFC окажет на поведение человека при его использовании в целях миссии.

В последние годы JIFCO спонсировало создание возможностей агентного моделирования (инструмент для уточнения правил действий против враждебной толпы – WRENCH) для этих конкретных целей. Моделирование и экспериментирование с использованием WRENCH позволят изучить возможные сочетания НЛВО и правил действий для осознанной выработки будущей политики НЛВО.

Поведенческая эффективность НЛВО в будущем

Ключевое значение для проектирования систем, тактической и оперативной эффективности имеет понимание человеческого поведения и способность применять эти знания. Цель более надежного агентного моделирования толпы – лучшее понимание последствий использования НЛВО для поведения толпы. Реакция толпы на использование IFC сложна и малопредсказуема; разные аспекты идентичности и групповой динамики часто влияют на реакцию толпы неожиданным образом. Агентное моделирование толпы сопряжено с рядом научно-технических проблем. Например, групповое поведение является результатом процессов нелинейной обратной связи, и толпа формирует сложную систему поведения, постоянно меняющуюся и действующую в нескольких направлениях одновременно. Важно

¹⁸ Randall Collins, "The Micro-Sociology of Violence," *British Journal of Sociology* 60, no. 3 (2009): 566-576, <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01256.x>; Anne Nassauer, "Situational Dynamics and the Emergence of Violence in Protests," *Psychology of Violence* 8, no. 3 (2018): 293-304, <https://doi.org/10.1037/vio0000176>; Norbert L. Kerr, "Illusions of Efficacy: The Effects of Group Size on Perceived Efficacy in Social Dilemmas," *Journal of Experimental Social Psychology* 25, no. 4 (July 1, 1989): 287-313, [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(89\)90024-3](https://doi.org/10.1016/0022-1031(89)90024-3).

понимать мотивирующие факторы индивидуального и группового поведения и то, как они меняются. Реалистичность представления моделью таких вещей, как идентичность, эмоции и социальные закономерности, будет определять её полезность.

WRENCH моделирует ключевые физические, психологические и социальные аспекты отдельных лиц и социальных групп, составляющих популяцию, в которой может возникнуть толпа. Люди находятся в динамическом взаимодействии с окружающей средой. Когда что-то происходит, у них могут возникнуть немедленные вспышки эмоций. Эти эмоции могут вызвать повышенную готовность к действию, что может вызвать (или не вызвать) немедленную поведенческую реакцию, поскольку готовность к действию является условием поведения, но не его детерминантой.¹⁹ Социальное заражение, тонкое влияние других людей, находящихся поблизости, тоже может воздействовать на эмоции. Известно, что помимо непосредственных эмоциональных реакций на опыт, на эмоции влияет когнитивная интерпретация этого опыта. Как отмечено выше, восприятие действий как уместных или чрезмерных может влиять на страх и гнев и способствовать изменениям во взглядах на легитимность сил. Эти эмоциональные и когнитивные процессы существенно влияют на уровень враждебности. На поведение влияют и многие другие факторы, такие, как физические потребности и травмы человека, его личные цели или задачи, уверенность в себе и социальные потребности.

Социальная идентификация и группы на основе социальной идентификации тоже влияют на поведение толпы. Люди имеют определённую социальную идентификацию и могут объединяться с другими людьми с общей идентификацией в группу, оставаясь вместе и влияя друг на друга. В некоторых случаях группа на основе социальной идентификации определяется принадлежностью к семье, другие группы возникают на базе другой социальной идентификации. Эти группы – не просто собрание их участников и не объединение индивидуумов в один сплочённый коллектив. Когда формируется группа, люди внутри нее сохраняют способность индивидуально реагировать на окружающую обстановку, в то же время находясь под влиянием группы. При моделировании, когда возникает группа на основе социальной идентификации, она сначала принимает общие характеристики отдельных участников, но по мере того, как со временем участники продолжают реагировать и приспосабливаться к обстановке, группа на основе социальной идентификации медленно меняется; изменения у отдельных участников группы не сразу меняют всю группу. Поэтому группы на основе социальной идентификации и отдельные люди динамичны. Как правило, члены группы склонны оставаться в группе, но если человек меняет свои

¹⁹ Nico H. Frijda, Peter Kuipers, and Elisabeth Ter Schure, "Relations among Emotion, Appraisal, and Emotional Action Readiness," *Journal of Personality and Social Psychology* 57, no. 2 (1989): 212-228, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.2.212>.

цели до такой степени, что его цели, эмоции или убеждения достаточно радикально отличаются от групповых, он может покинуть группу. В толпе происходят такие динамические изменения: одни люди и компании уходят, другие присоединяются. Существуют разные мотивы для объединения с другими людьми, как то: общие цели, страх или желание защитить кого-то. Подобно тому, как люди могут объединяться в группу, небольшие группы на основе социальной идентификации могут объединяться с другими небольшими группами, создавая намного бóльшие группы, но сохраняя свою субъектность.

В рамках WRENCH силы безопасности взаимодействуют с населением. Если собирается потенциально враждебная толпа, военнослужащие применяют IFC согласно определённым правилам действий, чтобы справиться с толпой, с летальными средствами в резерве. Правила действий в рамках WRENCH также содержат определённую информацию о тактике, методах и процедурах. Существуют разные виды промежуточных силовых средств, которые могут быть выданы военнослужащим, и могут применяться разные правила действий. Также можно указать особые правила действий. Это позволяет экспериментально опробовать действие разных IFC, отдельно или в сочетании, с разными правилами действий. Также может определяться разный состав сил, с разными установками по отношению к населению.

Поскольку разные характеристики толпы меняют ожидаемую реакцию толпы,²⁰ функции WRENCH позволяют определить различные характеристики населения. Сюда входит не только численность, демографический состав и первоначальная конфигурация группы на основе социальной идентификации, но и многие другие характеристики, способные повлиять на реакцию толпы. Общее отношение населения к войскам и первоначальные эмоции, цели, представления могут формироваться вместе с другими культурными чертами, такими, как личное пространство.

Идея программы симуляции WRENCH – получить представление об оперативных и стратегических последствиях применения различных НЛВО при разных правилах действий. В ближайшее время будут исследованы эффекты применения разных тактик, методов и процедур применения существующих НЛВО. Интерактивное применение WRENCH улучшит понимание потенциальных выгод использования разных НЛВО и правил действий в разных оперативных ситуациях. Масштабная симуляция и эксперименты с использованием WRENCH позволят изучить возможные сочетания НЛВО и правил действий для осознанной выработки будущей политики НЛВО. Исследования группы JIFCO по воздействию на людей должны дать НАТО глубокую показательную картину для учений, планирования и применения IFC с прямым, немедленным и предсказуемым действием.

²⁰ Kathryn M. Zeitz et al., "Crowd Behavior at Mass Gatherings: A Literature Review," *Prehospital and Disaster Medicine* 24, no. 1 (January-February 2009): 32-38, <https://doi.org/10.1017/s1049023x00006518>.

Промежуточные возможности и НАТО

Последние 20 лет НАТО спокойно и уверенно закладывала фундамент для использования промежуточных возможностей. НАТО через Организацию по науке и технологиям и группы основных систем вооружений поддерживала многочисленные инициативы, включая оценку на основе возможностей. Кроме того, Управление новых вызовов безопасности в штаб-квартире НАТО поддержало несколько демонстраций технологии и оценок. Консультативная промышленная группа НАТО провела исследования по расширению перечня нелетальных эффектов, средств противодействия малым БПЛА с малым побочным ущербом, а также возможности применения масштабируемого оружия направленной энергии с самолетов.

Совместная группа по изучению возможностей НЛВО в составе Группы по вооружениям сухопутных сил НАТО является постоянным органом стандартизации, включая взаимодействие с разработчиками доктрины НАТО по вопросам доктринальных последствий IFC. Сейчас, учитывая вторжение России в Украину, распространение боевых действий в серой зоне и непреходящую роль НАТО на мировой арене, необходимо прочное признание руководством НАТО и стран-участниц промежуточных возможностей как дополнения к летальной силе, что делает их неотъемлемым компонентом планирования и готовности НАТО.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Об авторах

Д-р **Шэннон Фоли** является специалистом по воздействию на людей в Объединённом бюро промежуточных возможностей (JIFCO) в Квантико, штат Виргиния, с 2013 г. Она руководит работами JIFCO по изучению воздействия на людей, цель которых – выработать понимание взаимосвязи дозы и реакции, особенностей человеческого поведения, и разработать модели, суррогаты и цели испытаний для обеспечения разработки, закупок и поступления на вооружение нелетального оружия. Д-р Фоли работает экспертом по вопросам воздействия на людей в группах разработки продукции программы совместных и видовых (видов вооружённых сил) боевых и технических разработок и программы закупок Министерства обороны (МО). Работая в интересах МО с 2006 г., она была инженером социальных систем в отделении Центра надводных боевых действий военно-морских сил в Далгрене, а до того работала партнёром МО в промышленности. Д-р Фоли – доктор и магистр когнитивной нейробиологии Университета им. Дж. Вашингтона.

Кейтлин Джексон – специалист по воздействию на людей в JIFCO. Работает в интересах JIFCO как подрядчика МО с 2015 г., последние три года занималась научным анализом и руководством программами в области воздействия на людей. Бакалавр биологии Университета Северной Каролины, магистр сохранения биоразнообразия Университета королевы Виктории в Веллингтоне.

Д-р **Сьюзен Арос** – доцент кафедры военного управления Школы повышения квалификации офицерских кадров ВМС и директор Центра моделирования человеческого поведения этой Школы. В настоящее время занимается исследованиями моделирования человеческого поведения и определением динамики толпы в контексте безопасности при помощи агентного моделирования. Доктор управления информацией, рисками и операциями Техасского университета в Остине, магистр научной организации управления производством Корнелльского университета, магистр в области формирования личности Университета Биола, бакалавр психологии Корнелльского университета.

Электронная почта: skaros@nps.edu

Д-р **Анне Мари Бейлуни** – преподаватель национальной безопасности в Школе повышения квалификации офицерских кадров ВМС и директор Центра моделирования человеческого поведения этой Школы. Специализируется на беженцах, динамике протестов и ближневосточной политике. В настоящее время работает над теорией компьютерного моделирования взаимодействия между различными типами толпы и силами безопасности с применением менее смертоносного оружия. Бейлуни – доктор политологии Калифорнийского университета в Беркли и научный сотрудник программы Аббаси по исламским исследованиям в Стэнфордском университете. *Электронная почта:* ambaylou@nps.edu

Connections: The Quarterly Journal **Указания по подаче материалов и стилю**

Connections принимает рукописи объёмом от 2000 до 5000 слов, написанные понятным языком для целевой аудитории информированных специалистов-практиков и учёных в области обороны и безопасности. Все рукописи следует подавать в редколлегию *Connections* на электронную почту PfPCpublications2@marshallcenter.org или загружать на веб-сайт журнала, <https://connections-qj.org>. В них должно быть указано имя автора, нынешнее место его работы и предварительное название вверху первой страницы, а также, при необходимости, ссылки. Кроме того, авторы должны представить аннотацию и ключевые слова рукописи.

Предпочтительные темы для будущих изданий журнала:

- Война в Украине
- Постконфликтное управление
- Противодействие гибридной войне
- Укрепление Североатлантического альянса
- Борьба за ресурсы и её влияние на безопасность
- Негосударственные игроки в киберпространстве
- Новые и прорывные технологии
- Цифровые трансформации и безопасность
- Строительство институтов обороны
- Борьба с коррупцией и формирование добропорядочности
- Совершенствование военного образования

По вопросам сносок и ссылок см. *Chicago Manual of Style*, http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html.

Инициативные рукописи принимаются в текущем порядке на усмотрение Редколлегии Консорциума ПрМ.

НАТО сталкивается с противниками, намеренно совершающими акты агрессии ниже порога применения летальной силы или способные вызвать летальный ответ НАТО, что повлечёт такие издержки для Альянса, как нежелательная эскалация, риски сопутствующего ущерба, включая жертвы среди гражданского населения, или создание негативного образа. В настоящее время ответные действия НАТО часто ограничиваются двумя крайностями: либо просто присутствием, либо применением смертоносной силы, что отдаёт инициативу противнику. Выпуск содержит ряд статей, посвящённых потенциалу промежуточных силовых возможностей (включая нелетальное оружие, кибероперации, информационные операции, РЭБ и такие стратегические возможности, как обеспечение стабильности и использование сил специальных операций) и тому, как они могут решить нынешнюю дилемму НАТО при действиях ниже порога применения летальной силы.

По всем вопросам, касающимся журнала CONNECTIONS, пожалуйста связывайтесь с:

Partnership for Peace – Consortium
Managing Editor – LTC Ed Clark
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen, Germany
Phone: +49 8821 750 2259
E-Mail: PfPCpublications2@marshallcenter.org

ISSN 1812-1101

